КАРЛОС КАСТАНЕДА

Активная Сторона Бесконечности

София

Карлос Кастанеда

Активная Сторона Бесконечности

«София Медиа»

1998

Кастанеда К. С.

Активная Сторона Бесконечности / К. С. Кастанеда — «София Медиа», 1998

ISBN 978-5-399-00610-9

В этой книге кроме бесед с доном Хуаном и магической работы есть то, чего не было в предыдущих, – жизнь и работа дома, в Лос-Анджелесе, в обстановке совсем не магической. Есть здесь и совершенно ошеломляющая информация. Почему мы не можем быть тем, чем мы являемся в действительности, – всесильными магическими существами? Причина в том, что нашу энергию осознания пожирают неорганические существа-хищники, «летуны». Свобода – в силе безмолвия. Как обрести ее?

ISBN 978-5-399-00610-9

© Кастанеда К. С., 1998
© София Медиа, 1998

Содержание

Предисловие 6
Введение 7
Часть I. Трепет в воздухе 21
Глава 1. Путешествие силы 21
Глава 2. Намерение бесконечности 29
Глава 3. Кем же на самом деле был дон Хуан Матус? 42
Часть II. Конец эпохи 47
Глава 4. Серьезные заботы повседневной жизни 47
Глава 5. Позиция, на которой я не мог больше оставаться 53
Глава 6. Неизбежная встреча 57
Глава 7. Переломный момент 61
Глава 8. Измерение познания 68
Глава 9. Сказать «спасибо» 75
Часть III. За пределами синтаксиса 81
Глава 10. Пропуск 81
Глава 11. Игра энергии на горизонте 91
Глава 12. Странствие по темному морю осознания 100
Глава 13. Неорганическое осознание 106
Глава 14. Ясный взгляд 113
Глава 15. Грязные тени 120
Часть IV. Начало окончательного путешествия 131
Глава 16. Прыжок в бездну 131
Глава 17. Возвращение 145

Карлос Кастанеда
Активная сторона Бесконечности

Carlos Castaneda
The Active Side of Infinity

© 1998 by Laugan Productions
© ООО Издательство «София», 2014

* * *

Эта книга посвящается двум ученым, благодаря которым я вначале почувствовал желание, а затем обрел способность заниматься полевыми антропологическими исследованиями, – профессорам Клементу Мейгану и Хэролду Гарфинкелю.

Следуя их советам, я с головой окунулся в полевую ситуацию, из которой не вынырнул уже никогда. Если я нарушил дух и букву их наставлений, ну что ж… Я ничего не мог с собой поделать. Прежде чем я успел выдвинуть четкие «общественнонаучные» формулировки, меня поглотила огромная сила, которую шаманы называют Бесконечностью.

Предисловие

Синтаксис

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, что Вселенная имела начало.

В начале был взрыв, сказал он, назовем его «Большой Взрыв», так и родилась Вселенная.

И она расширяется, сказал человек.

Он даже вычислил продолжительность ее жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца.

И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления – это и есть наука.

Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка, – синтаксису, который требует начал вроде рождения, развитий вроде созревания и завершений вроде смерти.

Так утверждается реальность.

Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, заверил нас тот человек.

И она умрет, как умирает все, как умер он сам, после того как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

Синтаксис иного типа

Действительно ли Вселенная имела начало?

Верна ли теория Большого Взрыва?

Это – не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который для утверждения реальности требует начал, развитий и завершений, единственным существующим синтаксисом?

Вот это – настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не заканчивается; рождение – не четко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек такого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно заявить:

Вселенная никогда не начиналась и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и еще пройдет через бесконечные колебания интенсивности.

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он мог бы прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис *своего* родного языка.

Введение

Эта книга является своего рода коллекцией памятных событий моей жизни. Я начал собирать их, следуя совету дона Хуана Матуса, шамана родом из индейского племени яки. Он был моим учителем и в течение тринадцати лет пытался сделать доступным для меня мир знания шаманов, которые жили в Мексике с древних времен. Дон Хуан предложил мне собирать коллекцию интересных случаев – и сделал это как бы мимоходом, словно подобная мысль только что пришла ему в голову. Но таков уж был его стиль обучения. Он предпочитал скрывать важность некоторых своих маневров, маскируя их под вполне безобидные мирские действия. Я думаю, что он защищал меня от жгучей боли окончательности, представляя все это как обычные явления повседневной жизни.

Со временем дон Хуан открыл мне, что шаманы Древней Мексики считали такое собирание памятных событий отличным способом расшевелить тайники энергии, заблокированные в нашем «я». Он объяснил, что такие тайники состоят из энергии, которая возникает в самом теле, а затем вытесняется, выталкивается за пределы досягаемости обстоятельствами нашей повседневной жизни и становится недоступной. В этом смысле собирание памятных событий было для дона Хуана и шаманов его линии средством перемещения этой неиспользуемой энергии.

Необходимой предпосылкой такого собирания является акт добросовестного и искреннего сведения воедино всех связанных с событием эмоций и постижений. Ничто не должно быть упущено. Как сказал дон Хуан, шаманы его линии были убеждены, что собирание памятных событий помогает выполнить эмоциональную и энергетическую настройку, действительно необходимую для осознанного восприятия рискованного путешествия в неведомое.

Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку ко встрече лицом к лицу с *окончательным путешествием* – тем путешествием, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и решимости шаманы были способны сохранять свое индивидуальное осознание и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет «жизнь после смерти», было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краев наполненным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседневной жизни, – но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что собирание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в ту конкретную сферу, которую они называли *активной стороной бесконечности.*

Однажды утром мы с доном Хуаном беседовали, сидя под крышей его рамады, чего-то вроде веранды, – это хрупкое сооружение из жердей с редким навесом из прутьев, который дает тень, но не защищает от дождя. Под навесом было несколько небольших крепких упаковочных ящиков, которые служили сиденьями. Надписи на ящиках поблекли и скорее походили на полустертые орнаменты, чем на обозначение их содержимого. На одном из таких ящиков я и сидел, прислонившись спиной к фасаду дома. Дон Хуан сидел на другом ящике, прислонившись к подпорному шесту рамады. Я приехал на своей машине всего несколько минут назад. Целый день просидел за рулем – в такую жаркую, влажную погоду! Я потел, нервничал и ерзал.

Как только я удобно устроился на ящике, дон Хуан начал разговор. Широко улыбаясь, он заметил, что люди, страдающие избыточным весом, просто не знают, как бороться с ожирением. Что-то в изгибе его губ подсказало мне, что это не просто шутка о тяготах дальних поездок на автомобиле. Камешек был явно в мой огород: под видом шутки дон Хуан самым что ни на есть открытым текстом заявил мне, что я растолстел.

Я так разнервничался, что непроизвольно дернулся на своем ящике и сильно ударился спиной о тонкую стену дома. Этот удар потряс дом до самого фундамента. Дон Хуан вопро-

сительно посмотрел на меня, но вместо того, чтобы спросить, все ли со мной в порядке, он заверил меня, что я не сломал его дом. Затем он стал пространно объяснять, что этот дом – лишь его временное обиталище, а вообще-то он живет в другом месте. Когда я спросил его, где же он живет на самом деле, он долго смотрел на меня. Его взгляд не был враждебным, но, как мне показалось, давал понять, что я сказал что-то бестактное. Я не понял, в чем тут дело, и решил было повторить свой вопрос, но дон Хуан остановил меня.

– Здесь такие вопросы не задают, – сказал он жестко. – Спрашивай что хочешь о методах или идеях. Когда я буду готов сообщить тебе, где я живу, – если вообще буду, – я скажу сам, не дожидаясь твоих вопросов.

Я почувствовал себя отвергнутым и покраснел от обиды. Неудержимый хохот дона Хуана только подлил масла в огонь. Он не просто отказался ответить на мой вопрос; он меня оскорбил, а теперь еще и смеялся надо мной!

– Я живу здесь временно, – продолжал между тем дон Хуан, не обращая внимания на мое окончательно испорченное настроение, – потому что это особый магический центр. Фактически, я живу здесь ради тебя.

Заявление было обескураживающим. Я не мог этому поверить. Может, он так говорит просто для того, чтобы загладить обиду?

– Ты действительно живешь здесь ради меня? – спросил я наконец, не в силах сдержать любопытство.

– Да, – сказал он спокойно. – Я должен воспитывать[1] тебя. Ты – такой же, как я. Сейчас я повторю тебе то, что уже говорил раньше: задача каждого Нагваля в каждом поколении магов заключается в том, чтобы найти нового мужчину или женщину, которые, как и он сам, имели бы двойную энергетическую структуру. Я увидел такую структуру у тебя на автобусной станции в Ногалесе. Когда я *вижу* твою энергию, я *вижу* два наложенных друг на друга светящихся шара – один над другим. Это и есть то качество, которое связывает меня с тобой. Я не могу отвергнуть тебя, как и ты не можешь отвергнуть меня.

Его слова подействовали на меня самым странным образом. Если только что я злился, то теперь мне хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что он хотел помочь мне идти по *пути воинов*, как это называют маги, при поддержке силы того места, где он жил. Место это – центр очень сильных эмоций и влияний. Здесь тысячелетиями жили воины, пропитав саму землю своим отношением к битве.

В то время дон Хуан жил в северомексиканском штате Сонора, примерно в ста милях к югу от города Гуаймас. Когда этого требовала моя полевая работа, я всегда ездил туда, чтобы повстречаться с ним.

– Неужели мне нужно вступать в битву, дон Хуан? – спросил я, не на шутку встревоженный его заявлением, что однажды и мне потребуется собственное «отношение к битве». Я уже научился принимать все, что он говорит, с предельной серьезностью.

– Можешь в этом не сомневаться, – ответил он с улыбкой. – Когда ты впитаешь в себя все, что можно впитать в этом месте, я смогу уйти отсюда.

У меня не было никаких оснований сомневаться в его словах, но я как-то не мог себе представить, чтобы дон Хуан куда-то ушел из этих мест. Он был неотъемлемой частью всего того, что его окружало. Но дом его и впрямь выглядел временным жилищем. Это была лачуга, типичная для земледельцев-яки: фактически, просто обмазанный глиной плетень с плоской соломенной крышей. В доме была одна большая комната – столовая, она же и спальня, – и пристройка-кухня без крыши.

– Очень трудно иметь дело с людьми, имеющими лишний вес, – сказал дон Хуан.

---

[1] Здесь: *to groom* – ходить за лошадью, чистить лошадь, ухаживать, холить *(англ.)*; готовить к определенного рода деятельности *(амер.)*. – *Прим. ред.*

Мне это показалось не слишком уместным. Но дон Хуан просто вернулся к той теме, с которой я его сбил, толкнув спиной стену его хижины.

– Минуту назад ты ударил мой дом, как стенобитный шар, – сказал он, медленно покачивая головой из стороны в сторону. – Какой удар! Удар, достойный такого упитанного человека.

Меня задело, что он говорит обо мне так, словно на мне можно уже поставить крест. Я немедленно занял оборонительную позицию. Дон Хуан, ухмыляясь, выслушал мои бессвязные объяснения о том, что для такой костной структуры у меня совершенно нормальный вес.

– Да конечно, конечно, – согласился он примирительно. – У тебя большие кости. Ты, наверное, с легкостью мог бы носить на себе еще тридцать фунтов веса, и никто, я тебя уверяю, не заметил бы этого. Я бы, например, не заметил.

Но его ехидная усмешка ясно давала понять, что он продолжает издеваться надо мной. Затем он спросил, как мое здоровье вообще, и я начал рассказывать о своем здоровье, отчаянно пытаясь предотвратить любые дальнейшие комментарии по поводу моего веса. Но дон Хуан сам сменил тему.

– А как поживают твои странности и причуды? – спросил он вдруг со смертельной серьезностью.

Чувствуя себя последним идиотом, я ответил, что с ними все в порядке. «Странностями и причудами» он именовал мой интерес к собирательству. В то время я как раз с новым пылом предавался своей старой страсти – коллекционированию всего, что только можно коллекционировать. Я собирал журналы, марки, пластинки, реликвии Второй мировой – штыки, каски, флаги и тому подобное.

– Насчет моих причуд, дон Хуан, могу тебе сказать только одно: я пытаюсь распродать свои коллекции, – сказал я с видом мученика, которого заставляют сделать что-то совершенно невыносимое.

– Быть коллекционером не столь уж плохая идея, – ответил дон Хуан с таким видом, словно действительно так считал. – Все дело в том, что именно коллекционировать. Ты собираешь всякий мусор, никому не нужные предметы, которые порабощают тебя так же сильно, как и твоя любимая собака. Ты не можешь просто так взять и уехать по своим нуждам, если у тебя есть собака, за которой ты должен ухаживать, или коллекции, о которых ты будешь постоянно беспокоиться.

– Я на самом деле ищу покупателей, дон Хуан, честное слово, – запротестовал я.

– Нет-нет, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю, – ответил он. – Наоборот, мне нравится твой дух коллекционера. Мне просто не нравятся твои коллекции, вот и все. Я бы предложил тебе коллекционировать кое-что действительно стоящее.

Дон Хуан сделал долгую паузу. Казалось, он то ли подыскивает нужные слова, то ли драматически разыгрывает хорошо скрываемое сомнение. Он взглянул на меня глубоким, пронзительным взглядом.

– Каждый воин должен собрать особый альбом, – заговорил он наконец, – альбом, раскрывающий его личность; альбом, который фиксирует обстоятельства его жизни.

– Почему ты называешь это коллекцией, дон Хуан? – заспорил я. – И этот альбом, зачем он?

– Это именно коллекция, – отрезал дон Хуан. – И больше всего это похоже на альбом с фотографиями, сделанными с памяти, фотографиями *вспоминания* памятных событий.

– Эти «памятные события» памятны в каком-то особом смысле? – спросил я.

– Они таковы, потому что обладают особым значением в твоей жизни, – сказал дон Хуан. – Я предлагаю тебе собрать такой альбом, поместив в него полный отчет о различных событиях, которые имели для тебя особое значение.

– Каждое событие в моей жизни имело для меня особое значение, дон Хуан! – заявил я убежденно и тут же почувствовал неловкость от того, как высокопарно это прозвучало.

– Не каждое, – ответил он, улыбаясь и явно наслаждаясь моей реакцией. – Далеко не все события в твоей жизни имели для тебя такое уж большое значение. Было несколько таких, которые, мне кажется, изменили кое-что для тебя, осветили твой путь. Обычно события, которые изменяют наш путь, являются одновременно и безличными, и глубоко личными.

– Я не стараюсь казаться сложнее, чем я есть, дон Хуан, но, поверь мне, все, что со мной происходило, соответствует этим параметрам, – сказал я, прекрасно зная, что лгу.

Сразу же после того, как я сделал это заявление, мне захотелось извиниться, но дон Хуан просто не обратил на него никакого внимания.

– Не относись к этому альбому как к мешанине из банальных переживаний твоей жизни, – продолжал он как ни в чем не бывало.

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытался успокоиться. Снова и снова я сталкивался с одной и той же неразрешимой проблемой: мне совершенно не нравились эти мои визиты к дону Хуану. В его присутствии я постоянно чувствовал какую-то угрозу. Он постоянно придирался ко мне и не оставлял никакой возможности показать мои сильные стороны. Мне надоело терять лицо всякий раз, как я открываю рот; мне надоело чувствовать себя дураком.

Но где-то внутри меня прозвучал и другой голос, донесшийся из самых глубин, далекий, почти неслышный. В пылу своего внутреннего диалога я услышал, как кто-то сказал, что мне уже слишком поздно поворачивать назад. Это на самом деле был не мой голос и не мои мысли; кто-то неведомый говорил, что я зашел слишком далеко в мир дона Хуана и теперь он нужен мне больше, чем воздух.

Говори что хочешь, – казалось, шептал мне этот голос, – но, не будь ты таким эгоистичным, ты бы так сильно не расстраивался.

– Это голос твоего другого сознания, – произнес дон Хуан, словно читая мои мысли.

Мое тело непроизвольно подпрыгнуло. Мой страх был так велик, что на глаза навернулись слезы. Я, как на исповеди, рассказал дону Хуану о том, что меня беспокоило.

– Твой конфликт вполне естествен, – сказал он, – и, поверь мне, я не стараюсь его обострить. Мне это не свойственно. Но я могу рассказать тебе несколько историй о том, как мой учитель, нагваль Хулиан, проделывал это со мной. Я ненавидел его всем своим существом. Я был очень молод, и я видел, как его обожали женщины. Они просто преклонялись перед ним, а когда я пытался просто поздороваться с ними, они набрасывались на меня, как львицы, готовые загрызть. Меня они смертельно ненавидели, а его – любили. Каково, по-твоему, мне было?

– И как ты справился с этим конфликтом, дон Хуан? – спросил я с неподдельным интересом.

– Ни с чем я не справился, – заявил он. – Этот конфликт был результатом сражения между двумя моими сознаниями. У каждого из нас, людей, есть два сознания. Одно полностью наше и похоже на тихий голос, который всегда несет в себе мир, порядок, смысл. Другое сознание – это нечто *встроенное извне*. Оно приносит нам конфликты, внутренние споры, сомнения, чувство безнадежности.

Я был так поглощен своими собственными ментальными процессами, что совершенно не уловил сказанного доном Хуаном. Пожалуй, я мог бы в точности воспроизвести его слова, но они не имели для меня никакого смысла. Дон Хуан спокойно, глядя мне прямо в глаза, повторил все то, что он только что сказал. И снова я не смог понять смысла его слов. Мое внимание не фокусировалось.

– Не пойму, в чем тут дело, дон Хуан, но я не могу сосредоточиться на том, что ты мне говоришь, – неохотно признался я.

– А вот я очень хорошо понимаю, почему ты не можешь, – сказал он, широко улыбаясь. – Поймешь когда-нибудь и ты, сразу же, как только разберешься: нравлюсь я тебе или нет. В тот самый день, когда ты перестанешь быть центром мира – я-я-я. Ну а пока что давай отложим вопрос о наших двух сознаниях и вернемся к идее твоего альбома памятных событий. Я

должен добавить, что составление такого альбома – это упражнение на дисциплину и беспристрастность. Можешь также считать его сценой битвы.

Утверждение дона Хуана – о том, что конфликт моей любви и нелюбви к нему закончится, как только я откажусь от своего эгоцентризма, – для меня ничего не значило. Собственно, оно лишь еще больше расстроило и разозлило меня. И когда дон Хуан сказал об альбоме как о сцене битвы, я набросился на него со всем накопившимся ядом.

– Уже саму идею коллекции событий трудно понять, – заявил я протестующим тоном, – но то, что ты называешь ее «альбомом», который к тому же является «сценой битвы», – это уж слишком. Слишком туманно. Твои метафоры лишены всякого смысла.

– Странно! По мне, так как раз наоборот, – спокойно ответил дон Хуан. – Для меня в том, что такой альбом является сценой битвы, содержится бездна смысла. Я бы не хотел, чтобы мой альбом памятных событий был чем-нибудь другим, кроме сцены битвы.

Я хотел продолжать отстаивать свою точку зрения, собираясь объяснить ему, что понимаю идею альбома памятных событий. Я возражал лишь против того, что дон Хуан так запутанно ее излагает. В то время я считал себя сторонником ясности и функциональности в использовании языка. Дон Хуан воздержался от комментариев по поводу моего воинственного настроения. Он лишь покивал головой, как бы полностью соглашаясь со мной. И тут произошло что-то непонятное.

Не то у меня совершенно иссякла энергия, не то, наоборот, гигантская волна энергии подхватила меня. Совершенно неожиданно, помимо воли я осознал бессмысленность своих протестов. Мне стало стыдно.

– Что заставляет меня вести себя именно так? – честно спросил я дона Хуана.

Моему смущению не было предела. Потрясение было так велико, что у меня вдруг потекли слезы.

– Не беспокойся о глупых мелочах, – сказал дон Хуан успокаивающе. – Все мы такие, и мужчины, и женщины.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мы по природе мелочны и противоречивы?

– Нет, мы не мелочны и не противоречивы, – ответил он. – Наша мелочность и противоречивость – это скорее результат трансцендентального конфликта, под влиянием которого мы все находимся. Но только маги болезненно и безнадежно осознают его. Это конфликт двух сознаний.

Дон Хуан сверлил меня взглядом; его глаза были как два черных уголька.

– Ты все время говоришь мне об этих двух сознаниях, – сказал я, – но мой мозг не может усвоить то, что ты говоришь. Почему?

– В свое время ты поймешь почему, – ответил он. – А пока достаточно будет, если я еще раз повторю тебе то, что уже говорил о двух сознаниях. Одно из них – наше истинное сознание, продукт всего нашего жизненного опыта; то сознание, которое редко говорит, потому что оно побеждено и подавлено до полного затмения. Другое сознание, которое мы используем ежедневно во всем, что мы делаем, встроено в нас извне.

– По-моему, сама концепция сознания как «чужеродного устройства» настолько дикая, что мой ум отказывается принимать ее всерьез, – сказал я и почувствовал, что совершил настоящее открытие.

Дон Хуан как будто не слышал моих слов. Он продолжал объяснять свою идею двух сознаний.

– Чтобы разрешить конфликт двух сознаний, нужно *намеревать* сделать это, – сказал он. – Маги призывают *намерение*, произнося слово «намерение» вслух, громко и ясно. *Намерение* – это сила, существующая во Вселенной. Когда маги призывают *намерение*, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели. Это значит, что маги всегда выполняют то, что они решают сделать.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что маги получают все что хотят, даже если это нечто мелкое, обычное и произвольное? – спросил я.

– Нет, я вовсе не это имею в виду. *Намерение*, конечно, можно призывать для чего угодно, – ответил он, – но маги дорогой ценой выяснили, что *намерение* приходит к ним лишь для чего-то абстрактного. Это «предохранительный клапан магов»; иначе они были бы просто невыносимы. В твоем случае призывать *намерение*, чтобы разрешить конфликт двух твоих сознаний или чтобы услышать голос твоего истинного сознания, – это отнюдь не мелкое, произвольное или обычное дело. Наоборот, это высокая и абстрактная задача, и она жизненно важна для тебя!

Дон Хуан сделал небольшую паузу и снова заговорил об альбоме.

– Мой собственный альбом, будучи сценой битвы, требовал сверхзаботливого подхода к отбору материала, – сказал он. – И сейчас он представляет собой полное собрание незабываемых моментов моей жизни и всего того, что подводило меня к ним. Я сконцентрировал в своем альбоме все, что было и будет иметь для меня значение. Я считаю, что альбом воина должен быть максимально конкретным и ошеломляюще точным.

Я пока не улавливал, чего хочет дон Хуан от меня, но слова его стал понимать очень хорошо. Он посоветовал, чтобы я сел в одиночестве и позволил мыслям и воспоминаниям свободно приходить ко мне. Мне нужно было попытаться позволить голосу из глубины говорить со мной и подсказать мне, что именно нужно выбрать. После этого я должен был уйти в дом и лечь на кровать. Мое ложе в доме дона Хуана было сделано из деревянных ящиков, а матрасом служило несколько дюжин пустых джутовых мешков. Хотя все мое тело и болело с непривычки после сна на такой постели, на самом деле она была очень удобной. Я принял его предложение близко к сердцу и начал думать о прошлом, припоминая события, которые оставили след в моей жизни. Вскоре я понял, как глупо было заявлять, что все события моей жизни были в равной степени важными. Пытаясь заставить себя вспоминать, я обнаружил, что не знаю даже, с чего начать. Через мое сознание текли бесконечные несвязные мысли и воспоминания о разных случавшихся со мной событиях, но я никак не мог решить, насколько они для меня важны. Создавалось даже впечатление, что вообще все было не слишком важным. Похоже было на то, что я прошел сквозь жизнь, как труп, – ходячий и говорящий, но абсолютно ничего не чувствующий. К тому же мне было все труднее концентрироваться на предмете своих размышлений, а потому я вскоре оставил все это и заснул.

– Что-нибудь получилось? – спросил меня дон Хуан, когда я проснулся через несколько часов.

После сна и отдыха мне не стало легче. Я по-прежнему чувствовал раздражение и потому рявкнул:

– Нет у меня никакого успеха!

– Ты слышал этот голос из глубины?

– Кажется, да, – соврал я.

– И что он тебе сказал? – спросил он настойчиво.

– Я не могу думать об этом, дон Хуан, – выдавил я из себя.

– Ага, ты уже вернулся в свое обычное осознание, – заметил он и сильно похлопал меня по спине. – Твое обычное сознание снова победило. Давай расслабим его, поговорив о твоей коллекции памятных событий. Я должен сказать тебе, что отбор событий для альбома – дело непростое. Вот почему я утверждаю, что этот альбом – сцена битвы. Тебе придется десять раз переделать себя, чтобы узнать, что именно выбирать.

И тут, пусть только на секунду, я вдруг ясно понял, что у меня действительно два сознания; но эта мысль лишь слегка скользнула по поверхности моего ума и сразу же исчезла. Осталось лишь ощущение неспособности выполнить требования дона Хуана. И вместо того чтобы снисходительно принять свою несостоятельность, я позволил ей испугать меня. Глав-

ным устремлением моей жизни в то время было всегда являться в хорошем свете. Потерпеть неудачу, проиграть – для меня это было нестерпимо. Не зная, как справиться с той задачей, которую ставил передо мной дон Хуан, я сделал то, что только и умел делать хорошо: разозлился.

– Мне надо еще многое обдумать относительно этого, дон Хуан, – сказал я. – Моему уму нужно дать какое-то время, чтобы он свыкся с этой идеей.

– Конечно, конечно, – успокоил меня дон Хуан. – Можешь ждать хоть всю жизнь, но все-таки поторопись.

В тот раз на эту тему больше ничего не было сказано. Вернувшись домой, я совершенно забыл обо всем этом. И вдруг однажды, сидя на какой-то лекции, я услышал внутренний властный приказ: искать памятные события своей жизни. «Услышал» – не совсем подходящее слово; это скорее было похоже на удар током или нервный спазм, который потряс все мое тело – от макушки до пят.

Я взялся за дело всерьез. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы переворошить все переживания моей жизни, которые, по моему мнению, были важными. Но, осмотрев свою коллекцию, я понял, что имел дело лишь с идеями, не имевшими абсолютно никакой реальной значимости. Вспоминаемые мною события были не более чем абстрактными точками во времени. У меня возникло чрезвычайно неприятное ощущение, что я пришел в мир только для того, чтобы действовать, не позволяя себе останавливаться и хоть что-то почувствовать.

Одним из забытых событий, которые я непременно хотел вспомнить, был день моего зачисления в аспирантуру Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Но, как ни старался, я не мог вспомнить, что я делал в тот день. С ним не было связано ничего интересного, ничего особенного – вообще ничего, кроме самой мысли, что этот день *должен* быть памятным. Поступив в аспирантуру, я *должен был* радоваться и гордиться, но этого не было!

Другим экспонатом моей коллекции был тот день, когда я чуть не обвенчался с Кэй Кондор. Вообще-то у нее была другая фамилия, но она изменила ее на Кондор, потому что хотела стать актрисой. Ее козырной картой было внешнее сходство с Кэрол Ломбард. Тот день был памятным в моем сознании не столько из-за происходивших событий, сколько потому, что она была красива и хотела выйти за меня замуж. Она была на голову выше меня, что делало ее еще интереснее в моих глазах.

Меня волновала мысль о венчании в церкви с высокой женщиной. Я взял напрокат серый смокинг. Брюки были широковаты для моего роста. Не то чтобы висели колоколами, но были широковаты, и это очень меня беспокоило. Кроме брюк, меня раздражало то, что рукава розовой рубашки, которую я купил специально для этого случая, были на три дюйма длиннее, чем следовало; мне пришлось воспользоваться резиновыми держателями, чтобы подтянуть их повыше. А так вообще все шло прекрасно – до того момента, когда гости и я узнали, что Кэй Кондор передумала и не собирается приходить на свадьбу.

Будучи очень порядочной молодой леди, она прислала мне через мотокурьера записку с извинениями. В записке было сказано, что она, не приемля развода, не может связать свою судьбу с человеком, который не разделяет ее взглядов на жизнь. Она напомнила мне, что я всегда хихикал, произнося фамилию «Кондор», а это было знаком полного неуважения к ее личности. Она обсудила эту проблему со своей матерью. Обе они очень любят меня, но не настолько, чтобы принять в свою семью. Заканчивалась записка тем, что мы должны набраться смелости и мудрости и расстаться навсегда.

Состояние моего ума можно было охарактеризовать как «полное оцепенение». Пытаясь вспомнить тот день, я не мог понять, то ли я испытывал чудовищное унижение, оказавшись дурак дураком перед толпой людей в своем взятом напрокат сером смокинге и слишком широких штанах, то ли был сокрушен тем, что Кэй Кондор не выходит за меня замуж.

Это были единственные два события, которые я мог четко выделить. Примеры довольно жалкие, но, покопавшись, мне удалось найти в них некий философский смысл. Мне показалось, что я похож на человека, который идет сквозь жизнь без единого подлинного чувства, измеряя все лишь интеллектуальной меркой. Подражая стилю дона Хуана, я придумал себе такое определение: «человек, проживающий свою жизнь косвенно, в терминах “как это должно быть”».

Я был уверен, например, что день моего поступления в аспирантуру UCLA должен быть памятным днем. Поскольку памятным он не был, я постарался искусственно наделить его значимостью, которой на самом деле не ощущал. То же можно сказать и о дне, когда я чуть не женился на Кэй Кондор. Кажется, это должно было стать для меня опустошительным переживанием, но не стало. В момент *вспоминания* этого события я понял, что в нем ничего нет, и сразу же начал усердно воссоздавать то, что я должен был чувствовать.

Приехав к дому дона Хуана, я представил ему свои два примера памятных событий.

– Это все чепуха, – заявил дон Хуан. – Никуда не годится. Такие истории связаны исключительно с тобой как с личностью, которая думает, чувствует, плачет или вообще ничего не чувствует. Памятные же события из альбома мага – это события, которые могут выдержать испытание временем, ибо они не имеют ничего общего с человеком, хотя человек и находится в самой их гуще. Он всегда будет в гуще событий, всю свою жизнь, а возможно и потом, но не вполне персонально.

Его слова привели меня в полное уныние. В то время я искренне считал дона Хуана вредным старикашкой, который получает особое удовольствие от того, что выставляет меня полным идиотом. Он напоминал мне преподавателя скульптуры из художественной школы, которую я когда-то посещал. Этот мастер обязательно подвергал критике все, что делали ученики, и в каждой работе находил изъяны. Затем он требовал, чтобы работы были исправлены соответственно его указаниям. Ученики отходили и делали вид, что подправляют что-то в своих скульптурах. Я вспоминал, каким самодовольством веяло от мастера, когда, осматривая якобы переделанные работы, он приговаривал: «Ну вот, теперь совсем другое дело!»

– Не унывай, – сказал дон Хуан, прерывая мои воспоминания. – В свое время я тоже через это прошел. Многие годы я не просто не знал, что выбрать, но думал, будто у меня просто нет переживаний, из которых можно выбирать. Мне казалось, что со мной вообще никогда ничего не происходило. Конечно же, происходили очень важные события, но, пока я старался защитить идею самого себя, у меня не было ни времени, ни расположения что-то замечать.

– Ты можешь конкретно сказать мне, дон Хуан, что не так с моими историями? Я знаю, что они – ничто, но остальная моя жизнь точно такая же.

– Я повторю тебе еще раз, – сказал он. – Истории из альбома воина – не индивидуальные. Твоя история о том дне, когда тебя приняли в аспирантуру, – это не что иное, как твоя претензия на то, что ты – центр всего. Ты чувствуешь, ты не чувствуешь. Ты сознаешь, ты не сознаешь. Понимаешь, что я имею в виду? Вся эта история – это ты сам!

– Но может ли быть иначе, дон Хуан? – спросил я.

– В другой истории ты уже почти коснулся того, о чем я говорил, но снова превратил это в нечто в высшей степени персональное. Я знаю, что ты мог бы добавить еще больше деталей, но все эти детали были бы просто продолжением твоей персоны.

– Я на самом деле не могу понять, о чем ты, дон Хуан, – возразил я. – Любая история, увиденная глазами свидетеля, по определению должна быть персональной.

– Да-да, конечно, – сказал он с улыбкой, как всегда, наслаждаясь моим смущением. – Но тогда это история не для альбома воина, а для какой-то другой цели. Памятные события, которые мы ищем, несут на себе темное касание беспристрастности. Они пропитаны ею. Я не знаю, как еще объяснить это.

В этот момент меня как будто озарило, и я понял, что он имел в виду под «темным касанием беспристрастности». Мне показалось, что он имел в виду нечто зловещее. Зловещее значение для меня имела темнота. Я тут же рассказал дону Хуану историю из моего детства.

Один из моих старших кузенов был интерном в медицинской школе. Однажды он привел меня в морг, убедив предварительно, что молодому человеку совершенно необходимо увидеть мертвецов; это зрелище очень поучительно, ибо демонстрирует бренность жизни. Он снова и снова приставал ко мне, уговаривая сходить в морг. Чем больше он рассказывал о том, какими незначительными становимся мы после смерти, тем более возрастало мое любопытство. Мне еще никогда не приходилось видеть труп. В конце концов любопытство победило, и я пошел с ним.

Он показал мне разные трупы, и ему удалось испугать меня до бесчувствия. Мне показалось, что в трупах нет ничего поучительного или просветляющего. Но они действительно были самым пугающим зрелищем, которое я когда-либо видел. Брат все время поглядывал на часы, словно кого-то ждал. Он явно хотел продержать меня в морге дольше, чем позволяли мои силы. Будучи по натуре честолюбивым, я был уверен, что он испытывает мою выдержку, мое мужество. Стиснув зубы, я поклялся себе терпеть до самого конца.

Но такой конец мне не снился и в кошмарном сне. На моих глазах один труп, накрытый простыней, вдруг пошевелился на мраморном столе, как будто собирался встать. Он издал мощный рыгающий звук, который прожег меня насквозь. Он останется в моей памяти до конца жизни. Позже двоюродный брат, ученый-медик, объяснил мне, что это был труп человека, умершего от туберкулеза. У таких трупов все легкие изъедены бациллами и остаются огромные дыры, заполненные воздухом. Когда температура воздуха изменяется, это иногда заставляет тело изгибаться, словно оно пытается встать, что и произошло в данном случае.

– Нет, это еще не то, – сказал дон Хуан, качая головой из стороны в сторону. – Это просто история о твоем страхе. Я бы и сам испугался до смерти, но такой страх никому не освещает путь. Впрочем, мне было бы интересно узнать, что случилось с тобой дальше.

– Я завопил, как баньши[2], – сказал я, – а мой брат назвал меня трусом и сопляком, который от страха чуть не обделался.

Я явно зацепил какой-то темный слой своей жизни. Следующий случай, который я вспомнил, был связан с шестнадцатилетним парнем из нашей школы, который страдал каким-то расстройством желез и имел гигантский рост. Но его сердце не успевало расти вместе с остальным телом, и однажды он умер от сердечного приступа. Из какого-то нездорового юношеского любопытства мы с одним товарищем пошли посмотреть, как его будут укладывать в гроб. Похоронных дел мастер, который, пожалуй, был еще более патологичен, чем мы, впустил нас в свою каморку и продемонстрировал свой шедевр. Он уместил огромного парня, рост которого превышал семь футов и семь дюймов, в гроб для обычного человека, отпилив ему ноги! Мастер показал нам, как он пристроил ноги в гробу – мертвый юноша обнимал их руками, словно трофеи.

Ужас, который я тогда пережил, был по силе сравним с тем, что я испытал в детстве при посещении морга, но этот новый страх был не физической реакцией, а психологическим переворотом.

– Уже ближе, – сказал дон Хуан, – но и эта история еще слишком личная. Она отвратительна. Меня от нее тошнит, но в ней я вижу большой потенциал.

Мы с доном Хуаном посмеялись над тем, какой ужас содержится в ситуациях повседневной жизни. К этому времени я уже окончательно погрузился в самые мрачные воспоминания и рассказал дону Хуану о моем лучшем друге, Рое Голдписсе. Вообще-то у него была польская

[2] Баньши (ирл., шотл.) – привидение, завывания которого под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть. – *Прим. ред.*

фамилия, но друзья дали ему прозвище Голдписс, потому что, чего бы он ни коснулся, все превращалось в золото; он был прирожденным бизнесменом. Но талант к бизнесу превратил его в сверхамбициозного человека. Он хотел стать первым богачом мира. Оказалось же, что конкуренция на этом поприще слишком жесткая. Голдписс жаловался, что, делая свой бизнес в одиночку, он не мог тягаться с лидером некоей исламской секты, которому каждый год жертвовали столько золота, сколько он сам весил. Перед взвешиванием этот лидер секты старался съесть и выпить столько, сколько позволял его желудок.

Итак, мой друг Рой немного опустил планку и решил стать самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Но и на этом уровне конкуренция была просто бешеная. Он спустился еще ниже: уж в Калифорнии-то он сможет стать самым богатым человеком. Однако и тут он опоздал. И он отказался от мысли, что со своей сетью киосков, торгующих пиццей и мороженым, он сможет соперничать с уважаемыми семьями, которые владеют Калифорнией. Он настроился на то, чтобы быть первым воротилой в Вудленд-Хилс, его родном пригороде Лос-Анджелеса. Но, к несчастью для него, на одной с ним улице жил мистер Марш, владевший фабриками по производству лучших в Америке матрасов, невообразимый богач. Разочарованию Роя не было пределов. Он так страдал, что в конце концов просто угробил свое здоровье. Однажды он умер от аневризмы мозга.

Его смерть стала причиной моего третьего визита в покойницкую. Жена Роя попросила меня, его лучшего друга, позаботиться о том, чтобы труп был должным образом обряжен. Я отправился в погребальную контору, а там секретарь провел меня во внутреннее помещение. Когда я вошел, мастер как раз хлопотал вокруг своего высокого мраморного стола. Он с силой толкал двумя пальцами вверх уголки уже застывшего рта покойника. Когда наконец на мертвом лице Роя появилась гротескная улыбка, мастер повернулся ко мне и сказал подобострастно:

– Надеюсь, вы будете довольны, сэр.

Жена Роя – мы уже никогда не узнаем, любила она его или нет, – решила похоронить его со всей пышностью, какой он заслуживал. Она заказала очень дорогой гроб, похожий на телефонную будку; фасон она позаимствовала из кинофильма. Роя должны были похоронить в сидячем положении, как будто он ведет деловые переговоры по телефону.

Я не остался на похороны. Уехал с очень тяжелым чувством, смесью бессилия и злости – такой злости, которую не изольешь ни на кого.

– Да, сегодня ты действительно мрачен, как никогда, – заметил дон Хуан, смеясь, – но, несмотря на это, – а может, и благодаря этому, – ты почти у цели. Уже подошел вплотную.

Я не уставал удивляться тому, как менялось мое настроение при каждой встрече с доном Хуаном. Приезжал я расстроенный, брюзжащий и мнительный. Но через некоторое время мое настроение чудесным образом менялось, я становился все более экспансивным, а затем вдруг успокаивался – таким спокойным я никогда не бывал в повседневной жизни. Мое новое настроение отражалось и на моей речи. Обычно я говорил как глубоко неудовлетворенный человек, хотя и сдерживающийся, чтобы не начать жаловаться вслух, но жалобным был уже сам голос.

– А ты можешь привести мне пример памятного события из своего альбома, дон Хуан? – спросил я в привычном тоне скрытой жалобы. – Если бы я знал, что тебе нужно, мне было бы легче. Пока что я просто блуждаю в потемках.

– Не объясняй слишком много, – сказал дон Хуан, сурово взглянув на меня. – Маги говорят, что в каждом объяснении скрывается извинение. Так что, когда ты объясняешь, почему ты не можешь делать то или другое, на самом деле ты извиняешься за свои недостатки, надеясь, что слушающие тебя будут добры и простят их.

Когда на меня нападают, мой любимый защитный маневр – демонстративно не слушать нападающего. У дона Хуана, однако, была отвратительная способность захватывать все мое внимание без остатка. Атакуя меня, он всегда умудрялся заставить меня слушать каждое его

слово. Вот и сейчас пришлось выслушать все, что он сказал обо мне. И, хотя его слова не доставили мне ни малейшего удовольствия, это была чистая правда.

Я избегал его глаз. Как обычно, я чувствовал себя под угрозой, но на этот раз угроза была особенной. Она не беспокоила меня так сильно, как беспокоила бы в повседневной жизни или сразу после моего появления в доме дона Хуана.

После долгого молчания дон Хуан снова заговорил.

– Я не буду приводить тебе пример памятного события из моего альбома, – сказал он. – Я сделаю лучше: назову тебе памятное событие из твоей собственной жизни; оно, несомненно, подойдет для твоей коллекции. Или, скажем так, на твоем месте я бы обязательно поместил его в свою коллекцию памятных событий.

Я подумал, что дон Хуан шутит, и глупо засмеялся.

– Тут не над чем смеяться, – отрезал он. – Я говорю серьезно. Когда-то ты рассказал мне историю, которая попадает в самую точку.

– Что это за история, дон Хуан?

– О фигурах перед зеркалом, – сказал он. – Расскажи-ка мне ее еще раз. Но расскажи со всеми подробностями, какие сможешь вспомнить.

Я начал кратко пересказывать эту старую историю. Дон Хуан остановил меня и потребовал тщательного, подробного изложения с самого начала. Я попробовал еще раз, но краткость моего пересказа не устраивала его.

– Давай прогуляемся, – предложил он. – Когда ты идешь, ты можешь быть гораздо точнее, чем когда сидишь. Это весьма неглупая идея – прохаживаться туда-сюда, когда что-то рассказываешь.

Мы сидели, как и всегда днем, под навесом его рамады. У меня уже сложилась привычка сидеть на определенном месте, прислонившись спиной к стене. Дон Хуан садился каждый раз на другом месте.

Мы вышли на прогулку в худшее время дня: в полдень. Дон Хуан снабдил меня старой соломенной шляпой, как всегда, когда мы выходили на солнцепек. Долгое время мы шли в полном молчании. Я изо всех сил старался вспомнить все подробности своей истории. Было уже около трех часов, когда мы сели в тени кустов, и я наконец рассказал дону Хуану эту историю.

Когда я много лет назад изучал скульптуру в школе изящных искусств в Италии, у меня был друг-шотландец, который учился на искусствоведа. Самой характерной его чертой было потрясающее самомнение; он считал себя самым одаренным, сильным, неутомимым ученым и художником, ну просто деятелем эпохи Возрождения. Одаренным он действительно был, но творческая мощь как-то совершенно не вязалась с его костлявой, сухой, унылой фигурой. Он был усердным почитателем английского философа Бертрана Рассела и мечтал применить принципы логического позитивизма к искусствоведению. Его воображаемая неутомимость была, пожалуй, его самой нелепой фантазией, ибо на самом деле он обожал тянуть резину; работа для него была каторгой.

Фактически, он был великим специалистом не по искусствоведению, а по проституткам из местных борделей, которых он знал множество. О своих похождениях он давал мне яркие и подробные отчеты – по его словам, чтобы держать меня в курсе чудесных событий, происходящих в мире его специальности. Поэтому я не удивился, когда однажды он ввалился в мою комнату крайне возбужденный, запыхавшийся и сказал мне, что с ним произошло нечто чрезвычайное и он хотел бы поделиться со мной.

– Слушай, старина, ты должен сам это увидеть! – заявил он возбужденно, с оксфордским акцентом, который у него всегда проявлялся при общении со мной. Он нервно зашагал по комнате. – Это трудно описать, но я знаю: это нечто такое, что ты сможешь оценить. Нечто

такое, что ты запомнишь надолго. Я хочу преподнести тебе замечательный подарок на всю жизнь. Понимаешь?

Я понимал, что он был истеричным шотландцем. Я всегда посмеивался над ним и следил за его приключениями. И ни разу не пожалел об этом.

– Успокойся, успокойся, Эдди, – сказал я. – Что ты хочешь мне рассказать?

Он сообщил, что только что был в борделе и познакомился там с невероятной женщиной, умеющей делать невообразимую штуку, которую она называет «фигурами перед зеркалом». Он снова и снова убеждал меня, что я просто обязан пережить это невероятное событие на собственном опыте.

– Слушай, не думай о деньгах! – сказал он, зная, что денег у меня нет. – Все уже оплачено. Все, что от тебя требуется, – это пойти со мной. Мадам Людмилла покажет тебе свои фигуры перед зеркалом. Это просто ураган!

В припадке безудержного восторга Эдди залился смехом, обнажив свои плохие зубы, которые он обычно прятал.

– Слушай, это фантастика, это абсолютно грандиозно!

Мое любопытство разгоралось с каждой минутой. Я был готов принять участие в его новом развлечении. Вскоре Эдди уже вез меня на своей машине к окраине города. Он остановился перед пыльным, неухоженным, облупленным зданием. Когда-то, похоже, это был отель, а затем его переделали в многоквартирный дом. По всему фасаду тянулись ряды грязных балконов, уставленных цветочными горшками и обвешенных сохнущими коврами.

У подъезда стояли две темные, подозрительного вида фигуры, обменявшиеся с Эдди бурными приветствиями. У них были черные бегающие глаза и туфли с острыми носками – как мне показалось, чересчур тесные. Одеты они были в блестящие голубые костюмы, тоже слишком тесные для их мясистых тел. Один из этих людей открыл перед Эдди дверь. На меня они даже и не взглянули.

Мы поднялись на два пролета по обветшавшей лестнице, которая когда-то была роскошной. Эдди уверенно шел по пустому гостиничному коридору с дверьми на обе стороны. Все двери были окрашены в одинаковый темный оливково-зеленый цвет. На каждой двери был латунный номер, потемневший от времени и почти неразличимый на крашеном дереве.

Наконец Эдди остановился перед одной из дверей. Я запомнил номер: 112. Эдди несколько раз постучал. Дверь открылась, и круглая, низкорослая крашеная блондинка молча, жестом пригласила нас войти. На ней был красный шелковый халат с какими-то разлетающимися перьями на рукавах и шлепанцы с меховыми помпонами. Когда мы вошли в маленькую прихожую, женщина поздоровалась с Эдди по-английски, с сильным акцентом.

– Привет, Эдди. Привел друга, э?

Эдди пожал ей руку, а затем галантно поцеловал ее. Он держал себя так, словно был совершенно спокоен, но по некоторым его бессознательным жестам я заметил, что он сильно нервничает.

– Как дела сегодня, мадам Людмилла? – спросил он, стараясь произносить звуки как американец и смазывая их.

Я так и не понял, почему Эдди в домах терпимости всегда изображал из себя американца. Подозреваю, из-за того, что американцев считают богачами, а Эдди стремился утвердиться в этой среде.

Он повернулся ко мне и произнес с нарочитым американским акцентом:

– Оставляю тебя в хороших руках, малыш.

Это прозвучало так высокопарно и странно для моего слуха, что я громко рассмеялся. Мадам Людмилла на мой взрыв веселья никак не отреагировала. Эдди еще раз поцеловал ей руку и вышел.

– Говоришь английски, мой мальшик? – заорала мадам, словно подозревала во мне глухого. – Ты похож ехиптянин, или нет, турок.

Я заверил мадам Людмиллу, что я ни то, ни другое и что я говорю по-английски. Тогда она спросила, нравятся ли мне фигуры перед зеркалом. Я не знал, что сказать, и лишь кивнул головой.

– Я даю тебе хорошее шоу, – заверила меня она. – Фигуры перед зеркалом – это только начало. Когда ты станешь горячий и готовый, скажи мне остановиться.

Из маленькой прихожей мы прошли в темную комнату. Окна были плотно завешены. На стенах – несколько светильников с тусклыми лампочками. Лампочки имели форму трубок и торчали из стен под прямым углом. В комнате было много разных предметов: какие-то ящики от комода, старинные столики и стулья, письменный стол у стены, заваленный бумагой, карандашами, линейками и по меньшей мере дюжиной разных ножниц. Мадам Людмилла заставила меня сесть на старый мягкий стул.

– Кровать в той комнате, дорогой, – сказала она, указывая куда-то в другой конец комнаты. – А здесь моя *антизала*. Здесь я даю шоу, чтобы ты стал горячий и готовый.

Она сбросила красный халат, стряхнула с ног тапочки и распахнула створки двух высоких трюмо, стоявших рядом у стены. Образовалась большая зеркальная поверхность.

– А теперь музыка, мой мальчик, – сказала мадам Людмилла и завела допотопную виктролу, которая, однако, сияла как новенькая. Заиграла пластинка. Мелодия была какая-то разухабистая, напоминавшая цирковой марш.

– А теперь шоу, – и она начала кружиться под аккомпанемент цирковой музыки. Кожа у мадам Людмиллы была очень плотная и чрезвычайно белая, хотя она была уже немолода. Должно быть, ей было под пятьдесят. Ее живот уже чуть обвис, как и объемистые груди. У нее был небольшой нос и ярко накрашенные красные губы. Она использовала густую черную тушь для ресниц. В общем, это был хрестоматийный образец стареющей проститутки. Но было в ней и что-то детское, по-девичьи непосредственное и трогательное.

– А теперь – фигуры перед зеркалом, – объявила мадам Людмилла. Музыка продолжала греметь.

– Нога, нога, нога, – говорила она, выбрасывая ноги вперед и вверх – сначала одну, потом другую, в такт музыке. Правую руку она положила на макушку, словно маленькая девочка, которая не уверена, что сможет выполнить сложное движение.

– Поворот, поворот, поворот, – пропела она, вращаясь, как волчок.

– Зад, зад, зад, – сказала она, показывая мне свою голую заднюю часть, как это делают в канкане.

Эту последовательность она повторяла снова и снова, пока музыка не начала затихать. Пружина виктролы разматывалась. У меня появилось ощущение, что мадам Людмилла уходит куда-то вдаль, становясь все меньше по мере того, как затихала музыка. Какое-то отчаяние и одиночество – я и не знал, что такие чувства живут во мне, – вырвались из самых глубин моего существа на поверхность и заставили меня вскочить и выбежать из комнаты. Как безумный, я скатился вниз по лестнице и вылетел из дома на улицу.

Эдди стоял у подъезда, беседуя с двумя мужчинами в блестящих голубых костюмах. Увидев, как я выбежал, он начал надрывно хохотать.

– Ну как, круто? – спросил он, по-прежнему стараясь говорить как американец. – «Фигуры перед зеркалом – это только начало». Какой класс! Какой класс!

Рассказывая эту историю дону Хуану в первый раз, я упомянул, что на меня произвели очень глубокое впечатление цирковая мелодия и старая проститутка, неуклюже кружащаяся под эту музыку. И еще мне было очень неприятно осознать, насколько бездушен мой друг.

Когда я закончил рассказывать об этом случае во второй раз – в этих сонорских предгорьях, – я весь дрожал. На меня загадочным образом воздействовало нечто совершенно неопределенное.

– Эта история, – сказал дон Хуан, – должна войти в твой альбом памятных событий. Твой друг, сам того не подозревая, дал тебе, как он правильно заметил, нечто такое, что останется с тобой на всю жизнь.

– Для меня это просто грустная история, дон Хуан, но и только, – заявил я.

– Она действительно грустна, как и другие твои истории, – ответил дон Хуан, – но она совсем другая, она может быть памятной для тебя, потому что затрагивает каждого из нас, людей, а не только тебя, в отличие от других твоих сказок. Видишь ли, как и мадам Людмилла, мы все – старые и молодые – делаем свои «фигуры перед зеркалом», того или иного рода. Вспомни все, что ты знаешь о людях. Подумай о людях на этой Земле, и ты поймешь без тени сомнения: не важно, кто они или что бы они о себе ни думали, чем бы ни занимались, результат их действий всегда один и тот же: бессмысленные фигуры перед зеркалом.

Часть I. Трепет в воздухе

Глава 1. Путешествие силы

Когда я познакомился с доном Хуаном, я был довольно старательным студентом-антропологом и хотел начать свою антропологическую карьеру, публикуясь как можно чаще. Мне обязательно нужно было вскарабкаться вверх по академической лестнице, а для этого, по моим расчетам, не могло быть лучшего старта, чем собирание данных по использованию лекарственных растений индейцами Юго-Запада США.

Сначала я попросил одного профессора антропологии, работавшего в этой области, чтобы он что-нибудь посоветовал мне по поводу моего проекта. Он был выдающимся этнологом и опубликовал в конце тридцатых-начале сороковых годов много работ об индейцах Калифорнии и Соноры (Мексика). Он терпеливо выслушал мой план. Идея заключалась в том, чтобы написать статью, озаглавить ее «Этноботанические данные» и опубликовать в одном журнале, посвященном исключительно антропологическим проблемам Юго-Запада Соединенных Штатов.

Я предполагал собрать лекарственные растения, привезти их образцы в Ботанический сад Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, где точно определят их виды, а затем описать, как и для чего индейцы Юго-Запада используют их. Я уже представлял себе тысячи гербарных листов. В туманном будущем вырисовывалось даже издание небольшой энциклопедии по данной теме.

Профессор снисходительно улыбнулся.

– Не хотелось бы охлаждать ваш энтузиазм, – сказал он усталым голосом, – но я не могу не отозваться о вашем усердии в негативном смысле. Усердие в антропологии приветствуется, но оно должно быть направлено в нужное русло. Мы все еще переживаем золотой век антропологии. Я имел счастье учиться у Альфреда Крёбера и Роберта Лоуи, двух столпов общественных наук. Я не посрамил их доверия. Я по-прежнему считаю антропологию фундаментальной дисциплиной. Все остальные дисциплины должны ответвляться от антропологии. Вся область истории, например, должна называться «исторической антропологией», а область философии – «философской антропологией». Человек должен быть мерой всего. Поэтому антропология, наука о человеке, должна быть ядром любой другой дисциплины. Когда-нибудь так и будет.

Я смотрел на него в полном изумлении. Это был, насколько я его знал, тихий, добродушный, старый профессор, который недавно перенес инфаркт. Кажется, я затронул в нем чувствительную струну.

– Не думаете ли вы, что вам следует уделять больше внимания теоретическим занятиям? – продолжал он между тем. – Вместо того чтобы заниматься полевой работой, не лучше ли вам было бы всерьез позаниматься лингвистикой? У нас на кафедре работает один из наиболее выдающихся лингвистов мира! На вашем месте я бы сидел у его ног и ловил каждое слово, исходящее из его уст.

Кроме того, у нас есть выдающийся авторитет в области сравнительного религиоведения. Есть самые компетентные антропологи, которые создали труды о системах родства культур всего мира – с точки зрения лингвистики и с точки зрения познания. Вам надо иметь солидную теоретическую подготовку. Думать, что вы можете заниматься полевой работой уже сейчас, – это непростительное легкомыслие. Погрузитесь в книги, молодой человек. Вот вам мой совет.

Я упрямо отправился со своим предложением к другому профессору, более молодому. Но и он мне не помог, а открыто высмеял меня. Он сказал, что статья, которую я задумал, – это комикс о Микки Маусе. Даже с натяжкой нельзя считать это антропологией.

– Сегодня антропологи, – сказал он «профессорским» тоном, – озабочены более злободневными проблемами. Представители медицинских и фармацевтических наук уже произвели бесчисленные исследования всех существующих лекарственных растений мира. Здесь уже обглоданы все кости. Предлагаемое вами собирание данных было бы уместно в начале XIX века. Но с тех пор прошло почти двести лет. Знаете ли, существует такая вещь, как прогресс.

Затем он дал мне определение и истолкование прогресса и его совершенствования как двух философских категорий, которые, по его мнению, более всего применимы к антропологии.

– Антропология – это единственная наука, – продолжал он, – которая четко обосновывает концепцию совершенствования и прогресса. Слава богу, что в тумане цинизма нашего времени все еще светит луч надежды. Только антропология может продемонстрировать действительное развитие культуры и организации социума. Только антропологи могут доказать человечеству без тени сомнения наличие прогресса в человеческом знании. Культура развивается, и только антропологи могут продемонстрировать образцы обществ, соответствующих определенным звеньям в цепи прогресса и совершенствования. Вот что такое антропология! Не какая-то там ваша жалкая полевая работа, которая и не полевая работа вовсе, а просто мастурбация.

Это был сокрушительный удар. Хватаясь за последнюю соломинку, я поехал в Аризону, чтобы поговорить с антропологами, которые проводили там настоящую полевую работу. К тому времени я уже был готов к тому, чтобы отказаться от своей идеи. Я понял, что пытались мне внушить эти два профессора. И я был с ними полностью согласен! Мое стремление заниматься полевой работой было, конечно, просто ребячеством. И все-таки как хорошо было бы размять ноги в поле! Нельзя же заниматься наукой только в библиотеке.

В Аризоне я встретился с очень опытным антропологом, который много писал об аризонских и сонорских индейцах яки. Он был крайне любезен. Не останавливал меня и не давал советов. Он только заметил, что индейские общины Юго-Запада живут очень замкнуто и что иностранцам, особенно латинского происхождения, эти индейцы не доверяют, а то и питают к ним откровенную вражду.

Его более молодой коллега был общительнее. Он сказал, что мне стоило бы сначала почитать книги о травах. Он был экспертом как раз в этой области и считал, что все, что можно знать о лекарственных растениях Юго-Запада, уже обсуждено и разложено по полочкам в различных публикациях. Он даже заявил, что любой современный индейский травник черпает свои знания как раз из этих публикаций, а не из индейской традиции. Закончил он утверждением, что если до сих пор и сохранились какие-то традиционные целительские практики, то индейцы ни за что не передадут их чужаку.

– Займись лучше чем-то стоящим, – посоветовал он мне. – Обрати внимание на городскую антропологию. Много денег выделяется, например, на изучение алкоголизма среди индейцев в больших городах. И это то, чем любой антрополог может заниматься без особых трудностей. Пойди и напейся в баре с местными индейцами. Затем проведи статистический анализ всего того, что ты о них узнаешь. Преврати все в цифры. Городская антропология – это реальная наука.

Мне ничего не оставалось, как только прислушаться к советам опытных ученых. Я уже решил было лететь назад в Лос-Анджелес, но тут еще один мой друг-антрополог известил меня, что собирается проехаться по Аризоне и Нью-Мексико, посетить все места, где он проводил раньше работу, и восстановить отношения с людьми, которые были когда-то его антропологическими информаторами.

– Я буду рад, если ты поедешь со мной, – сказал он. – Работать я не собираюсь. Просто хочу повидаться с ними, выпить со всеми по рюмке, потрепаться. Я им накупил подарков

– одеял, выпивки, курток, разной амуниции для ружей двадцать второго калибра. Загрузил машину всяким добром. Обычно, когда я хочу встретиться с ними, я езжу один, но при этом всегда рискую заснуть за рулем. Ты мог бы составить мне компанию, не давал бы мне пить лишнего, а если я все-таки переберу, мог бы и посидеть немного за рулем, а?

Я настолько пал духом, что отклонил его предложение.

– Мне очень жаль, Билл, – сказал я. – Эта поездка мне не поможет. Я больше не вижу смысла в этой идее полевой работы.

– Не сдавайся без борьбы, – сказал Билл отечески-заботливым тоном. – Ты должен весь выложиться в борьбе, а если не получится, тогда что ж, можно и отказаться, но не раньше. Поехали со мной, и ты увидишь, как тебе понравится Юго-Запад.

Он положил руку мне на плечо. Я невольно отметил, как тяжела его рука. Билл всегда был высокий и сильный, но в последние годы в его теле появилась странная жесткость. Он утратил свое всегдашнее мальчишество. Его круглое лицо больше не лучилось молодостью, как раньше. Теперь это было озабоченное лицо. Я думал, что он беспокоится по поводу своего облысения, но иногда мне казалось, что тут кроется нечто большее.

Итак, он стал тяжелее. Не то чтобы он потолстел: его тело стало более тяжелым в каком-то необъяснимом смысле. Я замечал это по тому, как он стал ходить, садиться и вставать. Казалось, что Билл в любом движении каждой своей клеточкой упорно борется с гравитацией. Кончилось тем, что, несмотря на накатившее на меня безразличие, я все-таки отправился с ним в это путешествие. Мы объехали все места в Аризоне и Нью-Мексико, где жили индейцы. Одним из результатов этой поездки стало то, что я обнаружил в личности моего друга-антрополога два очень разных аспекта. Он объяснил мне, что, как профессиональный ученый, он почти не имел собственных мнений и всегда придерживался генеральной линии антропологической науки. Но как частному лицу, полевая работа давала ему богатые и интересные переживания, о которых он никому не рассказывал. Эти переживания не втискивались в господствующие идеи антропологии, так как их невозможно было классифицировать.

Во время нашего путешествия он неизменно выпивал со своими экс-информаторами, после чего полностью расслаблялся. Тогда я садился за руль, а он сидел рядом и потягивал прямо из бутылки 30-летний «Баллантайн». В такие-то минуты Билл иногда был не прочь поговорить о своих неклассифицируемых переживаниях.

– Я никогда не верил в духов, – отрывисто произнес он однажды. – Никогда не интересовался привидениями и призраками, голосами во тьме и всяким таким. У меня было очень прагматичное, серьезное мировоззрение. Моим компасом всегда была наука. Но потом, когда я работал в поле, в меня стала проникать всякая чертовщина. Например, однажды ночью я отправился с несколькими индейцами на поиск видений[3]. Они собирались по-настоящему инициировать меня посредством болезненной церемонии протыкания грудных мышц. Они готовили в лесу ритуал парилки[4]. Я настраивал себя на то, чтобы вытерпеть боль. Чтобы придать себе силы, я пару раз хлебнул. И вдруг человек, который должен был «ходатайствовать» за меня перед выполняющими ритуал, закричал в ужасе, указывая на темную, зловещую фигуру, которая шла прямо к нам.

Когда эта фигура приблизилась ко мне, я увидел, что передо мной старый индеец, одетый самым диким образом. На нем были все шаманские регалии. Увидев этого старого шамана, человек, который меня опекал в ту ночь, упал от страха в обморок. Старик подошел ко мне вплотную и уперся мне пальцем в грудь. А палец был – одна кожа и кости. Старик бормотал мне что-то непонятное. К этому моменту все остальные уже увидели старика и молча бросились ко

---

[3] Поиск видений (vision quest *(англ.)*) – ритуал, выполняемый североамериканскими индейцами с целью обретения духа-наставника или иной формы сверхъестественного покровительства. Обеспечивает не только шаману, но и обычному человеку доступ в сферы Духа. – *Прим. перев.*

[4] Sweat lodge *(англ.)* – индейский очистительный ритуал, предшествующий, в частности, поиску видений.

мне. Старик повернулся и взглянул на них, и все они застыли на месте. Он сверлил их взглядом пару секунд. Голос у него был просто незабываемый. Словно он говорил через трубу или у него было во рту какое-то другое приспособление, извлекавшее звуки из самого его нутра. Клянусь, я видел, что этот человек говорит внутри тела, а его рот просто транслирует слова, как какой-то механизм. Так вот, пронзил он их взглядом и пошел дальше, мимо меня, мимо них, и исчез, растворился в темноте.

Билл рассказал, что церемония инициации так и не состоялась. Все индейцы, в том числе и шаманы, ответственные за ритуал, так дрожали от страха, что чуть не выпрыгивали из ботинок. Немного придя в себя, они разбежались кто куда.

– Люди, которые были друзьями многие годы, – продолжал он, – больше никогда не разговаривали друг с другом. Они заявили, что видели привидение в образе невероятно старого шамана и что, если бы они разговаривали об этом друг с другом, это принесло бы им несчастье. Даже просто смотреть друг на друга было опасно. Большинство из них потом уехали из тех мест.

– Почему они считали, что разговаривать друг с другом или смотреть друг на друга – к несчастью? – спросил я Билла.

– Таковы их верования, – ответил он. – Привидения такого рода обращаются к каждому из присутствующих индивидуально. Для индейцев получить такое видение – это значит определить свою судьбу на всю жизнь.

– И что же привидение сказало им индивидуально? – спросил я.

– Вот этого я не знаю, – ответил Билл. – Они ведь и мне никогда ничего не говорили. Когда я спрашивал их, они все входили в состояние глубокого оцепенения. Ничего не видели, ничего не слышали. Уже через несколько лет после этого события тот человек, который потерял сознание, клялся мне, что обморок был притворный. Он просто до смерти боялся взглянуть в лицо тому старику. А то, что старик хотел сказать каждому из них, все они понимали не на словесном, а на каком-то другом уровне.

То, что привидение сказало Биллу, насколько он понял, имело отношение к его здоровью и его будущему.

– То есть? – спросил я.

– Дела мои не очень хороши, – признался он. – Мое тело чувствует себя неважно.

– Но ты хоть знаешь, в чем тут дело?

– Ну да, – сказал он безразличным тоном, – врачи мне все объяснили. Но я не собираюсь беспокоиться и даже думать об этом.

Откровения Билла оставили тяжелый осадок у меня на душе. С этой стороны я его совершенно не знал. Я всегда считал, что он весельчак, рубаха-парень. Никогда бы не подумал, что у него есть уязвимые места. И такой Билл мне не нравился. Но было уже слишком поздно отступать. Наше путешествие продолжалось.

В другой раз он доверительно сообщил мне, что шаманы Юго-Запада умеют превращаться в различные существа и что деление шаманов на «медведей», «горных львов» и т. п. следует понимать не в символическом или метафорическом смысле, а в самом что ни на есть буквальном.

– Не знаю, поверишь ли ты, – заявил он самым почтительным тоном, – но есть шаманы, которые на самом деле становятся медведями, горными львами или орлами. Я не преувеличиваю и ничего не придумываю, когда говорю, что однажды я сам видел превращение шамана, который называл себя «Речной Человек», «Речной Шаман» или «Пришедший из Реки, Возвращающийся в Реку». С ним я был в горах в штате Нью-Мексико. Я возил его на машине; он мне доверял. Этот шаман искал свой исток – так он говорил. Один раз мы с ним шли по берегу реки, как вдруг он стал каким-то очень возбужденным. Он велел мне скорей убегать с берега

к высоким скалам, спрятаться там, накрыть голову и плечи одеялом и выглядывать в щелочку, чтобы не пропустить то, что он сейчас будет делать.

– Что же он собирался делать? – спросил я, не в силах сдержать нетерпение.

– Я не знал, – сказал Билл. – Мне оставалось только догадываться. Я и представить себе не мог, что он собирался делать. Он просто зашел в воду, во всей одежде. Когда вода дошла ему до икр – это была широкая, но мелкая горная речка, – шаман просто исчез, растворился. Но прежде чем войти в воду, он шепнул мне на ухо, что я должен пройти вниз по течению и подождать его. Он указал мне точное место, где ждать. Я нашел это место и увидел, как шаман вышел из воды. Хотя глупо говорить, что он «вышел из воды». Я видел, как шаман превратился в воду, а затем воссоздал себя из воды. Ты можешь в это поверить?

Я не мог ничего сказать по поводу этой истории. Поверить в нее было невозможно, но и не верить я тоже не мог. Билл был слишком серьезным человеком. Напрашивалось единственное разумное объяснение: в этом путешествии он пил с каждым днем все больше. В багажнике у Билла был ящик с двадцатью четырьмя бутылками шотландского виски – для него одного. Он пил как лошадь.

– Я всегда был неравнодушен к эзотерическим превращениям шаманов, – объявил он мне в другой день. – Не скажу, что я могу объяснить эти превращения или хотя бы верю в то, что они на самом деле происходят, но в качестве интеллектуального упражнения очень интересно подумать о том, что превращение в змей и горных львов не так трудно, как то, что делал водяной шаман. В подобные моменты я задействую свой разум таким образом, что перестаю быть антропологом и начинаю реагировать на то, что чую нутром. А утром я чую, что эти шаманы определенно делают что-то такое, что невозможно научно зафиксировать и вообще говорить о них, если ты в здравом уме.

Например, есть облачные шаманы, которые превращаются в облака, в туман. Я никогда этого не видел, но я знавал одного облачного шамана. Я не видел, чтобы он исчезал или превращался в туман на моих глазах, как тот, другой шаман превратился в воду. Но однажды я погнался за облачным шаманом, и он просто исчез – в таком месте, где спрятаться просто негде. Хотя я не видел, как он превратился в облако, но он исчез! Я не могу объяснить, куда он девался. Там, где он пропал, не было ни скал, ни растительности. Я был там через полминуты после него, но шамана уже не было.

– Я гнался за этим человеком, чтобы получить информацию, – продолжал Билл. – Но он не хотел уделить мне время. Он был очень дружелюбен, но и только.

Билл рассказал мне еще множество других историй: о соперничестве и политических группировках индейцев в разных резервациях, о кровной мести, вражде, дружбе и т. д., и т. д. – все это не интересовало меня ни в малейшей степени. А вот истории о превращениях шаманов и привидениях давали мне серьезную эмоциональную встряску. Они меня одновременно и привлекали, и пугали. Но почему они меня привлекают или пугают, я не мог понять, как ни пытался. Могу только сказать, что эти шаманские истории задевали меня на каком-то неизвестном мне телесном уровне, я бы даже сказал, на уровне внутренностей.

Еще во время этой поездки я понял, что индейские сообщества Юго-Запада – сообщества действительно закрытые. И я в конце концов согласился с тем, что мне действительно необходимо пройти основательную теоретическую подготовку, что разумнее было бы заняться полевой антропологической работой в такой сфере, с которой я знаком или в которой имеется некоторая конкуренция.

Когда наша поездка закончилась, Билл отвез меня на автобусную станцию в Ногалес, штат Аризона. Оттуда мне предстояло вернуться в Лос-Анджелес. Пока мы сидели в зале ожидания, Билл по-отечески поучал меня, напоминая, что неудачи в антропологической полевой работе неизбежны, но они являются или признаками приближения к цели, или моего созревания как ученого.

И вдруг он наклонился ко мне и движением подбородка указал на противоположный конец зала.

– Кажется, старик, который сидит на скамейке в углу, – и есть тот человек, о котором я тебе рассказывал, – прошептал он мне на ухо. – Я не совсем уверен, потому что я видел его перед собой, лицом к лицу, только один раз.

– Какой человек? Что ты мне о нем рассказывал? – спросил я.

– Когда мы говорили о шаманах и шаманских превращениях, я рассказал тебе, как однажды я встретил облачного шамана.

– Да-да, я помню, – сказал я. – Это и есть облачный шаман?

– Нет, – сказал Билл, – но мне кажется, что это товарищ или учитель облачного шамана. Я их обоих видел вместе много раз – правда, издалека и много лет назад.

Я вспомнил, что Билл мельком упоминал, причем не в связи с облачным шаманом, о существовании некоего таинственного старика, бывшего шамана; этот старый мизантроп из Юмы когда-то был ужасным колдуном. Об отношениях этого старика с облачным шаманом мой друг никогда ничего не рассказывал, но, очевидно, это было настолько важно для Билла, что он был уверен, будто я тоже об этом знаю.

Странное беспокойство неожиданно овладело мной и заставило вскочить со скамьи. Как будто влекомый чужой волей, я подошел к старику и сразу же начал длинную тираду о том, как я много знаю о лекарственных растениях и о шаманизме индейцев равнин и их сибирских предков. Мимоходом я упомянул, что наслышан о старике как о шамане. В заключение я заверил старика, что для него было бы крайне полезно побеседовать со мной обстоятельно.

– Во всяком случае, – сказал я нетерпеливо, – мы могли бы обменяться историями. Вы расскажете мне свои, а я вам – мои.

Все это время старик не поднимал на меня глаз. И тут вдруг взглянул мне прямо в глаза. «Я Хуан Матус», – сказал он.

Моя тирада ни в коем случае не должна была прекращаться, но по какой-то непонятной причине я вдруг почувствовал, что мне больше нечего сказать. Хотелось только назвать свое имя. Но старик поднял руку на уровень моих губ, как бы заставляя меня молчать.

В этот момент подъехал автобус. Старик проворчал, что это тот автобус, на котором он должен ехать, затем дружелюбно пригласил меня заглянуть как-нибудь к нему, чтобы мы могли поговорить в непринужденной обстановке и обменяться историями. Говоря это, он слегка усмехнулся уголком рта. С невероятной для человека его возраста ловкостью – ему было, как я прикинул, за восемьдесят – он в несколько прыжков покрыл пятидесятиметровое расстояние между скамьей, где он сидел, и дверью автобуса. Автобус словно остановился специально для того, чтобы подобрать этого старика, – как только он запрыгнул, дверь закрылась и машина тронулась.

Старик уехал, а я вернулся к скамейке, где сидел Билл.

– Что он сказал, что он сказал? – спрашивал он возбужденно.

– Чтобы я заглянул к нему домой, – ответил я. – И даже сказал, что мы там сможем поговорить.

– Он пригласил тебя к себе домой? Что же ты ему такого сказал? – приставал Билл.

Я похвастался Биллу, что во мне погиб торговый агент, и рассказал, как я пообещал старику поделиться с ним своей богатой информацией о лекарственных растениях.

Билл явно не поверил ни одному моему слову. Он обвинил меня в том, что я что-то утаиваю от него.

– Я знаю, что за люди здесь живут, – заявил он воинственно, – а этот старик – особенно странный тип. Он не разговаривает ни с кем, в том числе и с индейцами. С какой бы стати ему разговаривать с тобой, чужаком? Был бы ты хоть умный!

Было очевидно, что мой друг рассердился на меня, хотя я и не мог понять за что. Я не смел попросить у него объяснений. У меня возникло впечатление, что он ревнует меня к этому старику. Возможно, я добился успеха там, где он в свое время потерпел поражение. Как бы то ни было, мой случайный успех ничего для меня не значил. Если не считать кратких замечаний Билла, я не имел ни малейшего представления о том, как трудно было познакомиться с этим стариком. Да и ничего особо примечательного в нашем разговоре я в то время не обнаружил. И меня удивляло, что Билл так расстраивается по этому поводу.

– А ты знаешь, где он живет? – спросил я его.

– Не имею ни малейшего понятия, – ответил он сухо. – Местные люди говорили, что он не живет вообще нигде, просто появляется неожиданно то здесь, то там, но все это, конечно, чушь собачья. Наверное, живет в какой-нибудь развалюхе в мексиканском Ногалесе.

– Чем же он так важен? – спросил я. Задав этот вопрос, я смог набраться храбрости и добавить: – По-моему, ты расстроен из-за того, что он разговаривал со мной. Почему?

Билл с безразличным видом признал, что действительно был раздосадован, потому что, по его сведениям, бесполезно даже пытаться заговорить с этим человеком.

– Этот старик – редкий грубиян, – добавил Билл. – В лучшем случае, ты к нему обращаешься, а он на тебя только смотрит и слова не скажет. А в другой раз и взглядом не удостоит; просто не обращает на тебя внимания, словно ты пустое место. Я один-единственный раз попытался заговорить с ним, и он меня очень грубо оборвал. Знаешь, что он мне сказал? «На твоем месте я бы не тратил энергию на открывание рта. Береги ее. Она тебе нужна». Не был бы он такой старой галошей, я бы врезал ему по носу.

Я заметил, что называть этого человека «стариком» было бы не совсем корректно. На самом деле, он не выглядел таким уж старым, хотя лет ему, безусловно, немало. Он был невероятно подвижен и крепок. Про себя же я подумал, что Билл оказался бы в жалком положении, если бы вздумал врезать такому «старику» по носу. Старый индеец выглядел невероятно сильным. Можно даже сказать, что в нем было нечто устрашающее.

Но этого я вслух не сказал. Билл продолжал разглагольствовать о том, как ненавистен ему этот старикашка и что бы он со старикашкой сделал, если бы тот не был таким тщедушным.

– Как ты думаешь, кто бы мог сообщить мне информацию о том, где он живет? – спросил я.

– Возможно, кое-кто в Юме, – ответил он, понемногу успокаиваясь. – Может быть, те люди, с которыми я тебя познакомил в начале нашей поездки. Ты ничего не потеряешь, если порасспросишь их. Можешь сказать, что это я тебя к ним направил.

Итак, мои планы изменились. Вместо того чтобы вернуться в Лос-Анджелес, я отправился в Юму, штат Аризона. Встретился с людьми, с которыми меня познакомил Билл. Они не знали, где живет тот старый индеец, но их отзывы о нем еще больше возбудили мое любопытство. Мне сказали, что он не из Юмы, а из мексиканского штата Сонора и что в молодости он был внушающим ужас магом, творил заклинания и насылал чары на людей, но, постарев, превратился вотшельника-аскета. Хотя он был индейцем яки, одно время его видели с группой мексиканцев, которые, судя по всему, хорошо разбирались в магии. Все информаторы Билла утверждали, что уже много лет никто из той компании в окрестностях Юмы не появлялся. Один из информаторов добавил, что этот старик был сверстником его дедушки. Но дедушка был уже дряхл и прикован к постели, а маг с годами, казалось, лишь набирался сил. Этот же рассказчик порекомендовал мне обратиться к неким людям в Эрмосильо, столице Соноры, которые могли знать старика и рассказать мне о нем больше.

Перспектива поездки еще и в Мексику меня не очень-то радовала. Сонора находилась слишком далеко от сферы моих интересов. Кроме того, я рассудил, что лучше все-таки и впрямь заняться городской антропологией, и вернулся в Лос-Анджелес. Перед отъездом в

Калифорнию я, правда, прочесал окрестности Юмы, повсюду расспрашивая о старике. Но больше никто ничего о нем не знал.

В автобусе на пути в Лос-Анджелес я пережил смешанные ощущения. С одной стороны, я чувствовал себя полностью излечившимся от всяких помрачений, связанных с полевой работой и стариком-индейцем. С другой – меня мучила странная ностальгия. Такого со мной раньше никогда не бывало. Новизна ощущения поразила меня до глубины души. Это была смесь беспокойства и тоски, как будто мне не хватало чего-то крайне важного. По мере того как я приближался к Лос-Анджелесу, все, что воздействовало на меня в Юме, постепенно начало уходить на задний план. Но от этого моя тоска лишь усилилась.

Глава 2. Намерение бесконечности

– Я хотел бы, чтобы ты не спеша обдумал каждую подробность того, что случилось между тобой и теми двумя людьми, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, которые на самом деле привели тебя ко мне, – сказал дон Хуан. – Потом расскажи мне все, что вспомнишь об этом.

Выполнить его просьбу было для меня очень сложной задачей, и все же мне даже понравилось вспоминать то, что рассказывали эти двое. Дон Хуан хотел услышать все подробности, и это заставило меня предельно напрячь свою память.

История, которую заставил меня вспомнить дон Хуан, началась в городке Гуаймас мексиканского штата Сонора. В Юме, штат Аризона, мне дали имена и адреса тех людей, которые, как мне сказали, могут пролить свет на загадку встреченного на автобусной остановке старика. Но люди, которых я навестил, не только не знали никакого старого шамана, но и вообще сомневались, что такой человек существует. Впрочем, все они рассказывали множество жутких историй о шаманах из племени яки и воинственном духе всех представителей этого племени. Однако они намекнули, что, возможно, я смогу найти кое-кого, кто укажет мне верное направление, в Викаме – железнодорожном поселке между городами Гуаймас и Сьюдад-Обрегон.

– Можете ли вы порекомендовать конкретного человека? – спросил я.

– Лучше всего будет поговорить с инспектором государственного банка, – предположил один из моих собеседников. – В этом банке много инспекторов. Им известно все о местных индейцах, ведь банк является государственным учреждением, скупающим их урожаи, а каждый индеец яки – фермер: он владеет участком земли и может считать его своей собственностью, пока обрабатывает его.

– Вы знакомы с каким-нибудь инспектором? – спросил я.

Все переглянулись и посмотрели на меня с извиняющимися улыбками. Они не знали ни одного инспектора, но настоятельно советовали мне найти любого из них и рассказать ему о своей проблеме.

Мои попытки познакомиться с инспекторами государственного банка на станции Викам обернулись полной неудачей. Я встретился с тремя из них, но, как только рассказывал, чего от них хочу, они начинали смотреть на меня с нескрываемой подозрительностью. Они немедленно решали, что я – шпион янки, подосланный для того, чтобы затеять какие-то неприятности. Хотя инспекторы не могли точно определить, какие именно, но высказывали самые дикие предположения – от политической пропаганды до промышленного шпионажа. Все вокруг без всяких на то оснований верили, что в недрах земель племени яки есть залежи меди и янки пытаются завладеть ими.

После провала всех моих попыток я вернулся в Гуаймас и остановился в гостинице неподалеку от одного знаменитого ресторана, куда ходил трижды в день. Кухня там была великолепной. Мне она так понравилась, что я остался в Гуаймасе еще на неделю. Фактически, я чуть ли не жил в этом ресторане и благодаря этому хорошо познакомился с его владельцем, сеньором Рейесом.

Однажды во время обеда мистер Рейес подвел к моему столику какого-то человека, которого представил как Хорхе Кампоса, чистокровного индейца яки и предпринимателя; в молодости он жил в Аризоне, прекрасно говорил по-английски и был американцем больше, чем любой другой американец. Мистер Рейес восхвалял его как истинный образец упорного труда и настойчивости, которые способны превратить человека в исключительную личность.

Мистер Рейес оставил нас наедине, а Хорхе Кампос присел за столик и немедленно перешел к делу. Он старался вести себя скромно и отрицал похвалы, только что прозвучавшие в его адрес, но было совершенно ясно, что на самом деле он чрезвычайно польщен словами мистера Рейеса. С первого взгляда у меня возникло четкое впечатление, что Хорхе Кампос

относится к тем предпринимателям, каких можно встретить в баре или на оживленном углу Главной Улицы[5], – они продают идеи или просто пытаются найти хитроумный способ избавить людей от их сбережений.

У мистера Кампоса была очень приятная внешность – около шести футов ростом, стройный, с импозантным брюшком, выдающим любителя крепких напитков. У него было очень смуглое лицо с легким налетом бледности. На нем были дорогие джинсы и лакированные ковбойские ботинки с острыми носками и угловатыми каблуками, словно ему часто приходилось упираться в землю, чтобы остановить пойманного лассо бычка. Помимо этого, на нем была безупречно выглаженная серая рубашка из шотландки; из правого кармана выглядывал пластиковый чехол с целым набором ручек. Мне доводилось видеть такие карманные чехлы у конторских служащих, не желавших испачкать чернилами карманы своих рубашек. Наряд Кампоса довершали довольно дорогая на вид, отделанная бахромой красновато-коричневая замшевая куртка и высокая шляпа техасского ковбоя. Его круглое лицо было бесстрастным. Морщин на нем не было, хотя на вид Кампосу было уже за пятьдесят. По какой-то неведомой причине я решил, что этот человек опасен.

– Очень приятно познакомиться с вами, мистер Кампос, – сказал я, протягивая ему руку.

– Давай покончим с формальностями, – ответил он, энергично пожимая мою руку. – Мне нравится держаться с молодыми людьми на равных, несмотря на разницу в возрасте. Зови меня просто Хорхе.

Он на мгновение умолк – без сомнения, для того, чтобы понаблюдать за моей реакцией. Я не знал, что ответить. Мне совершенно не хотелось шутить с ним, но в то же время я не мог воспринимать его всерьез.

– Любопытно, что привело тебя в Гуаймас? – непринужденно продолжал он. – На туриста ты не похож, да и подводная охота вряд ли тебя привлекает.

– Я изучаю антропологию, – ответил я, – и пытаюсь сойтись с местными индейцами, чтобы провести полевые исследования.

– А я деловой человек, – откликнулся он. – Мой бизнес заключается в снабжении информацией, в посредничестве. У тебя есть потребность, у меня – товар. Но я беру плату за свои услуги и при этом гарантирую качество. Если ты останешься недоволен, платить не придется.

– Если ваш бизнес заключается в продаже информации, – сказал я, – то я с удовольствием заплачу, какую бы цену вы ни назначили.

– Ага! – воскликнул он. – Тебе явно нужен проводник – кое-кто более образованный, чем обычный здешний индеец яки, кто познакомил бы тебя с окрестностями. А ты получил дотацию на исследования у правительства Соединенных Штатов или у какой-то крупной организации?

– Да, – солгал я. – Дотацию выделил Эзотерический Фонд Лос-Анджелеса.

Как только я произнес это, в его глазах промелькнул жадный блеск.

– Ага! – снова воскликнул он. – Это крупная организация?

– Довольно большая, – подтвердил я.

– Господи! Что, правда? – переспросил он, будто мои слова были тем объяснением, которое он желал услышать. – Могу ли я спросить, если, конечно, ты не против, – насколько велика эта дотация? Сколько они тебе дали?

– Несколько тысяч долларов для предварительных полевых изысканий, – опять соврал я, чтобы увидеть, как он отреагирует.

– Ага! Люблю откровенных людей, – сказал он, смакуя каждое свое слово. – Я думаю, мы с тобой достигнем взаимопонимания. Я предлагаю тебе услуги в качестве проводника и готов

[5] *Main Street (англ.)* – Главная Улица – название главной улицы практически в любом маленьком американском городке. – *Прим. ред.*

послужить тем ключом, что отворит перед тобой множество тайных дверей племени яки. Как ты мог заметить по моему внешнему виду, я обладаю определенным вкусом и средствами.

– О да, у вас явно хороший вкус, – подтвердил я.

– Я имею в виду, – продолжал он, – что за небольшое вознаграждение, которое ты сочтешь вполне разумным, я приведу тебя к нужным людям, – к людям, которым ты сможешь задать любые вопросы. За незначительную дополнительную плату я слово в слово переведу для тебя их ответы на испанский или английский. Еще я говорю на французском и немецком, но что-то подсказывает мне, что эти языки тебя не интересуют.

– Вы правы. Вы совершенно правы, – сказал я. – Эти языки меня совершенно не интересуют. Сколько же вы хотите в качестве вознаграждения?

Он вынул из внутреннего кармана обтянутый кожей блокнот, помахал им перед моим носом, нацарапал в нем какие-то беглые пометки, снова махнул им, закрывая, и изящным и быстрым движением сунул в карман. Я был уверен, что он хотел продемонстрировать мне, насколько ловко и споро управляется с вычислениями.

– Так! Мое вознаграждение! Я возьму с тебя пятьдесят долларов в день, не считая транспортных расходов и питания. Это значит, что, когда будешь кушать ты, кушать буду и я. Что скажешь?

В этот момент он подался ко мне и почти шепотом сообщил, что нам следует перейти на английский, потому что он не хочет, чтобы окружающие узнали о характере нашей сделки. После этого он начал говорить со мной на каком-то языке, но это был вовсе не английский! Я совершенно растерялся и не знал, как мне реагировать. От вида человека, несущего какую-то тарабарщину с совершенно естественным выражением лица, меня пробрала нервная дрожь. Но он вел себя совершенно спокойно, сопровождая слова оживленными жестами и указывая то на одно, то на другое, будто объяснял мне что-то. Мне показалось, что это не был какой-то из перечисленных им языков; возможно, он говорил на языке яки. Когда мимо нашего стола проходили люди, я кивал головой и произносил: «Да, да, конечно». Один раз я сказал: «Вы не могли бы повторить еще раз?» – это прозвучало так смешно, что я расхохотался до рези в животе. Он тоже от души рассмеялся, словно я отмочил невероятную шутку.

Должно быть, он заметил, что я совершенно сбит с толку, так как, прежде чем я успел сказать ему, что ничего не понимаю, он вновь перешел на испанский.

– Не хотелось бы утомлять тебя своими глупыми наблюдениями, – сказал он, – но, если я стану твоим проводником, – а мне кажется, я им стану, – нам придется проводить за разговорами долгие часы. Только что я проверял тебя, пытаясь определить, хороший ли ты собеседник. Раз мне суждено продолжительное время быть рядом с тобой, пока ты ведешь машину, я хочу убедиться, что ты умеешь слушать и поддерживать беседу. Рад сообщить, что ты искусен и в том, и в другом.

Он поднялся, пожал мне руку и ушел. Словно по сигналу, к столику подошел владелец ресторана; он улыбался и покачивал головой из стороны в сторону, как медвежонок.

– Он замечательный парень, правда? – поинтересовался мистер Рейес.

Мне не хотелось добавлять что бы то ни было к этому заявлению, так что мистер Рейес по собственной воле поведал мне, что в данный момент Хорхе Кампос выступает в роли посредника в одной чрезвычайно деликатной и выгодной сделке. Он добавил, что некие горнодобывающие компании Соединенных Штатов заинтересованы в разработке залежей железа и меди в землях индейцев яки и на этом Хорхе Кампос собирается заработать около пяти миллионов долларов. Теперь я точно знал, что Хорхе Кампос – мошенник: в земле, которой владели индейцы яки, не было ни железа, ни меди. Будь там полезные ископаемые, частные предприятия давным-давно вытеснили бы индейцев с этой земли и поселили бы где-то в другом месте.

– Он действительно замечательный, – сказал я. – Самый удивительный человек из всех, кого я встречал. Как я могу снова найти его?

– Не беспокойтесь об этом, – заверил меня мистер Рейес. – Хорхе уже расспросил меня о вас. Он наблюдал за вами с того самого момента, когда вы здесь появились. Думаю, сегодня вечером или завтра он сам постучит в вашу дверь.

Мистер Рейес был прав. Пару часов спустя, когда я прилег вздремнуть после обеда, меня разбудили. Я собирался покинуть Гуаймас ранним вечером и за ночь добраться до Калифорнии. Разбудил меня Хорхе Кампос. Я объяснил ему, что уезжаю, но вернусь сюда примерно через месяц.

– Ага! Но ты должен остаться, ведь я согласился стать твоим проводником, – сказал он.

– Мне очень жаль, но с этим придется подождать. Сейчас у меня очень мало времени, – ответил я.

Я знал, что Хорхе Кампос – плут, и все же решил рассказать ему, что у меня уже есть источник информации, пожелавший поработать на меня, и что я познакомился с ним в Аризоне. Я описал ему старика и сказал, что его зовут Хуан Матус, а другие люди говорили о нем как о шамане. Хорхе Кампос широко улыбнулся в ответ. Я спросил, знаком ли он с этим стариком.

– О да, я его знаю, – весело подтвердил он. – Можно даже сказать, что мы добрые приятели. – Не дожидаясь приглашения, Хорхе Кампос вошел в комнату и присел за столик возле балкона.

– Он живет где-то рядом? – спросил я.

– Конечно, – уверенно сказал Хорхе.

– Вы можете проводить меня к нему?

– Почему бы и нет, – ответил он. – Мне понадобится пара дней, чтобы навести кое-какие справки, – просто убедиться, что сейчас он здесь. Потом мы сможем навестить его.

Я понимал, что он лжет, и все же мне хотелось ему поверить. Я даже подумал, что мое первоначальное недоверие было совершенно необоснованным: в этот миг он, казалось, был вполне искренним.

– Однако, – продолжал он, – я запрошу с тебя плату за то, что приведу к этому человеку. Мой гонорар составит двести долларов.

Эта сумма превышала все, что было в моем распоряжении. Я вежливо отказался и заявил, что у меня нет таких денег.

– Мне не хотелось бы выглядеть торгашом, – сказал он, расплываясь в обаятельной улыбке, – но скажи тогда, сколько ты можешь себе позволить? Учти, что мне придется потратиться на взятки. Индейцы яки очень замкнуты, но определенные способы всегда существуют. Любые двери открываются одним золотым ключиком – деньгами.

Несмотря на все мои дурные предчувствия, я не сомневался в том, что Хорхе Кампос вхож не только в мир индейцев яки, но и в дом того старика, что так меня заинтриговал. Мне не хотелось торговаться, и я испытал легкий стыд, предложив ему лежащие в моем кармане пятьдесят долларов.

– Я уже собирался уезжать, – сказал я, будто извиняясь, – так что с деньгами у меня туговато. Осталось только пятьдесят долларов.

Хорхе Кампос вытянул длинные ноги под столом, скрестил руки за головой и сдвинул шляпу на лоб.

– Я возьму эти пятьдесят долларов и твои часы, – без тени смущения заявил он. – Но за эту плату я отведу тебя только к младшему шаману. Не волнуйся! – предупредил он, словно я уже начал протестовать. – По этой лестнице следует подниматься осторожно – с нижней ступеньки до самого этого человека, который, смею тебя заверить, занимает чрезвычайно высокое положение.

– Когда же мы встретимся с этим младшим шаманом? – спросил я, протягивая ему деньги и часы.

– Прямо сейчас! – воскликнул он, выпрямился и нетерпеливо схватил часы и деньги. – Пойдем! Не будем терять ни минуты!

Мы уселись в машину, и он сообщил, что мы направляемся в город Потам – один из старинных центров племени яки на берегу реки Яки. Пока мы ехали, он рассказал, что познакомит меня с Лукасом Коронадо – человеком, известным своим колдовским искусством, шаманскими трансами и великолепными масками, которые он делает для праздников яки на Великий Пост.

Затем разговор перешел на тему о старике, и слова Хорхе полностью противоречили всему, что говорили о нем другие. Хотя его описывали как отшельника и шамана в отставке, Хорхе Кампос изобразил старика самым выдающимся целителем и колдуном в этом районе – человеком, слава которого превратила его в совершенно недосягаемую личность. Хорхе сделал театральную паузу, а потом нанес свой последний удар: он сказал, что непринужденный разговор со стариком – тот вид беседы, к какому стремятся все антропологи, – обойдется мне по меньшей мере в две тысячи долларов.

Я собирался было возмутиться таким резким скачком цены, но Хорхе опередил меня.

– За двести долларов я мог бы просто провести тебя к нему, – сказал он. – Но из них у меня осталось бы не больше тридцати долларов – все остальное ушло бы на взятки. Однако продолжительный разговор с ним стоит намного дороже. Подумай сам: у него куча телохранителей, людей, что его оберегают. Мне нужно уговорить их и дать что-то каждому.

– В конце концов, – закончил он, – я могу представить тебе полный отчет с квитанциями и всем прочим, что нужно для твоей налоговой декларации. Тогда ты поймешь, что мои комиссионные за организацию всего дела совершенно незначительны.

Я испытал прилив восхищения этим человеком. Он предусмотрел все, даже квитанции о налогах с дохода. Какое-то время он молчал, будто подсчитывал свою незначительную прибыль. Мне тоже нечего было сказать: я сам занялся подсчетами, пытаясь придумать способ найти две тысячи долларов. Я даже подумал о том, чтобы действительно подать просьбу о дотации.

– Вы уверены, что старик захочет говорить со мной? – спросил я.

– Разумеется, – заверил Хорхе. – Он не только поговорит с тобой, но и покажет какое-нибудь колдовство, если, конечно, ты ему заплатишь. И вы сможете договориться о том, сколько ты будешь платить за дальнейшие уроки. – Хорхе Кампос опять ненадолго умолк, пристально глядя мне в глаза. – Так что, сможешь заплатить две тысячи? – спросил он таким нарочито равнодушным тоном, что я вновь мгновенно осознал, что он мошенник.

– О да, это вполне приемлемая сумма, – успокаивающе соврал я.

Он не мог скрыть своего ликования.

– Молодец! Молодец! – одобрительно воскликнул он. – Вот и договорились!

Я попытался задать ему еще несколько общих вопросов о старике, но он бесцеремонно прервал меня:

– Спросишь у самого старика. Он будет в твоем полном распоряжении, – с улыбкой пообещал Хорхе.

Он принялся рассказывать мне о своей жизни в Соединенных Штатах и деловой карьере. Поскольку я уже отнес его к категории жуликов, не знающих ни единого английского слова, он вдруг перешел на английский, что привело меня в полное замешательство.

– Так вы *говорите* по-английски! – воскликнул я, даже не пытаясь скрыть свое изумление.

– Ну разумеется, мой мальчик, – ответил он с техасским акцентом, которому подражал на протяжении всего нашего разговора. – Я ведь говорил, что хотел испытать тебя, проверить, насколько ты находчив. И следует признать, что ты весьма сообразителен.

На великолепном английском он принялся развлекать меня всякими шутками и историями. Мне показалось, что мы добрались до Потама почти мгновенно. Мы подъехали к дому

на окраине города и вышли из машины. Хорхе шел впереди, громко выкрикивая имя Лукаса Коронадо.

Откуда-то из глубины дома раздался голос:

– Сюда.

В задней комнате лачуги, прямо на расстеленной на полу козьей шкуре сидел человек. Держа в руках резец и деревянный молоток, он возился с куском дерева, зажатом в его голых ступнях. Удерживая его на месте ногами, человек управлял им, словно огромным вращающимся колесом гончара. Ступни ловко вращали дерево, а руки тем временем обтачивали его резцом. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Он делал маску, выдалбливая в ней углубления искривленным резцом. Непринужденность, с какой он удерживал деревяшку ногами и поворачивал ее, была совершенно замечательной.

Человек был очень худ: вытянутое лицо с резкими чертами, высокие скулы и темная, почти медного цвета кожа. Кожа на лице и шее была так натянута, что казалось, вот-вот лопнет. Он носил тонкие обвисшие усы, которые придавали его угловатому лицу зловещее выражение. У него был орлиный нос с очень тонкой переносицей и свирепые черные глаза. Совершенно черные брови выглядели так, будто были нарисованы карандашом, – как и блестящие, зачесанные назад черные волосы. Мне никогда еще не доводилось видеть такого неприятного лица. При взгляде на него в голову приходил образ итальянского отравителя эпохи Медичи. После внимательного изучения лица Лукаса Коронадо я решил, что самыми подходящими для него будут слова «свирепый» и «угрюмый».

Я заметил, что ноги у него были такими длинными, что, когда он сидел на полу и сжимал ногами кусок дерева, колени доходили до самых плеч. Когда мы подошли ближе, он прервал работу и поднялся. Лукас был худым, как вешалка, и еще выше ростом, чем Хорхе Кампос. Он тут же надел свои *гуарачес* – как мне показалось, в знак уважения к нам.

– Входите, входите, – без улыбки сказал он. У меня возникло странное ощущение, что Лукас Коронадо вообще не умеет улыбаться. – Что стало причиной такого приятного визита? – спросил он у Хорхе Кампоса.

– Я привел этого молодого человека. Он хочет задать пару вопросов о твоем искусстве, – покровительственным тоном сообщил Хорхе Кампос. – Я поклялся, что ты ответишь на его вопросы совершенно правдиво.

– Ну конечно, конечно, – заверил Лукас Коронадо, окинув меня с ног до головы равнодушным взглядом.

Он перешел на другой язык – я решил, что это язык племени яки. Лукас и Хорхе погрузились в оживленный разговор, и говорили так довольно долго. При этом оба вели себя так, словно я вообще не существовал.

– Есть одна проблема, – наконец сказал мне Хорхе Кампос. – Лукас только что сообщил мне, что сейчас у него очень напряженное время, так как приближаются праздники. Поэтому сегодня он не сможет ответить на все твои вопросы, но обязательно сделает это в другой раз.

– Да, да, конечно, – подтвердил Лукас Коронадо на испанском. – В другой раз – обязательно. В другой раз.

– Нам придется уйти, – сказал Хорхе Кампос, – но я непременно приведу тебя к нему позже.

Когда мы уходили, я почувствовал желание высказать Лукасу Коронадо свое восхищение его изумительным мастерством одновременной работы руками и ногами. Он взглянул на меня так, будто я сумасшедший, а глаза его расширились от удивления.

– Ты что, никогда не видел, как делают маску? – процедил он сквозь сжатые зубы. – Ты откуда свалился? С Марса?

Я почувствовал себя идиотом и попытался объяснить, что для меня этот способ является совершенно новым. Мне показалось, что сейчас он ударит меня по голове. Хорхе Кампос на

английском сказал мне, что своим замечанием я очень обидел Лукаса Коронадо. Он воспринял мою похвалу как скрытую попытку посмеяться над его бедностью. Для него мои слова стали ироничным указанием на то, каким нищим и беспомощным он стал.

– Все совсем наоборот! – заявил я. – Я считаю, что он великолепен.

– Не вздумай говорить ему что-то подобное, – резко возразил Хорхе Кампос. – Эти люди привыкли воспринимать и высказывать оскорбления в самой тонкой форме. Он считает очень странным, что ты пренебрежительно отзываешься о нем, хотя совсем его не знаешь, и к тому же смеешься над тем, что он не может позволить себе купить верстак для работы с деревом.

Я был совершенно растерян. Мне меньше всего хотелось портить отношения со своим единственным возможным выходом на старика. Судя по всему, Хорхе Кампос прекрасно понимал мою досаду.

– Купи у него какую-нибудь маску, – посоветовал он.

Я ответил ему, что денег у меня едва хватит на то, чтобы заправить машину и купить еду, и что я собираюсь добраться до Лос-Анджелеса одним махом, без остановок.

– Тогда дай ему свою кожаную куртку, – как нечто само собой разумеющееся сказал Хорхе, хотя и произнес это доверительным, значительным тоном. – Иначе ты разозлишь его и тогда запомнишься ему только нанесенным оскорблением. Не стоит говорить ему, что его маски хороши. Просто купи одну.

Когда я сказал Лукасу Коронадо, что хочу обменять свою кожаную куртку на одну из его масок, он удовлетворенно осклабился, взял куртку и тут же надел ее. Он пошел к дому, но, прежде чем войти, сделал какое-то странное круговое движение, опустился на колени перед чем-то вроде алтаря. Он двигал руками, словно вытягивал их, а потом потер ладонями края куртки.

Он вошел в дом, вынес оттуда обернутый газетами сверток и передал его мне. Я хотел задать ему несколько вопросов, но он извинился и сказал, что у него много работы, однако добавил, что если я захочу, то могу вернуться в другой раз.

На обратном пути в Гуаймас Хорхе Кампос попросил меня развернуть сверток. Он хотел убедиться, что Лукас Коронадо не обманул меня. Мне не хотелось проверять, что в свертке, – я был целиком занят мыслью о том, чтобы вернуться к Лукасу в одиночестве и поговорить с ним. Я пребывал в приподнятом настроении.

– Я должен увидеть, что он тебе дал, – настаивал Хорхе Кампос. – Пожалуйста, останови машину. Не существует таких причин или обстоятельств, что позволили бы мне подвергать своих клиентов опасности. Ты заплатил мне за определенные услуги. Этот человек – искусный шаман, и потому он очень опасен. Так как ты оскорбил его, он мог дать тебе заколдованный сверток. В этом случае нам придется быстро закопать его прямо здесь.

Я испытал прилив тошноты и остановил машину. С предельной осторожностью я вынул сверток, но Хорхе Кампос выхватил его из моих рук и развернул. В нем лежали три великолепные традиционные маски племени яки. Хорхе Кампос обыденным, ничуть не заинтересованным тоном заметил, что было бы вполне естественно, если бы я подарил ему одну из них. Я рассудил, что мне следует поддерживать с ним хорошие отношения, пока он не отвел меня к старику, и потому с готовностью вручил ему одну маску.

– Если ты позволишь мне выбрать, я бы предпочел вот эту, – показал он.

Я позволил. Маски ничего для меня не значили, ведь моя цель заключалась в другом. Я бы отдал ему и две оставшиеся, но мне хотелось показать их своим друзьям-антропологам.

– В этих масках нет ничего необычного, – объявил Хорхе Кампос. – Такие можно купить в любой лавке в городе. Они продаются для туристов.

Я видел маски племени яки в городских магазинах. По сравнению с этими они были грубыми поделками. К тому же себе Хорхе Кампос действительно выбрал самую лучшую.

Я оставил его в городе и направился в Лос-Анджелес. Прежде чем попрощаться, он напомнил мне, что я фактически уже должен ему две тысячи долларов, так как он собирается немедленно начать раздавать взятки и готовить мою встречу с той большой шишкой.

– Так что, ты точно сможешь привезти две тысячи в следующий раз, когда приедешь? – нагло спросил он.

Его вопрос поставил меня в ужасное положение. Я был уверен, что он потеряет интерес ко мне, как только я честно признаюсь ему, что сомневаюсь в этом. И я был убежден, что, несмотря на его очевидную жадность, он все же сможет стать моим проводником.

– Я изо всех сил постараюсь найти деньги, – уклончиво ответил я.

– Тебе нужно сделать кое-что большее, парень, – резко, почти зло возразил он. – Я собираюсь тратить собственные деньги, устраиваю эту встречу и должен получить от тебя какие-нибудь гарантии. Мне известно, что ты очень серьезный молодой человек. Сколько стоит твоя машина? Может быть, тебе уже выдали розовый листок[6]?

Я сказал ему, сколько стоит моя машина, и отверг предположение об увольнении, но он удовлетворился лишь после того, как я дал ему слово, что в следующий раз привезу с собой всю сумму наличными.

Пять месяцев спустя я вернулся в Гуаймас, чтобы повидаться с Хорхе Кампосом. В то время две тысячи были значительной суммой, особенно для студента. Я решил, что, если он согласится на выплаты по частям, я с удовольствием уплачу ему ту сумму, о какой мы договорились.

Я не смог найти Хорхе Кампоса. Я обращался к владельцу ресторана, но он был озадачен отсутствием Хорхе не меньше меня.

– Он просто исчез, – сказал мистер Рейес. – Я думаю, вернулся в Аризону или в Техас, туда, где у него дела.

Я воспользовался этим случаем и в одиночестве отправился к Лукасу Коронадо. Но, подъехав к его дому около полудня, я не застал и его. Я обращался с вопросами о том, где он может быть, к его соседям, но те воинственно рассматривали меня и не удостоили даже словом. Я уехал, но вновь вернулся к его дому к вечеру, впрочем, без особых надежд. На самом деле я уже собирался домой, в Лос-Анджелес. К моему удивлению, Лукас Коронадо не только оказался дома, но и вел себя вполне дружелюбно. Он откровенно одобрил то, что я приехал без «этой занозы в заднице» Хорхе Кампоса, и пожаловался, что Хорхе Кампос, которого он называл изменником племени яки, получает удовольствие, когда использует своих соплеменников.

Я вручил Лукасу Коронадо подарки, привезенные специально для него, и купил у него три маски, посох с изысканной резьбой и пару ножных браслетов-погремушек, сделанных из коконов каких-то пустынных насекомых, – индейцы яки используют эти браслеты в своих традиционных танцах. Затем я пригласил его поужинать в Гуаймас.

Я виделся с ним ежедневно в течение тех пяти дней, что провел в тех краях, и он обеспечил меня нескончаемым потоком информации о племени яки, их истории и общественной организации, а также о значении и характере их праздников. Эти полевые исследования доставляли мне такое удовольствие, что мне даже не хотелось спрашивать, известно ли ему что-то о старом шамане. Преодолевая это нежелание, я все же спросил Лукаса Коронадо, знаком ли он с тем стариком, который, по уверениям Хорхе Кампоса, был выдающимся шаманом. Казалось, мой вопрос поставил Лукаса в тупик. Он заверил меня, что, насколько ему известно, в этой части страны никогда не существовало подобного человека, а Хорхе Кампос – просто мошенник, пытавшийся выманить у меня деньги.

То, что Лукас Коронадо отрицает существование этого старика, стало для меня неожиданным и ужасным ударом. В этот миг я с полной очевидностью понял, что полевые изыскания

[6] Уведомление об увольнении *(амер.)*.

меня ничуть не заботят. Единственным, что меня волновало, на самом деле были поиски этого старика. Я понял, что встреча со старым шаманом действительно была неким переломным моментом, никак не связанным с моими желаниями, стремлениями и даже мыслями, относящимися к антропологии.

Теперь мне еще сильнее хотелось узнать, кем, черт возьми, был тот старик. Совершенно не владея собой, я начал громко вопить от досады и топать ногами по полу. Лукас Коронадо был совершенно изумлен моим поведением. Он удивленно уставился на меня, а затем рассмеялся. Я не имел никакого представления о том, над чем он смеется, и извинился за свою вспышку гнева и огорчения, хотя не мог объяснить ему причины своего расстройства. Судя по всему, Лукас Коронадо понял мое затруднительное положение.

– В этих местах такое случается, – сказал он.

Я не понимал, что он имеет в виду, но не хотел просить объяснений. Я был смертельно напуган той легкостью, с какой он отнесся к этому оскорблению. Характерной чертой индейцев яки является их обидчивость. Кажется, что они всегда так и выискивают обиду, которая оказалась настолько тонкой, что ее не заметили.

– В окрестных горах обитают магические существа, – продолжал он, – и они способны влиять на людей. Они заставляют людей сходить с ума. Под их влиянием люди начинают шуметь и нести всякую чушь, но, когда наконец утихают от истощения, никак не могут взять в толк, почему они вели себя так.

– Думаете, со мной произошло что-то подобное? – спросил я.

– Наверняка, – с полной убежденностью ответил он. – Я уже подозревал в тебе предрасположенность сходить с ума по пустячному поводу, но ты всегда вел себя сдержанно. Сегодня ты не был сдержан. Ты разъярился из-за чепухи.

– Это не чепуха, – возразил я. – До сих пор я не понимал этого, но основной побудительной причиной всех моих поисков стал этот старик.

Лукас Коронадо помолчал, словно погрузился в глубокие раздумья, а затем принялся ходить взад-вперед.

– Может быть, вы знаете похожего старика не из этих мест? – спросил я.

Он не понял моего вопроса. Мне пришлось объяснить, что, возможно, тот старый индеец похож на Хорхе Кампоса – то есть это индеец яки, который не живет на землях своего племени. Лукас Коронадо объяснил, что фамилия Матус вполне обычна для этих мест, но он не знает ни одного Матуса по имени Хуан. Затем его будто осенило, и он заявил, что, раз этот человек стар, у него может быть и другое имя и что он мог представиться вымышленным, а не настоящим именем.

– Единственный известный мне старик – отец Игнасио Флореса, – продолжал он. – Он время от времени навещает сына, но приезжает из Мехико. Подумать только, он – отец Игнасио, но ведь он не такой старый. И все же он старый, потому что Игнасио старый. Хотя его отец выглядит моложе.

Он от всей души рассмеялся. Очевидно, он никогда раньше не задумывался о моложавом виде того старика. Лукас продолжал качать головой, словно не веря в свое открытие. Я, напротив, испытал новый прилив надежды.

– Это он! – завопил я, сам не понимая, почему так уверен в этом.

Лукас Коронадо не знал, где именно живет Игнасио Флорес, но оказался настолько любезен, что поехал вместе со мной в ближайший городок племени яки и все выяснил.

Игнасио Флорес оказался крупным и дородным мужчиной, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Лукас Коронадо предупредил меня, что в молодости этот здоровяк был солдатом и до сих пор сохранил повадки военного. У Игнасио Флореса были огромные усы – в сочетании с его свирепым взглядом он показался мне настоящим олицетворением жестокого вояки. Кожа у него была смуглая, а волосы, несмотря на возраст, – блестящие и черные. Силь-

ный и резкий голос, казалось, был предназначен только для того, чтобы отдавать приказы. Я предположил, что он был кавалеристом, – он ходил так, словно на ногах у него по-прежнему болтались шпоры, и по какой-то странной, непостижимой причине я даже слышал звон шпор, наблюдая за его шагами.

Лукас Коронадо представил меня и сказал, что я приехал из Аризоны, чтобы повидаться с его отцом, с которым познакомился в Ногалесе. Казалось, Игнасио Флорес совсем не удивился.

– О да, – ответил он. – Мой отец много путешествует. – Без каких-либо дальнейших вступлений он сразу рассказал нам, где мы можем найти его отца. Сам он с нами не пошел – думаю, из вежливости. Он извинился и вошел в дом строевым шагом, словно участвовал в параде.

Я настроился отправиться к дому старика вместе с Лукасом Коронадо, но он вежливо отклонил мое предложение и попросил отвезти его домой.

– Я надеюсь, ты нашел того, кого искал, и считаю, что тебе следует пойти к нему без сопровождающих, – сказал он.

Я был восхищен тем, насколько деликатны эти индейцы яки, хотя это не мешает им быть столь свирепыми. Мне рассказывали, что яки – дикари, не испытывающие ни малейших колебаний при необходимости убивать, однако, что касается моих личных наблюдений, их самыми примечательными чертами были вежливость и рассудительность.

Я подъехал к дому отца Игнасио Флореса и действительно нашел там человека, которого искал.

– Интересно, почему Хорхе Кампос солгал, сказав, что знаком с тобой? – задумался я в конце своего рассказа.

– Он не лгал тебе, – ответил дон Хуан с уверенностью человека, который смотрит на поведение таких, как Хорхе Кампос, сквозь пальцы. – Он даже не пытался представить в ложном свете самого себя. Он рассматривал тебя как легкую добычу и хотел перехитрить. Впрочем, ему не удалось осуществить этот план, так как *бесконечность* оказалась сильнее. Тебе известно, что он исчез вскоре после того, как повстречался с тобой, и его никогда больше не видели?

– Во всей этой истории наиболее важной фигурой был для тебя именно Хорхе Кампос, – продолжал он. – В определенном отношении он является копией тебя самого. В том, что произошло между вами, ты можешь увидеть кальку твоей собственной жизни.

– Почему? Я ведь не мошенник! – возразил я.

Он рассмеялся, будто знал нечто, мне не известное.

В следующее мгновение, насколько я помню, я оказался в разгаре внутреннего конфликта. С одной стороны, я горячо и пространно принялся объяснять самому себе подлинные мотивы своих действий, представлений и ожиданий. С другой – какая-то странная мысль заставила меня с той же силой, с какой я оправдывал себя, ясно увидеть, что при определенном стечении обстоятельств я мог бы стать точно таким же, как Хорхе Кампос. Вначале я счел эту мысль недопустимой и направил всю свою энергию на то, чтобы опровергнуть ее, но где-то в глубине души мне совсем не хотелось оправдываться в том, что я могу быть похожим на Хорхе Кампоса, – я знал, что это правда.

Когда я поделился своей проблемой с доном Хуаном, он так расхохотался, что несколько раз закашлялся.

– На твоем месте, – заметил он, все еще смеясь, – я бы прислушался к своему внутреннему голосу. Остается понять, что изменилось бы, окажись ты таким же, как Хорхе Кампос, то есть мошенником? Он был дешевым мошенником, а ты стал бы более искусным. В этом вся разница между вами.

Так действует сила *пересказа*[7]. Вот почему маги его используют. Она заставляет тебя понять в себе то, о существовании чего ты даже не подозревал.

Мне захотелось немедленно уйти, но дон Хуан ясно понимал, что я чувствую.

– Не слушай тот поверхностный голос, что заставляет тебя злиться, – требовательно сказал он. – Вслушайся в глубинный голос, который будет направлять тебя начиная с этого момента, – тот голос, что смеется. Вслушайся в него! И смейся вместе с ним. Смейся! Смейся!

Его слова подействовали на меня как гипнотическое внушение. Против своей воли я начал смеяться. Мне никогда еще не было так весело. Я чувствовал себя свободным, сбросившим маску.

– Пересказывай самому себе историю Хорхе Кампоса – снова и снова, – сказал дон Хуан. – Ты найдешь в ней бесконечное изобилие информации. Каждая подробность – часть карты. Природа бесконечности заключается в том, чтобы помещать карты-проекции прямо перед нами, как только мы пересекаем определенный порог.

Затем он очень долго смотрел на меня: не просто скользил взглядом, а *пристально созерцал* меня. Наконец он произнес:

– Хорхе Кампос никак не мог избежать одного – необходимости свести тебя с тем другим человеком, Лукасом Коронадо, который значит для тебя не меньше, чем сам Хорхе Кампос, а может быть, даже больше.

Пересказывая историю этих двоих, я осознал, что провел с Лукасом Коронадо гораздо больше времени, чем с Хорхе Кампосом, и все же наше общение было не таким насыщенным, поскольку перемежалось продолжительными периодами молчания. По своему характеру Лукас Коронадо был неразговорчивым человеком, и, по какой-то странной причине, когда он умолкал, ему удавалось увлекать меня за собой в то же состояние.

– Лукас Коронадо – обратная сторона твоей карты, – сказал дон Хуан. – Разве ты не находишь странным, что он скульптор, как и ты, что он – сверхчувствительный художник, который, как и ты в свое время, пытался найти покровителя своего искусства? Он искал покровителя так же страстно, как ты искал женщину – ту любительницу искусства, что могла бы способствовать твоему творчеству.

Я вступил в новую пугающую борьбу с самим собой. На этот раз в сражение вступила моя полная убежденность в том, что, хотя я никогда не рассказывал ему об этом периоде своей жизни, все именно так и было – и что я не могу найти ни одного объяснения тому, откуда он узнал об этом. Мне опять захотелось немедленно уйти, но это побуждение вновь было подавлено исходящим из глубины голосом. Не пытаясь уговорить самого себя, я от всей души рассмеялся. Какой-то части меня, пребывающей на глубочайшем уровне, было совершенно все равно, откуда дон Хуан знает об этом. То, в какой деликатной и непринужденной форме он показал, что ему об этом известно, было совершенно очаровательным маневром и никак не влияло на злость и желание уйти, исходившие из моей поверхностной части.

– Очень хорошо, – сказал дон Хуан, энергично похлопывая меня по плечу, – очень хорошо.

В этот миг он казался печальным, словно увидел нечто, недоступное взору обычного человека.

– Хорхе Кампос и Лукас Коронадо представляют собой два конца одной оси, – сказал он. – Эта ось – ты сам. Безжалостный и наглый торгаш, заботящийся только о себе, с одной стороны, и сверхчувствительный, измученный, слабый и уязвимый художник – с другой. Это и могло бы стать картой твоей жизни, если бы не появление еще одной возможности: той, что открылась, когда ты пересек *порог бесконечности.* Ты искал меня – и нашел. Так ты пересек

[7] Recounting *(англ.)*.

этот порог. *Намерение бесконечности* приказало мне найти кого-то вроде тебя. Я нашел тебя – и так я тоже пересек этот порог.

На этом наш разговор закончился. Дон Хуан погрузился в один из свойственных ему периодов полного безмолвия. Он заговорил только в конце дня, когда мы вернулись домой и присели под тенью рамады, наслаждаясь прохладой после долгой прогулки.

– В твоем *пересказывании* того, что произошло между тобой, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, я – надеюсь, ты тоже – обнаружил один очень тревожный момент, – начал дон Хуан. – Я считаю, что это – знак. Он указывает на окончание эпохи; это означает, что ничто уже не может оставаться прежним. Тебя привели ко мне весьма непрочные элементы. Ни один из них не мог существовать сам по себе. Именно это из твоего *пересказа* извлек я.

Я вспомнил, как однажды дон Хуан сообщил мне, что Лукас Коронадо смертельно болен. Его медленно пожирала какая-то неизлечимая болезнь.

– Через своего сына Игнасио я передал ему, что он должен сделать, чтобы выздороветь, – сказал тогда дон Хуан, – но он счел это чушью и даже не захотел выслушать Игнасио. И в этом виноват не Лукас. Весь род человеческий ничего не желает слышать. Люди слушают только то, что хотят услышать.

Я вспомнил, что тогда приставал к дону Хуану с просьбами рассказать, что можно передать Лукасу Коронадо, чтобы помочь ему ослабить физическую боль и душевные страдания. Дон Хуан не только изложил мне, что следует сказать Лукасу, но и продолжал утверждать, что он может легко выздороветь. И все же, когда я пришел к Лукасу Коронадо с советом дона Хуана, тот посмотрел на меня так, будто я сошел с ума. Затем он начал разыгрывать замечательный – но, будь я индейцем яки, совершенно оскорбительный – образ человека, который до смерти устал от всяких непрошеных и надоедливых советчиков. Я решил, что на столь утонченное хамство способен только индеец яки.

– Это мне не поможет, – вызывающе заявил он в конце, раздраженный отсутствием у меня какой-либо чувствительности. – Да это и не важно. Все мы когда-нибудь умрем. Но неужели ты осмелился подумать, будто я потерял всякую надежду? Я собираюсь занять денег в государственном банке. Я возьму их в залог будущего урожая, и тогда мне хватит денег, чтобы купить кое-что, что непременно меня вылечит. Это называется «Ви-та-ми-нол».

– Что такое «Витаминол»? – спросил я.

– Его рекламировали по радио, – с детским простодушием сообщил он. – Это средство лечит все. Его рекомендуют тем, кому не каждый день доводится есть мясо, рыбу или птицу. Его рекомендуют таким, как я, у кого душа в теле едва держится.

В своем стремлении помочь Лукасу я тут же совершил крупнейшую ошибку, какую только можно допустить в обществе столь чрезмерно чувствительных созданий, как индейцы яки, – я предложил ему деньги на покупку «Витаминола». Признаком того, насколько глубоко я его ранил, стал его холодный пристальный взгляд. Моя тупость была непростительной. Лукас Коронадо очень мягко ответил, что сам в состоянии купить себе «Витаминол».

Я вернулся к дому дона Хуана. Мне хотелось плакать. Мое рвение предало меня.

– Не растрачивай энергию на беспокойство о подобных вещах, – спокойно посоветовал дон Хуан. – Лукас Коронадо замкнулся в порочном круге. И ты тоже. Все мы. У него есть «Витаминол», который, по его мнению, является лекарством от всех болезней и решает все проблемы человечества. Сейчас он не может купить его, но страстно надеется, что когда-нибудь сможет.

Дон Хуан уставился на меня своим пронзительным взглядом.

– Я ведь говорил тебе, что действия Лукаса Коронадо – карта твоей жизни, – сказал он. – Поверь мне, это так. Лукас Коронадо обратил твое внимание на «Витаминол» и сделал это так мощно и болезненно, что причинил тебе страдания и заставил разрыдаться.

Дон Хуан замолчал. Это была продолжительная и невероятно действенная пауза.

– И не говори мне, что не понимаешь, что я имею в виду, – добавил он. – Так или иначе, у каждого из нас есть свой «витаминол».

Глава 3. Кем же на самом деле был дон Хуан Матус?

Часть моего отчета о встрече с доном Хуаном, которую он не захотел выслушать, касалась моих чувств и впечатлений в тот судьбоносный день, когда я вошел в его дом; она связана с противоречивым столкновением между моими ожиданиями и реальной ситуацией, а также с ощущениями, возникшими у меня под влиянием самых экстравагантных идей, какие мне только доводилось слышать.

– Это скорее исповедь, чем описание событий, – сказал мне дон Хуан, когда я попытался рассказать ему об этом.

– Ты не можешь ошибаться больше, дон Хуан, – начал я, но остановился.

Что-то особенное в его взгляде заставило меня понять, что он прав. Что бы я ни собирался сказать, это стало бы лишь пустыми словами, болтовней. Однако для меня то, что произошло во время нашей первой настоящей встречи, имело невероятную важность и было событием первостепенной значимости.

Во время первой встречи с доном Хуаном на автобусной остановке в Ногалесе, штат Аризона, со мной произошло нечто необычайное, хотя моя озабоченность тем, как лучше преподнести себя, исказила восприятие этого события. Мне хотелось произвести впечатление на дона Хуана, и в попытках добиться этого я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы, так сказать, показать товар лицом. Осознание странных ощущений, о которых я говорю, начало проявляться лишь несколько месяцев спустя.

Однажды, без всяких на то оснований, без моего желания и какого-либо напряжения, я с необычайной ясностью вспомнил то, что полностью ускользнуло от моего внимания в момент знакомства с доном Хуаном. Когда дон Хуан воспрепятствовал моей попытке назвать свое имя, он посмотрел мне прямо в глаза, и этот взгляд вызвал у меня онемение. Я мог бы рассказать ему о себе бесконечно больше, я мог бы часами расхваливать свои знания и достоинства, но его взгляд словно сковал меня.

В свете этого нового понимания я опять и опять обдумывал все, что случилось со мной во время той встречи, и неизбежно приходил к выводу, что испытал временную остановку какого-то таинственного потока, поддерживающего мою жизнь, – потока, который никогда прежде не останавливался, по крайней мере так, как заставил меня ощутить дон Хуан. Когда я пытался описать кому-либо из своих друзей свои физические ощущения в тот момент, все мое тело покрывалось странной испариной – как в тот раз, когда дон Хуан посмотрел на меня этим особым взглядом. Тогда я не просто не мог вымолвить ни единого слова – у меня вообще исчезли все мысли.

Потом в течение довольно долгого периода я часто размышлял о физическом ощущении этой временной остановки, но не мог найти никакого рационального объяснения. Сначала я убеждал себя, что дон Хуан, должно быть, загипнотизировал меня, но затем память подсказала мне, что он не отдавал никаких гипнотических приказов и не делал каких-либо жестов, которые могли бы поглотить все мое внимание. Фактически, он просто взглянул на меня. Этот взгляд был таким… насыщенным, что мне показалось, будто он смотрел на меня очень долго. Он овладел моим существом и вызвал некое смятение, проникшее на глубочайший физический уровень.

Когда дон Хуан наконец вновь оказался прямо передо мной, я прежде всего заметил, что он выглядит совсем не таким, как я воображал его во время своих поисков. У меня сложился определенный образ того человека, которого я встретил на автобусной остановке, и я ежедневно оттачивал его, считая при этом, что вспоминаю о нем все больше подробностей. В моих мыслях он был старым, хотя очень сильным и подвижным человеком, и все же в нем была какая-то хрупкость. Мне казалось, что у него короткие седые волосы и очень смуглая кожа.

Стоявший передо мной сейчас человек был мускулистым и решительным. Он двигался легко и быстро, но без суеты. Шаг его был твердым и в то же время легким. В нем чувствовалась жизненная сила и воля. Составленный мной портрет совершенно расходился с реальностью. Волосы оказались довольно длинными и не такими седыми, как я воображал; кожа была не слишком смуглой. Я мог бы поклясться, что черты его лица походят на птичьи, как это бывает в старости, однако в этом я тоже ошибся: его лицо было довольно полным, почти круглым. Самой же примечательной чертой стоящего передо мной человека были его темные глаза, сияющие особым, пляшущим светом.

Кое-что в моей прежней оценке его внешности оказалось полностью упущено – у него было телосложение атлета: широкие плечи, плоский живот, ноги твердо стоят на земле. Не было ни слабости в коленях, ни дрожания рук, хотя я воображал, что при первой встрече мне удалось заметить легкий трепет головы и ладоней, словно он нервничал и пошатывался. Кроме того, я представлял, что его рост составляет пять футов шесть дюймов – что оказалось дюйма на три меньше реального.

Казалось, дон Хуан совсем не удивился, увидев меня. Я хотел рассказать ему, как трудно было его найти. Я надеялся, что он поблагодарит меня за эти титанические усилия, но он просто насмешливо улыбнулся.

– Важны не твои усилия, – сказал он. – Важно то, что ты нашел мой дом. Присаживайся, присаживайся. – Он указал на один из деревянных ящиков под навесом рамады и похлопал меня по спине. Но это не было дружеским похлопыванием.

Я ощутил это как шлепок по спине, хотя на самом деле дон Хуан даже не притронулся ко мне. Этот кажущийся шлепок вызвал у меня странное неустойчивое ощущение, проявившееся очень явно, но исчезнувшее, прежде чем я смог понять, что произошло. После этого меня охватило необычайное спокойствие. Я чувствовал себя очень непринужденно. Разум был кристально чист. У меня не было ни ожиданий, ни желаний. Привычная нервозность и потливость рук – спутники всей моей жизни – внезапно исчезли.

– Теперь ты поймешь все, что я собираюсь сказать тебе, – сказал дон Хуан, глядя мне в глаза так, как делал это на автобусной остановке.

В обычном состоянии я счел бы такое заявление ничего не значащим, почти риторическим, но сейчас, когда он произнес эти слова, я был готов непрерывно и совершенно искренне заверять его, что действительно пойму все, что он скажет. Он вновь с невероятной энергией посмотрел мне в глаза.

– Я – Хуан Матус, – сказал он, усаживаясь лицом ко мне на другой ящик в нескольких футах от меня. – Это мое имя, и я произношу его, потому что с его помощью я устанавливаю тот мост, по которому ты сможешь перейти ко мне.

Прежде чем продолжить, он какое-то мгновение всматривался в меня.

– Я – маг, – сказал он. – Я отношусь к линии магов, существующей уже двадцать семь поколений. Я – *Нагваль* своего поколения.

Он объяснил мне, что таких, как он, предводителей партии магов называют «Нагвалями»; это общее понятие, применимое к любому магу, который обладает определенными особенностями энергетической структуры, отличающими его от других магов любого поколения. Это не означает ни превосходства, ни неполноценности – отличие сводится к способности нести ответственность.

– Только Нагваль, – сказал он, – обладает энергетической способностью нести ответственность за судьбу своих отрядов[8]. Каждая его группа знает и принимает это. Нагвалем может быть и мужчина, и женщина. Во времена тех магов, которые были основателями моей линии, Нагвалями, как правило, были женщины. Их естественный прагматизм – результат того, что

[8] Здесь: «*cohorts*». В предыдущих книгах К. Кастанеды использовалось слово «*party*». – *Прим. ред.*

они женщины, – завел мою линию в ловушку практичности, из которой она едва выскользнула. Затем верх взяли мужчины, и они завели мою линию в ловушку глупости, из которой мы и пытаемся сейчас выбраться.

– Со времен нагваля Лухана, который жил около двухсот лет назад, – продолжал он, – возникла объединенная связь усилий мужчин и женщин. Нагваль-мужчина приносит *трезвость*, а Нагваль-женщина – новшества.

В этот момент я хотел спросить его, существует ли в его жизни Нагваль-женщина, но глубина сосредоточенности помешала мне сформулировать этот вопрос. Дон Хуан сам выразил его словами.

– Есть ли в моей жизни Нагваль-женщина? – спросил он. – Нет, ни одной. Я – одинокий маг, хотя у меня есть мой отряд. В данный момент все они далеко отсюда.

В моем разуме с неудержимой силой всплыла одна мысль. В этот миг я вспомнил, как некоторые люди в Юме говорили, что видели дона Хуана с группой мексиканцев, которые выглядели весьма искушенными в магических действиях.

– Быть магом, – продолжал дон Хуан, – не означает заниматься колдовством, воздействовать на людей или насылать на них демонов. Это означает достижение того уровня осознания, который делает доступным непостижимое. Понятие *«магия»* не вполне точно отражает то, чем занимаются маги, – как, впрочем, и понятие *«шаманизм»*[9]. Действия магов связаны исключительно с миром *абстрактного*, безличного. Маги сражаются за достижение цели, не имеющей ничего общего с желаниями обычного человека. Маг стремится достичь *бесконечности* и при этом оставаться в полном осознании.

Дон Хуан отметил, что задача магов заключается в том, чтобы столкнуться лицом к лицу с бесконечностью, и что они ежедневно погружаются в нее, как рыбак отправляется в море. Эта задача настолько трудна, что воины должны объявить свои имена, прежде чем рискнут проникнуть в бесконечность. Он напомнил мне, что в Ногалесе он объявлял свое имя перед каждой своей фразой. Так он утверждал свою индивидуальность перед лицом бесконечности.

Я понимал его слова с невероятной ясностью. Мне не нужно было просить у него разъяснений. Такая острота мышления должна была ошеломить меня, но этого не происходило. Я знал, что мой разум всегда был таким кристально чистым и просто разыгрывал тупицу ради кого-то другого.

– Хотя ты сам не догадывался об этом, – продолжил дон Хуан, – я отправил тебя в традиционный поиск. Ты – тот человек, которого я искал. Мой поиск закончился, когда я нашел тебя, а твой – теперь, когда ты нашел меня.

Дон Хуан объяснил мне, что, как Нагваль своего поколения магов, он искал человека, обладающего особой энергетической структурой и способного обеспечить продолжение его линии. Он сказал, что в определенный момент каждый Нагваль всех двадцати семи поколений приступал к самому серьезному испытанию для его нервов – к поискам преемника.

Глядя мне прямо в глаза, он заявил, что человеческие существа становятся магами благодаря способности непосредственно воспринимать текущую во Вселенной энергию и что, когда маги смотрят на человека, они *видят* светящийся шар, светящуюся фигуру в форме яйца. Он утверждал, что человеческие существа не просто способны непосредственно *видеть* текущую во Вселенной энергию – на самом деле они всегда *видят* ее, но умышленно не осознают это *видение*.

Вслед за этим он описал самое важное для магов отличие – разницу между общим состоянием сознания и особым состоянием намереваемого осознавания чего-либо. Он сказал, что все люди обладают общим сознанием, которое позволяет им непосредственно *видеть* энергию, но маги – единственные человеческие существа, способные по собственной воле осо-

[9] В предыдущих девяти книгах Кастанеды ни разу не встречались слова «шаман» и «шаманизм».

знавать это непосредственное *видение*. Затем он определил *осознание* как энергию, а энергию – как непрерывный поток, светящиеся колебания, которые никогда не пребывают в покое и неизменно двигаются по собственной воле. Он утверждал, что во время *видения* человеческое существо воспринимается как конгломерат энергетических полей, удерживаемых вместе самой таинственной силой во Вселенной – это связующая, склеивающая, вибрирующая сила, делающая энергетические поля сонастроенным единством. Затем он объяснил, что Нагваль – это особый маг каждого поколения, которого другие маги *видят* не как один светящийся шар, а как две сливающиеся сферы светимости, расположенные одна над другой.

– Эта сдвоенность, – продолжал он, – позволяет Нагвалю совершать действия, достаточно затруднительные для обычного мага. К примеру, Нагваль является знатоком той силы, что держит нас как сонастроенное единство. Нагваль способен на мгновение расслабиться, за какую-то долю секунды полностью перенести свое внимание на эту силу и заставить другого человека онеметь. Я сделал это с тобой на автобусной остановке, потому что хотел, чтобы ты прорвал свою дамбу из *«я, я, я, я, я…»*. Я хотел, чтобы ты нашел меня и прервал это дерьмо.

– Маги моей линии придерживались мнения, – продолжал дон Хуан, – что присутствия сдвоенного существа, Нагваля, вполне достаточно, чтобы прояснить для нас все. Однако странность заключается в том, что присутствие Нагваля проясняет трудности весьма замаскированным образом. Со мной это случилось, когда я встретился с Нагвалем Хулианом, своим учителем. Его присутствие долгие годы приводило меня в замешательство, потому что каждый раз, оказываясь рядом с ним, я мыслил совершенно ясно, но, как только он уходил, я становился таким же идиотом, как всегда.

– Я был удостоен одной редкостной привилегии, – сказал дон Хуан. – На самом деле я имел дело с двумя Нагвалями. По просьбе Нагваля Элиаса, учителя Нагваля Хулиана, я в течение шести лет жил рядом с ним. Можно сказать, что именно Нагваль Элиас вырастил меня. Это была редкая удача. Я мог со стороны увидеть, чем в действительности является Нагваль. Нагваль Элиас и Нагваль Хулиан обладали совершенно разными характерами. Нагваль Элиас был более спокойным, погруженным во тьму своего безмолвия. Нагваль Хулиан был хвастливым любителем поговорить. Казалось, он живет лишь для того, чтобы покорять женщин. Женщин в его жизни было больше, чем можно себе представить. И все же оба Нагваля были поразительно похожи друг на друга, так как у обоих не было ничего внутри. Они были пусты. Нагваль Элиас представлял набор удивительных, притягательных рассказов о неведомых местах. Нагваль Хулиан был набором историй, которые расшевелили бы любого и заставили бы его корчиться от смеха. Но когда бы я ни попытался выявить в них человека, реального человека – найти его так, как я мог бы увидеть человека в своем отце, во всех остальных, кого я знал, – я не мог обнаружить ничего. Вместо реального человека в них был только пакет историй о неизвестных людях. У обоих этих Нагвалей были свои склонности, однако конечный результат всегда оказывался одним и тем же: пустота, – пустота, в которой отражался не мир, а *бесконечность*.

Дон Хуан принялся объяснять, что начиная с того момента, когда человек пересекает особый *порог бесконечности* – по собственной воле или невольно, как это случилось со мной, – все, что происходит с ним, уже не относится исключительно к его собственному миру, но связано со сферой *бесконечности.*

– Встретившись в Аризоне, мы оба пересекли особый порог, – продолжил он. – Этот порог отмечался не одним из нас, а самой *бесконечностью. Бесконечность* – это все, что нас окружает. – Он произнес это и широко развел руки, словно охватывая все вокруг. – Маги моей линии называют это *бесконечностью, духом, темным морем осознания* и говорят, что это нечто, которое существует где-то там и управляет нашими жизнями.

Я совершенно точно понимал все, что он говорит, но одновременно никак не мог взять в толк, что за чертовщину он несет. Я спросил, было ли пересечение порога случайным собы-

тием, вызванным непредсказуемыми обстоятельствами, волей случая. Он ответил, что и его, и мои шаги направлялись *бесконечностью*, а те обстоятельства, которые казались случайными, на самом деле подчинялись *активной стороне бесконечности*. Он назвал ее намерением.

– То, что свело нас вместе, – продолжал он, – было *намерением бесконечности*. Невозможно объяснить, что такое *намерение бесконечности*, и все же оно здесь, такое же осязаемое, как ты и я. Маги называют это *дрожанием воздуха*. Преимущество магов заключается в том, что им известно о существовании *дрожания воздуха* и они уступают ему без каких-либо колебаний. Для магов оно является чем-то, не допускающим ни обдумывания, ни удивления, ни предположений. Они знают, что у них есть единственная возможность – слиться с *намерением бесконечности*. И они просто делают это.

Ничто не могло быть тогда для меня более ясным, чем эти слова. Для меня истинность его слов совершенно не требовала доказательств, мне просто в голову не приходило размышлять о том, как такие бессмысленные утверждения могут звучать настолько рационально. Я понимал, что все, что сказал дон Хуан, – не просто банальные истины; я мог подтвердить это самим своим существом. Я *знал* все то, о чем он говорил. У меня возникло ощущение, что я уже переживал каждую подробность того, что он описывал.

На этом все закончилось. Казалось, что-то во мне спустило, как проколотый шарик. Именно в этот миг мне в голову пришла мысль о том, что я теряю рассудок. Я был ослеплен этими дикими заявлениями и потерял какое-либо чувство объективности. И я в спешке покинул дом дона Хуана, до глубины души испуганный неким незримым врагом. Дон Хуан проводил меня до машины. Он прекрасно понимал, что со мной творится.

– Не волнуйся, – сказал он, опуская руку мне на плечо. – Ты не сходишь с ума. То, что ты чувствовал, – просто легкий *толчок бесконечности*.

Со временем я смог найти подтверждения того, что дон Хуан рассказывал о своих учителях. Сам дон Хуан Матус был именно таким, какими он описывал мне их. Я могу позволить себе утверждать даже нечто большее: он был каким-то невероятным слиянием их обоих – чрезвычайно спокойным и погруженным в себя, но, с другой стороны, очень открытым и веселым. Самым точным из прозвучавших в тот день описаний того, что представляет собой Нагваль, было его утверждение, что Нагваль пуст и эта пустота отражает не мир, а *бесконечность*.

В отношении дона Хуана Матуса нельзя придумать более справедливых слов. Его пустота отражала *бесконечность*. Я никогда не видел его неистовым и не слышал от него каких-либо утверждений в отношении самого себя. В нем не было ни малейшей склонности обижаться или сожалеть о чем-либо. Его пустота была пустотой *воина-странника*, доведенной до такого уровня, что он ничто не считал само собой разумеющимся. Это был *воин-странник*, который ничего не недооценивает и не переоценивает. Это был спокойный, дисциплинированный боец, обладающий настолько идеальным изяществом, что ни один человек, как бы внимательно он ни приглядывался, не смог бы обнаружить тот шов, где сходились воедино все запутанные черты дона Хуана.

Часть II. Конец эпохи

Глава 4. Серьезные заботы повседневной жизни

Я приехал в Сонору, чтобы повидать дона Хуана. Мне необходимо было обсудить с ним самое серьезное событие моей жизни. Добравшись до его дома, я, едва поздоровавшись, уселся и приготовился излить свое беспокойство.

– Спокойней, спокойней, – сказал дон Хуан. – Не из-за чего так волноваться.

– Что со мной происходит, дон Хуан? – спросил я.

Вопрос был риторический, но дон Хуан ответил.

– Это действие *бесконечности*, – сказал он. – В тот день, когда ты встретил меня, с твоим способом восприятия кое-что произошло. Твое ощущение нервозности – следствие подсознательного понимания, что твое время истекает. Ты уже знаешь это, но еще не осознаешь. Ты ощущаешь нехватку времени, и от этого ты нетерпелив. Я это знаю, ибо то же происходило когда-то и со мной, и со всеми магами моей линии. Приходила к концу целая эпоха в моей жизни, и в их жизнях тоже. Теперь твоя очередь. Просто твое время истекает.

Затем он потребовал полного отчета обо всем, что со мной произошло. Он сказал, что это должен быть полный отчет, не упускающий ни малейших подробностей. Беглое описание его не устраивало. Он хотел, чтобы я огласил полный список всего, что меня беспокоит.

– Давай поговорим об этом, как говорят в твоем мире, «официально», – сказал он. – Давай войдем в сферу *формального разговора*.

Дон Хуан объяснил, что шаманы Древней Мексики выработали идею *формальной* беседы в отличие от *неформальной*, и оба вида разговора использовали как средство обучения и воспитания учеников. *Формальные беседы* были периодическим обобщением всего, чему шаманы обучали своих учеников, и всего, что они говорили им. *Неформальные* разговоры были ежедневными собеседованиями, в ходе которых подробно обсуждались конкретные вопросы без привязки к чему-то еще.

– Маги ничего не держат при себе, – продолжал дон Хуан. – Маневр магов заключается в том, чтобы таким образом делать себя пустым. Это ведет их к сдаче крепости своего «я».

Я начал свой рассказ с попытки объяснить, что обстоятельства моей жизни никогда не позволяли мне заниматься интроспекцией, то есть вглядываться внутрь себя. Сколько себя помню, моя повседневная жизнь всегда была до краев заполнена прагматическими проблемами, которые требовали немедленного решения. Помню, мой любимый дядюшка рассказал мне, как ему стало не по себе, когда он выяснил, что я никогда не получал подарков на Рождество или на день рождения. Я оказался в семье моего отца незадолго до того, как дядя завел этот разговор. Он посочувствовал мне и даже извинился за такую несправедливость по отношению ко мне, хотя он-то здесь был совершенно ни при чем.

«Это ужасно, мой мальчик, – говорил он, содрогаясь от избытка чувств. – Знай, что я буду на сто процентов на твоей стороне, когда наступит момент воздаяния за все обиды».

Он настаивал, чтобы я все простил тем людям, которые плохо со мной обращаются. У меня сложилось впечатление, что дядя хотел настроить меня против отца. Он затронул эту тему специально, чтобы я обвинил отца в бездушности и невнимательности. Но он не заметил, что я вовсе не чувствовал себя обиженным. Чтобы сделать то, чего он хотел от меня, я должен был стать интроспективным и чувствовать направленные на меня психологические шипы. Я пообещал дяде, что подумаю обо всем этом, но как-нибудь потом, – в тот самый момент моя подружка, ожидавшая меня в гостиной, подавала мне отчаянные знаки поторопиться.

Мне так никогда и не пришлось задуматься над этим, но дядя, должно быть, поговорил с отцом, потому что вскоре я получил от того подарок – перевязанный лентами аккуратный сверток с вложенной под ленту маленькой карточкой, на которой было написано одно слово: «Извини». Сгорая от любопытства, я снял обертку. В коробке была замечательная игрушка – заводной пароходик с трубой, который можно было запускать в ванне во время купания. Отец совершенно упустил из виду, что мне исполнилось пятнадцать лет и я был уже во всех отношениях мужчиной.

Поскольку, даже став взрослым, я все еще не был способен к серьезной интроспекции, однажды меня застигло врасплох странное болезненное эмоциональное возбуждение, которое со временем лишь усиливалось. Я пытался не обращать на это чувство внимания, относя его к естественным телесным и ментальным процессам, которые начинаются периодически, без какой-либо видимой причины, – возможно, они имеют биохимическую природу. Лучше было об этом не думать. Но возбуждение усиливалось и заставляло меня предположить, что в моей жизни наступило время резких перемен. Что-то во мне требовало перестройки всего моего жизненного уклада. Это стремление к полной перестройке было мне уже знакомо. В прошлом ко мне уже приходило это чувство, но очень долгое время оно дремало где-то внутри.

Я был фанатиком антропологии, и эта преданность была так сильна, что отказ от карьеры антрополога никогда не входил в мои планы радикальных перемен. Вот и теперь мне не могло прийти в голову совсем бросить университет. Однако я подумывал, что неплохо было бы сменить университет и переехать куда-нибудь в другое место, подальше от Лос-Анджелеса.

Прежде чем решиться на перемены такого масштаба, я решил сделать, так сказать, пробную попытку. Я записался на летний семестр в университете другого города. Самым важным для меня был курс антропологии, который читал один выдающийся специалист по индейцам региона, куда входили Анды. Я считал, что если я сосредоточусь на теме, которая меня эмоционально привлекает, то, когда придет время, смогу серьезнее заниматься полевой работой. Кроме того, я полагал, что мое знание Южной Америки поможет мне быть принятым в любом тамошнем индейском сообществе.

Записавшись на курсы, я одновременно получил работу. Мне предстояло стать ассистентом-исследователем при психиатре, старшем брате одного из моих друзей. Он хотел провести анализ кассет с записями опросов молодых мужчин и женщин, у которых были проблемы, связанные с учебной перегрузкой, неудовлетворенными ожиданиями, непониманием в семье, любовными неудачами и т. п. По истечении пятилетнего срока хранения такие кассеты подлежат уничтожению, но перед этим каждой записи присваивается произвольный номер, а затем психиатр и его ассистент, пользуясь таблицей случайных чисел, прослушивают отдельные записи и выбирают интересные фрагменты, которые можно анализировать.

В первый день занятий в новом университете профессор антропологии рассказывал о своих академических заслугах; он поразил студентов масштабом своих знаний и количеством публикаций. Это был высокий, стройный мужчина лет сорока пяти, с живыми голубыми глазами. Глаза поразили меня в его внешности больше всего: за толстыми стеклами очков они выглядели просто огромными. Когда профессор поворачивал голову, казалось, что его глаза вращаются во взаимно противоположных направлениях. Я знал, что такое невозможно, но этот оптический обман производил неприятное ощущение. Для антрополога профессор был очень хорошо одет. В те времена антропологи славились своей невнимательностью к одежде. Профессоров археологии студенты, например, высмеивали как людей, с головой погрузившихся в радиоуглеродную датировку, но забывших о необходимости хотя бы иногда погружаться в ванну.

Так или иначе, в этом профессоре интереснее всего была не его внешность, не его эрудиция, но его манера говорить. Он произносил каждое слово очень четко, а некоторые слова выделял, растягивая. Иногда, увлекаясь, он придавал своей речи совсем уж странные интона-

ции. Некоторые фразы он произносил как англичанин, а другие – как проповедник-ривайвелист[10].

Он понравился мне с самого начала, несмотря на излишнюю нарочитость. Его чувство собственной важности было так огромно, что воспринималось как должное уже через пять минут после начала лекции. Профессор обрушивал на нас шквалы информации, не забывая время от времени похвалить себя. Его власть над аудиторией была потрясающей. Студенты все поголовно обожали этого необыкновенного человека. Я решил, что перевод в университет в другом городе будет для меня абсолютно позитивным событием. Мне нравилось мое новое окружение.

На работе я так увлекся записями на пленках, что начал прослушивать не фрагменты, а целые кассеты. Поначалу мне безмерно нравилось то, что в каждой записанной беседе я как бы слышал свои собственные мысли. Но проходили недели, я прослушивал все новые пленки, и постепенно мой восторг превратился в ужас. Каждая произнесенная фраза, в том числе и вопросы психоаналитика, была моей собственной! Все эти люди словно говорили из самых глубин моего существа. Отвращение, которое я испытал, было для меня чем-то новым. Я и не думал, что могу повторяться до бесконечности в каждом человеке, голос которого я слышал на пленке. Это был колоссальный удар по моему чувству собственной неповторимости и индивидуальности, развивавшемуся во мне с самого рождения.

И я начал довольно противный процесс самовосстановления. Это была самая смешная бессознательная попытка интроспекции: я постарался выкарабкаться из затруднительного положения, без конца разговаривая сам с собой. Я раскопал в своем сознании все мыслимые рациональные доводы, которые поддерживали мое чувство собственной уникальности, и стал перечислять их сам себе вслух. Началось нечто совершенно невообразимое для меня: я часто просыпался от того, что разговаривал сам с собою во сне. Эти монологи, насколько я мог заметить, тоже касались моей значимости и непохожести на других.

Затем последовал еще один сокрушительный удар. Среди ночи меня разбудил настойчивый стук в дверь. Стучали не робко и не вежливо – такой стук мои друзья называли «гестаповским». Дверь едва не срывалась с петель. Я выскочил из постели и открыл глазок. В дверь ломился мой босс-психиатр. То, что я был другом его младшего брата, весьма способствовало нашему сближению. Он без колебаний принял меня в свои друзья, и теперь стоял у моей двери. Я включил свет и открыл дверь.

– Заходи, пожалуйста, – сказал я. – Что случилось?

Было три часа ночи; по его мертвенной бледности и запавшим глазам я понял, что он глубоко расстроен. Он вошел и сел. Его краса и гордость, длинная черная грива волос, рассыпалась по лицу. Он и не подумал зачесать волосы назад, как делал всегда. Я очень любил своего начальника, он казался мне более взрослым вариантом моего лос-анджелесского друга – с такими же тяжелыми черными бровями, пронзительными карими глазами, квадратной челюстью и толстыми губами. Его верхняя губа, когда он улыбался, каким-то необычным образом изгибалась и казалась двойной. Он любил поговорить о форме своего носа, которую определял как «дерзкую» и «энергичную». Он был, пожалуй, чрезмерно самоуверен и невероятно мнителен. Но он утверждал, что в его профессии эти качества являются козырными картами.

– Что случилось? – повторил он насмешливо, хотя его двойная верхняя губа подрагивала. – Можно сказать, что сегодня ночью со мной случилось все сразу!

Он сел на стул. Выглядел он совершенно растерянным. Казалось, ему не хватало слов. Он встал, подошел к кушетке и рухнул на нее.

---

[10] Ривайвелизм (*Revivalism (англ.)*) – протестантское религиозно-философское движение. Характеризуется крайней эмоциональностью и экстатичностью. – *Прим. перев.*

– Мало того что я несу ответственность за своих пациентов, – начал он, – а также за свой исследовательский грант, за жену и детей, так теперь еще одно чертово бремя прибавилось ко всему этому. И что меня бесит – так это то, что я сам виноват! Какой же я идиот, что доверился этой глупой суке!

– Я тебе вот что скажу, Карлос, – продолжил он, переведя дух, – нет ничего более ужасного, отвратительного и тошнотворного, чем женская бесчувственность. Я не женоненавистник, ты это знаешь! Но вот сейчас мне кажется, что каждая отдельная п… – это всего лишь п…! Двуличная и мерзкая!

Я не знал, что говорить. Моему боссу сейчас не требовалось ни согласия, ни возражений. Да я и не посмел бы возражать ему. Для этого я был слишком уставшим. Я хотел снова заснуть, но он продолжал говорить, словно от этого разговора зависела вся его жизнь.

– Ты ведь знаешь Терезу Мэннинг, а? – спросил он напористо, с обвинительной интонацией.

На миг мне показалось, что он подозревает меня в каких-то шашнях с его молодой красивой студенткой-секретаршей. Не давая мне ответить, он продолжал свой монолог.

– Тереза Мэннинг – сучка. Она стерва! Глупая, неотесанная женщина, которая в жизни только и знает, что бегать за каждым, кто хоть немного известен и выделяется из толпы. Я-то думал, что она умная и чувствительная. Я думал, что в ней что-то есть: какое-то понимание, какое-то чувство, что-то сокровенное. Не знаю, почему у меня о ней сложилось именно такое мнение, а на самом деле она просто развратная девка, и, могу добавить, неизлечимо тупая.

Я слушал его, и картина начала проясняться. Очевидно, психиатр только что пережил какое-то нехорошее приключение со своей секретаршей.

– С того самого дня, как она пришла работать со мной, – сказал он, – я знал, что привлекаю ее сексуально, но она ни разу не сказала об этом. Одни намеки и взгляды. А, черт! Сегодня днем мне наконец надоело ходить вокруг да около, и я перешел прямо к делу. Подхожу к ее столу и говорю: «Я знаю, чего ты хочешь, а ты знаешь, чего хочу я».

Он очень подробно рассказал, с каким напором он назначил ей свидание в его квартире в полдвенадцатого ночи и как он объяснил ей, что он не меняет свой распорядок дня ни для кого: до часу ночи работает, читает, пьет вино, а потом идет в спальню. Он снимал для себя квартиру рядом с университетом, хотя в пригороде у него был дом, где он жил с женой и детьми.

– Я был уверен, что она придет и у нас получится что-то стоящее, – вздохнул он. Теперь у него был голос человека, который рассказывает об интимном. – Я даже дал ей ключ от моей квартиры, – сказал он скорбно.

– И она пришла очень пунктуально, ровно в 11:30, – продолжил он. – Открыла дверь своим ключом и проскользнула в спальню, как тень. Это меня ужасно возбудило. Я знал, что с ней хлопот не будет. Она знала свою роль. Может, она там спала в постели. А может, смотрела телевизор. Я снова занялся работой, и мне было все равно, какого черта она там делает. Я знал, что она у меня в мешке.

– Но в тот момент, когда я вошел в спальню, – сказал он напряженным, как от сильного оскорбления, голосом, – Тереза набросилась на меня, как животное, и схватила меня за член. Я нес бутылку и два бокала, так она даже не дала мне поставить их куда-нибудь. У меня еще хватило соображения и ловкости поставить мои хрустальные бокалы прямо на пол так, чтобы они не разбились. Ну а бутылка улетела через всю комнату, когда Тереза схватила меня за яйца, как будто они сделаны из камня. Я чуть ее не ударил. Я буквально закричал от боли, а ей хоть бы что. Она только безумно хихикала – решила, что это я демонстрирую свою сексуальность. Так она и сказала, наверное, чтобы подбодрить меня.

Тряся головой в еле сдерживаемом гневе, мой босс сказал, что эта женщина так безудержно хотела и была настолько эгоистична, что абсолютно не принимала во внимание психологию мужчины. Мужчине нужна минутка покоя, ему нужно чувствовать себя легко, ему

нужна дружественная атмосфера. Но вместо того, чтобы проявить ум и понимание, которых требовала ее роль, Тереза Мэннинг вытащила его половой орган из штанов с ловкостью женщины, проделывающей эту операцию в сотый раз.

– В результате всего этого дерьма, – сказал он, – моя чувственность в ужасе спряталась. Я был эмоционально кастрирован. Мое тело моментально почувствовало отвращение к этой женщине. Но моя похоть не позволила мне вышвырнуть ее на улицу сразу же.

Он, чтобы не ударить в грязь лицом – а это было уже неминуемо, – решил совершить с ней оральный секс и заставить ее все-таки получить оргазм, но его тело так упорно отвергало эту женщину, что он не смог сделать даже этого.

– Она уже казалась мне не красивой, – сказал он, – а вульгарной. Когда она одета, одежда скрывает ее выпирающие ляжки. Она выглядит нормально. Но в голом виде она просто комок выпирающего белого мяса! Ее изящество, когда она одета, – фальшивое. Его не существует.

Я и представить себе не мог, что наш психиатр может изливать столько яда. Он трясся от гнева. Он отчаянно хотел выглядеть спокойным и курил одну сигарету за другой.

Он сказал, что оральный секс получился даже еще более отвратительным. Его чуть не стошнило, и вдруг развратная женщина пнула его в живот, столкнула его с его собственной постели на пол и обозвала импотентом и педиком.

Когда психиатр дошел до этого момента в своем рассказе, его глаза загорелись ненавистью. Губы дрожали. Он был бледен.

– Мне нужно воспользоваться твоей ванной, – сказал он. – Я хочу принять душ. Я весь провонял этим дерьмом.

Он чуть не плакал, и я бы отдал все на свете, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. То ли из-за усталости, то ли из-за интонаций его голоса, то ли из-за идиотизма ситуации, мне вдруг показалось, что я слушаю не психиатра, а записанный на пленке голос одного из пациентов, жалующийся на мелкие неурядицы, которые превратились в гигантские проблемы из-за того, что о них слишком много говорили и думали. Моя пытка закончилась лишь около девяти часов утра. Мне пора было идти на занятия, а психиатру – на работу.

Итак, я пришел на лекции невыспавшийся, раздраженный и злой. Все казалось бессмысленным. Тут-то и произошло событие, которое подвело черту под моей попыткой осуществить радикальные перемены в жизни. Моя воля тут была ни при чем; все было словно заранее запланировано и точно выполнено какой-то неизвестной умелой рукой.

Профессор антропологии читал лекцию об индейцах высокогорных плато Боливии и Перу, точнее – о племени аймара. Он выговаривал это слово как «эй-ме-ра», да еще и растягивал гласные с таким видом, словно это и есть самое что ни на есть правильное произношение. Он сказал, что приготовление алкогольного напитка из перебродившей кукурузы (который вообще-то называется *чича*, но профессор говорил «чаи-ча») было обязанностью жриц, которых индейцы аймара почитали как полубогинь. Он заявил – с таким видом, словно оглашал великую истину, – что эти женщины приготовляют кукурузную массу, готовую к брожению, пережевывая и сплевывая вареные зерна. Таким образом, в кукурузу добавляется фермент, содержащийся в человеческой слюне. При упоминании человеческой слюны всех студентов передернуло.

Профессор, казалось, был доволен собой сверх всякой меры. Он заливисто смеялся, как избалованный ребенок. Продолжая рассказ, он поведал нам, что эти женщины – настоящие мастера по части «жевания чаичи». Он посмотрел на первые ряды аудитории, где в основном сидели молодые студентки, и нанес свой решающий удар.

– Мне оказали честь, п-р-р-ригласив, – сказал он с какой-то псевдоиностранной интонацией, – переспать с одной из жевальщиц чаичи. Искусство жевания чаичи требует развития мощных мышц горла и щек. И эти женщины могут творить настоящие чудеса.

Он обвел взглядом притихшую аудиторию и сделал длинную паузу, прерывавшуюся лишь его собственным хихиканьем.

– Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду, – произнес он наконец и разразился истерическим хохотом.

От профессорского намека аудитория просто сошла с ума. Лекция прервалась по меньшей мере на пять минут – хохот, шквал вопросов, от ответов на которые профессор уклонился, и снова глупое хихиканье.

Кассеты, рассказ психиатра, а теперь еще и «жевальщицы чаичи» – с меня было довольно! В мгновение ока я рассчитался с работой, выписался из университета, вскочил в машину и уехал в Лос-Анджелес.

* * *

– Эти случаи с психиатром и профессором антропологии, – сказал я дону Хуану, – ввели меня в незнакомое эмоциональное состояние. Я могу назвать его только интроспекцией. Я непрерывно разговариваю сам с собой.

– Твое расстройство очень просто объяснить, – ответил дон Хуан, трясясь от смеха.

Он явно радовался тому состоянию, в котором я оказался. Этой радости я не разделял, поскольку не видел в ситуации ничего особенно веселого.

– Твой мир подходит к концу, – сказал он. – Для тебя это конец эпохи. Неужели ты думаешь, что мир, который ты знал всю свою жизнь, покинет тебя мирно, без эксцессов? Нет уж! Он еще напоследок поизвивается вокруг тебя и пару раз ударит тебя хвостом.

Глава 5. Позиция, на которой я не мог больше оставаться

Лос-Анджелес всегда был для меня домом. Я выбрал этот город отнюдь не случайно и чувствовал себя в нем так, словно здесь родился, а возможно, даже нечто большее. Моя эмоциональная привязанность к Лос-Анджелесу была просто абсолютной. Моя любовь к нему всегда была столь полной, что мне не требовалось выражать ее вслух. Мне никогда не нужно было пересматривать это чувство или освежать его, никогда.

Моей лос-анджелесской семьей были мои друзья. Они были моим миром, а это значило, что я принимал их полностью, точно так же, как я принимал и город. Один мой друг как-то полушутя заявил, что все мы ненавидим друг друга от всего сердца. Конечно, они могли позволить себе такие чувства; ведь у каждого из них есть родители, жены или мужья, и потому их эмоции распределяются иным образом. У меня же в Лос-Анджелесе нет никого – только мои друзья.

По какой-то причине все они избрали меня своим личным исповедником. Каждый из них изливал мне свои проблемы и трудности. Мои друзья были столь близки мне, что я никогда не мог мириться с их бедами и несчастьями. Я был способен часами говорить с ними о таких вещах, которые привели бы меня в ужас, услышь я их у психиатра или на его аудиокассетах.

Более того, я никогда прежде не осознавал, насколько каждый из моих друзей поразительно схож с психиатром или профессором антропологии. Я не осознавал, насколько они внутренне напряжены. Каждый из них почти не расставался с сигаретой – точь-в-точь, как и мой психиатр. Я не замечал этого, так как постоянно дымил сам и пребывал в столь же напряженном состоянии, что и остальные. Их аффектированная речь также не резала мой слух, хотя, казалось, эту манеру говорить трудно было не заметить. Они всегда произносили слова с подчеркнуто-гнусавым западно-американским акцентом, и делали это сознательно. И точно так же я никогда не обращал внимания на их прозрачные намеки, что они бесчувственны во всех сферах, кроме чисто интеллектуальной.

Настоящий конфликт с самим собой у меня возник, когда я столкнулся с дилеммой моего друга Пита. Он как-то пришел ко мне совершенно избитый. Его рот распух, а под подбитым левым глазом явственно проступал синяк. Прежде чем я успел спросить, что с ним произошло, он выпалил, что его жена, Патриция, отправилась на собрание брокеров по недвижимости, чтобы обсудить там связанные с работой вопросы, и там с ней случилось нечто ужасное. Судя по виду Пита, можно было предположить, что произошел несчастный случай и Патриция искалечена или даже убита.

– Как она, в порядке? – спросил я, волнуясь по-настоящему.

– Конечно, в порядке, – пролаял в ответ мой друг, – эта шлюха и сука! А со шлюхами и суками ничего не происходит, кроме того, что их трахают. И им это нравится!

Пит был взбешен. Он дрожал, казалось, он вот-вот забьется в истерике. Его непокорные темные волосы торчали во все стороны. Обычно он аккуратно причесывал и приглаживал каждую вьющуюся прядь. Сейчас он выглядел диким, как тасманийский дьявол.

– Все шло нормально до сегодняшнего дня, – продолжал мой друг. – Это случилось сегодня утром, когда я вышел из душа, а она шлепнула меня полотенцем по голой заднице. Я сразу же понял, что она по уши в дерьме: она трахается с кем-то другим.

Меня смутила его логика. Я стал расспрашивать его подробнее, пытаясь выяснить, каким образом шлепок полотенцем мог явиться откровением в вопросах определенного рода.

– О, конечно, это не было бы откровением для кретина! – ответил он с нескрываемым ядом. – Но я знаю Патрицию! Еще в четверг, перед этим злополучным собранием, она не могла бы хлопнуть меня полотенцем. Чтоб ты знал, она никогда не способна была хлопнуть меня

полотенцем за все годы нашего брака! Кто-то научил ее этим штучкам, когда они оба были голыми! Итак, я схватил ее за глотку и вытряс из нее правду: да, она трахается со своим шефом!

Пит рассказал, как отправился в офис, чтобы поговорить по душам с шефом своей жены, но его перехватили телохранители и вышвырнули обратно на автостоянку. Он хотел разбить все окна в офисе и стал бросать камнями в телохранителей, но те пригрозили ему, что если он будет продолжать в том же духе, то отправится в тюрьму или, еще хуже, – получит пулю в голову.

– Так это они так тебя отделали? – спросил я своего друга.

– Нет, – ответил тот мрачно. – Я отправился в магазин, торгующий запчастями для подержанных автомобилей, и врезал первому продавцу, который подошел, чтобы помочь мне. Тот был поражен, но не рассердился. Он сказал: «Успокойтесь, сэр, успокойтесь. В этой комнате обычно заключаются сделки». Когда я снова дал ему в зубы, он возмутился. Он был здоровым парнем – врезал мне в челюсть и под глаз, и я отрубился. Когда я пришел в чувство, – продолжал Пит, – то увидел, что лежу на кушетке в их офисе. Я услышал сирену скорой. Понял, что это за мной. Выскочил оттуда и побежал к тебе.

Больше не в силах сдерживаться, он разрыдался. Он был совершенно не в себе. Я позвонил его жене, и не прошло и десяти минут, как та появилась у меня в квартире. Она встала возле него на колени и, склонив над ним лицо, стала клясться, что всегда любила только его и что все, что она сделала, было с ее стороны чистейшим идиотизмом, а их с Питом любовь – вопрос жизни и смерти. Все остальные для нее ничего не значили. Она даже не помнит их. Оба они излили свою душу в плаче и, безусловно, простили друг другу все. Патриция была в темных очках, чтобы скрыть синяк под правым глазом, куда попал Питов кулак. Пит был левшой. Оба совершенно не замечали моего присутствия. И когда они уходили, то даже не знали, что я находился там. Они просто ушли, тесно прижавшись друг к другу.

Казалось, что моя жизнь продолжала идти как обычно. Мои друзья вели себя со мной так же, как всегда. Мы, как обычно, ходили на вечеринки, посещали кинотеатры или просто валяли дурака, а иногда заглядывали в рестораны, предлагающие посетителю съесть «сколько угодно чего угодно по цене одного блюда». Однако, несмотря на всю эту кажущуюся нормальность бытия, в мою жизнь как будто вторгся странный новый фактор. Поскольку я привык наблюдать за собой, мне вдруг показалось, что я стал исключительно узколобым. Я стал осуждать своих друзей точно так же, как осудил психиатра и профессора антропологии. И кто я такой, в конце-то концов, чтобы выступать в роли чьего-то судьи?

Я стал мучиться невероятным чувством вины. Судить своих друзей – это было что-то новенькое среди моих качеств. Но самым страшным для меня, пожалуй, было то, что я не только осуждал друзей, но и находил их проблемы и беды потрясающе банальными. Я был все тем же человеком. Они были теми же друзьями. Раньше я сотни раз выслушивал их жалобы и рассказы о различных происшествиях и не испытывал при этом ничего иного, кроме полного отождествления с их неприятностями. Ужас, который я испытал, открыв в себе это новое свойство, потряс меня.

Трудно найти лучшее описание моего тогдашнего положения, чем слова поговорки: «Беда не приходит одна». Полный крах обычного образа жизни наступил, когда мой друг Родриго Каммингс пришел ко мне с просьбой проводить его до аэропорта в Бербанке, откуда он собирался вылететь в Нью-Йорк. Это был драматический и отчаянный шаг с его стороны. Он считал, что главное проклятие его жизни – застрять в Лос-Анджелесе навсегда. Остальные друзья обожали шутить по этому поводу. Не раз он пытался добраться до Нью-Йорка на машине, и каждый раз она ломалась по дороге. Однажды ему удалось добраться даже до Солт-Лейк-Сити, и тут его машина заглохла. Нужно было менять мотор полностью. Он должен был выбросить его там. Обычно же его машины разваливались в пригородах Лос-Анджелеса.

– Что приключается с твоими машинами, Родриго? – как-то спросил я его, движимый искренним любопытством.

– Не знаю, – отвечал он слегка виноватым голосом. А затем с интонациями, достойными профессора-антрополога, входящего в роль проповедника-ривайвелиста, он продолжал: – Возможно, когда я выезжаю на дорогу, начинаю газовать на полную мощность, почувствовав себя свободным. Обычно я открываю все окна. Я хочу, чтобы ветер дул мне в лицо. Я чувствую, словно отправился на поиск чего-то нового.

Для меня не было секретом, что все его машины были полной рухлядью, не рассчитанной на скоростную езду, и он попросту сжигал их моторы.

Из Солт-Лейк-Сити Родриго возвратился в Лос-Анджелес на попутках. Конечно же, он мог бы с тем же успехом добраться автостопом и до Нью-Йорка, но это никогда не приходило ему в голову. Думаю, что Родриго был сражен той же болезнью, что и я, – бессознательной страстью к Лос-Анджелесу. Но ни в коем случае не хотел в этом сознаться.

Как-то раз, когда его очередная машина была, казалось, в отличном состоянии и могла выдержать сколь угодно длительное путешествие, сам Родриго оказался не в состоянии покинуть Лос-Анджелес. Он доехал до Сан-Бернандино, где зашел в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм *«Десять заповедей»*. Этот фильм (по известным только Родриго причинам) вызвал в нем нестерпимую ностальгию по Лос-Анджелесу. Он пришел ко мне и плакал, говоря о том, как этот чертов город – Лос-Анджелес – окружил его стеной, через которую ему не перебраться. Его жена была крайне обрадована этим возвращением, но еще больше радовалась его подружка Мелисса, хотя она не могла не испытывать и огорчения при мысли о том, что ей придется возвращать словари, которые Родриго отдал ей перед отъездом.

Его последняя попытка отправиться в Нью-Йорк на самолете казалась еще более драматичной, так как он занял денег у своих друзей, чтобы купить билет. Он сказал, что теперь он должен обязательно добраться до Нью-Йорка, так как не собирается возвращать долги.

Я поставил его чемоданы в багажник своей машины и повез его в аэропорт. Он сказал, что самолет улетает только в семь часов. До вечера было еще далеко, и у нас оставалась уйма времени. Так что мы пошли посмотреть фильм. К тому же он хотел бросить прощальный взгляд на Голливудский бульвар – центр, вокруг которого вращались наши жизни.

Итак, мы отправились в «Техниколор и Синерама» на просмотр эпической киноленты. Это был восхитительный фильм, и взгляд Родриго, казалось, не мог оторваться от экрана. Когда мы вышли из кинозала, уже темнело, и я поехал в аэропорт в самый час пик. Он потребовал, чтобы мы выехали на окружную дорогу, а не ползли по фривею, который был страшно забит машинами. Когда мы наконец добрались до чертова аэропорта, самолет уже выруливал на взлетную полосу. Это было последней каплей. Покорный и раздавленный Родриго протянул свой билет кассиру, чтобы получить деньги обратно. Его имя и адрес были записаны, и Родриго взял чек, по которому должен был получить через шесть или двенадцать недель свои деньги, когда те прибудут из Теннесси, где располагалось главное агентство авиалиний.

Мы подъехали к зданию, где находились наши квартиры. На сей раз Родриго не попрощался ни с кем, боясь позора. Итак, никто даже не заподозрил, что он только что предпринял очередную попытку покинуть город. Единственный просчет, который допустил мой друг, – была продажа машины. Он попросил отвезти его к родительскому дому, чтобы попросить у отца сумму, потраченную на билет.

Насколько я помнил, отец Родриго всегда вытягивал своего сына из любой беды. Его лозунг звучал так: «Не страшись ничего, Родриго-старший всегда рядом!» Когда он услышал о просьбе сына дать ему денег в долг, чтобы возвратить другие долги, лицо старого джентльмена приняло печальное выражение. В ту пору он сам переживал финансовые затруднения.

Положив руку на плечи сына, он произнес:

– Я не могу помочь тебе в этот раз, мой мальчик. Тебе есть чего страшиться, так как Родриго-старшего больше нет рядом.

Я изо всех сил стремился войти в положение своего друга, пережить его драму так же остро, как всегда, но не мог. Я обратил внимание только на заявление его отца. Оно казалось столь окончательным, что это встряхнуло меня.

Мне было совершенно необходимо общество дона Хуана. Оставив все лос-анджелесские дела, я отправился в Сонору. Я рассказал ему о странном настроении, которое охватывает меня в обществе друзей. Всхлипывая от угрызений совести, я поведал ему, что начал осуждать их.

– Не изводи себя из-за ерунды, – спокойно сказал мне дон Хуан. – Ты уже, наверное, и сам догадался, что целая эпоха твоей жизни подходит к концу. Но эпоха никогда реально не закончится, пока не умрет король.

– Что ты подразумеваешь под этим, дон Хуан?

– Ты и есть король, и ты очень похож на своих друзей. И эта истина заставляет тебя дрожать, как лист. Единственное, что тебе остается сделать, – это принять все так, как есть, – чего ты, конечно, сделать не можешь. Но ты еще можешь сделать другое – повторять самому себе: «Я не такой, я не такой». И я обещаю тебе, что, продолжая говорить себе, что ты не такой, в один прекрасный момент ты осознаешь, что ты точно такой же.

Глава 6. Неизбежная встреча

Было кое-что, что непрерывно грызло меня в глубине души: я должен был дать ответ на очень важное письмо, и сделать это нужно было непременно. Но мне мешала смесь обычной моей лени и тяги к удовольствиям. Мой друг-антрополог, благодаря которому я встретился с доном Хуаном, пару месяцев назад написал мне письмо. Он интересовался моими успехами в изучении антропологии и настойчиво приглашал меня к себе. Я сочинил три длинных письма. Перечитывая, я находил их столь банальными и подобострастными, что тут же рвал их. Я не мог выразить в них глубину своей благодарности, своих добрых чувств к нему. Я объяснял себе отсрочку с ответом своим искренним намерением встретиться с ним и рассказать обо всем, что произошло в моей жизни в связи с доном Хуаном Матусом. Но я не спешил совершить свое неизбежное путешествие, так как толком не знал, чем я, собственно, занимаюсь с доном Хуаном. В один прекрасный день я хотел продемонстрировать моему другу настоящие результаты. Пока же я располагал лишь некоторыми смутными набросками возможностей, которые никак не могли сойти за плоды, собранные на поле антропологической деятельности, – по крайней мере, не в глазах моего требовательного друга.

И вот на какой-то вечеринке я узнал, что он умер. Это известие спровоцировало во мне одну из тех опасных тихих депрессий, столь знакомых мне по прошлым временам. Я не мог выразить своих чувств, ибо то, что я чувствовал, еще полностью не сформировалось в моем сознании. Это было смесью подавленности, отчаяния и отвращения к самому себе за то, что я не ответил на его письмо, за то, что я не приехал и не простился с ним.

Вскоре после этого я отправился с визитом к дону Хуану. Подойдя к его дому, я уселся на один из ящиков на крыльце и попытался подыскать слова, которые бы не звучали банально и могли выразить отчаяние, испытываемое из-за смерти друга. Каким-то непостижимым образом дон Хуан знал о причинах моих душевных мук, которые и привели меня к нему.

– Да, – сухо сказал дон Хуан, – я знаю, что твой друг, антрополог, направивший тебя ко мне, скончался. По некоторой причине я знаю точное время его смерти. Я *видел* ее.

Его сухое заявление потрясло меня до глубины души.

– Я давно видел ее приближение. Я даже говорил тебе об этом, но ты пренебрег моими словами. Я уверен, что ты даже не помнишь их.

Я помнил каждое слово, произнесенное им, но в то время я еще не понимал значения этих слов. Дон Хуан заявил, что некое событие, тесно связанное с нашим знакомством, но не часть его, явилось причиной, по которой он *видел* моего друга-антрополога как человека, стоящего на пороге смерти.

– Я *видел* смерть как внешнюю силу, уже открывающую твоего друга, – сказал он мне. – У каждого из нас есть энергетическая щель, энергетическая трещина ниже пупка. Эта трещина, которую маги называют *просвет*, закрыта, когда человек находится в расцвете сил.

– И каково значение всего этого, дон Хуан? – спросил я механически.

– Значение смертельное, – ответил он. – Дух подал мне знак, что нечто подходит к концу. Я решил, что подходит к концу моя жизнь, и принял эту весть со всей благодарностью, на которую был способен. Только позже, гораздо позже до меня дошло, что это не моя жизнь подходит к концу, но вся моя *линия*.

Я не понимал, о чем он говорит. Как же я мог воспринять это всерьез? Насколько я мог судить, это не слишком отличалось от всего того, из чего тогда состояла моя жизнь, – от болтовни.

– Твой друг сам рассказывал тебе, и довольно многословно, о том, что умирает, – сказал дон Хуан. – И ты сознавал то, что он говорил, как сознаешь и то, что говорю тебе я, но в обоих случаях ты предпочел не придавать этому значения.

Мне нечего было ответить. Я был раздавлен его словами. Мне хотелось вдавиться в ящик, на котором я сидел, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

– Но не твоя вина, что ты не придал этому значения. Это все молодость, – продолжал он. – Тебе еще надлежит так много сделать, столько людей окружает тебя! Ты не *алертен*. Ты никогда не учился быть бдительным.

Пытаясь защитить свою последнюю крепость – веру в собственную наблюдательность, я указал дону Хуану на то, что попадал в смертельно опасные ситуации, где требовалось проявить смекалку и бдительность. Беда была не в том, что мне недоставало внимания. Я просто был недостаточно ориентирован, чтобы составить верный список приоритетов. Вот почему все для меня было в равной степени как важным, так и не важным.

– Быть *алертным* не значит быть наблюдательным, – сказал дон Хуан. – Для магов проявлять *алертность* означает постоянно осознавать ткань обыденного мира, которая кажется непригодной для взаимодействия в настоящий момент. Путешествуя со своим другом перед тем, как познакомиться со мной, ты обращал внимание только на явные детали. Ты не придал значения тому, что смерть поглощала его. И все же что-то в тебе знало об этом.

Я стал протестовать, утверждая, что все, что он говорит, не может быть правдой.

– Не пытайся спрятаться за банальностями, – сказал он осуждающе. – Встань. Если ты хоть мгновение сможешь быть со мной, прими ответственность за то, что ты знаешь. Не старайся затеряться в чужеродной ткани окружающего мира; чужеродной тому, что происходит сейчас. Не будь ты столь поглощен собственной персоной и своими проблемами, ты бы знал, что это его последнее путешествие. Ты бы заметил, что он закрывает свои счета, встречается с людьми, которые помогали ему, и прощается с ними.

– Твой друг-антрополог говорил однажды со мной, – продолжал дон Хуан. – Я помнил его настолько отчетливо, что ничуть не был удивлен, когда он привез тебя на эту автостанцию. Я не мог помочь ему при нашем разговоре. Он не был тем человеком, которого я искал. Но я желал ему добра от всей своей магической пустоты, из всего своего магического *безмолвия*. Поэтому я знал, что во время своего последнего путешествия он говорит «прощай» всем тем, кто что-то значил в его жизни.

Я признал правоту дона Хуана. Было множество деталей, которые я замечал, но не придавал им тогда должного значения. Взять хотя бы то, в какой экстаз приходил мой друг, любуясь окружающими нас видами. Он останавливал машину, чтобы часами наблюдать за горами, или руслом реки, или пустыней. Я отмахивался от этого, как от идиотской сентиментальности мужчины средних лет. Я даже делал тонкие намеки на то, что он, пожалуй, слишком много выпил. Он отвечал мне, что в минуты отчаяния выпивка приносит человеку мгновения мира и покоя, – мгновения достаточно долгие, чтобы тот успел насладиться чем-то неповторимым.

– Это было путешествие, предназначенное только для его глаз, – сказал дон Хуан. – Маги предпринимают подобные путешествия, в которых значение имеет только то, что могут впитать их глаза. Твой друг освобождал себя от всего ненужного.

Я признался дону Хуану, что не обращал внимания на то, что он говорил о моем умирающем друге, тогда как на некоем неведомом мне самому уровне я знал, что это правда.

– Маги никогда не говорят впустую, – сказал он. – Я подбираю слова исключительно тщательно, когда говорю с тобой или с кем-либо еще. Разница между тобой и мною состоит в том, что у меня нет времени, и я должен поступать соответственно. Ты же, наоборот, уверен, что располагаешь всем временем этого мира, и тоже действуешь соответственно. Конечным результатом такого различия является то, что я взвешиваю все, что собираюсь сказать, а ты нет.

Я признал его правоту, но тут же стал убеждать его, что все сказанное им ни в коей мере не облегчает моей печали и не рассеивает смятения. Затем я безотчетно высказался о каждом нюансе моих смешанных чувств. Я заявил, что не ищу совета. Я хочу получить магические предписания о том, как избавиться от душевных мук. Я был уверен, что действительно заинте-

ресован в получении от него некоего естественного успокоительного, органического снотворного, и высказался по этому поводу. Дон Хуан в замешательстве покачал головой.

– Ты хочешь слишком многого, – ответил он. – Следующее, что ты попросишь, – это будет некое магическое снадобье, способное удалить все, что раздражает тебя, без всяких усилий с твоей стороны, если не считать тех усилий, которые ты затратишь на то, чтобы проглотить эти пилюли. Чем хуже вкус, тем сильнее эффект, – вот девиз европейцев. Ты хочешь результатов: одна порция зелья – и ты исцелен.

– Маги смотрят на вещи по-иному, – продолжал дон Хуан. – Поскольку они не располагают свободным временем, то полностью отдают себя тому, что перед ними. Причина твоего смятения состоит в недостатке трезвости. Тебе не хватило трезвости, чтобы поблагодарить как следует твоего друга. Это случалось с каждым из нас. Мы никогда не выражаем того, что чувствуем. А когда хотим выразить, оказывается, что слишком поздно, момент упущен. Ты должен был поблагодарить его как следует еще в Аризоне. Он позаботился о том, чтобы прихватить тебя с собой, и понимал ты это или нет, но на автостоянке ты получил от него все, что мог. Но в тот момент, когда ты должен был благодарить его, ты злился – ты судил его, он был неприятен тебе. А затем ты откладывал встречу с ним. На самом деле ты откладывал выражение благодарности. Ты застрял на месте. Ты никогда не был бы способен возвратить ему то, что должен.

Я осознавал безмерность его слов. Никогда я не мог увидеть свои поступки в подобном свете. По правде говоря, я никогда никого не благодарил. Дон Хуан загонял шип мне в сердце все глубже.

– Твой друг знал, что умирает, – продолжал он. – Он написал тебе свое последнее письмо, чтобы узнать о твоих успехах. Возможно, он этого не знал, как не знал и ты, но его последняя мысль была о тебе.

Тяжесть этих слов была слишком велика для моих плеч, и я опустился на землю. Я почувствовал, что должен лечь. Кружилась голова. Возможно, все дело было в окружающем меня пейзаже. Я сделал ужасную ошибку, прибыв к дону Хуану в предвечерний час. Предзакатное солнце казалось немыслимо золотым, и блики на голых скалах, которые возвышались на востоке от дома дона Хуана, были золотыми и пурпурными. На небе не было ни облачка. Казалось, все вокруг застыло. Это было так, словно весь мир пытался спрятаться, но его присутствие было всеподавляющим. Покой сонорской пустыни был подобен кинжалу. Меня пробрало до мозга костей. Я хотел убраться отсюда – сесть в машину и умчаться. Я хотел оказаться в городе, затеряться в его шуме.

– Ты ощутил вкус *бесконечности*, – торжественно, словно приговор, произнес дон Хуан. – Я знаю это, так как и сам был на твоем месте. Ты хочешь удрать, чтобы погрузиться во что-то человеческое, теплое, противоречивое, глупое, кто его знает, какое еще?.. Ты хочешь забыть о смерти друга. Но *бесконечность* не позволит тебе сделать это, – его голос вдруг стал бархатным. – Она ухватила тебя безжалостной рукой.

– Что я могу сделать сейчас, дон Хуан? – спросил я.

– Единственное, что тебе остается, – это сохранить живую память о своем друге. Хранить ее до конца своей жизни, а может быть, и дольше. Маги выражают таким образом благодарность, которую уже не могут высказать вслух. Возможно, ты думаешь, что это глупо, но это лучшее, что могут сделать маги.

Безусловно, только моя собственная грусть заставила меня на минуту поверить в то, что неунывающий дон Хуан был столь же печальным, как и я. Я немедленно отбросил эту мысль. Такое было невозможно.

– Печаль для магов не является чем-то личным, – заявил дон Хуан, вновь вторгаясь в мои мысли. – Это не совсем печаль, это энергетическая волна, приходящая из глубин Космоса. Она достигает магов, когда они восприимчивы, когда они, как радары, способны ловить радиоволны.

Маги древности, которые дали нам полную формулу магии, верили, что во Вселенной существует печаль, подобная Силе, свету, *намерению*, и что эта вечная сила воздействует на магов с особой остротой, так как у них уже нет обороняющих их щитов. Они не могут укрыться за спинами своих друзей или уйти с головой в занятия. Они не могут прятаться за любовью или ненавистью, за счастьем или несчастьем. Они не могут укрыться ни за чем.

– Маги отличаются тем, – продолжал дон Хуан, – что печаль для них абстрактна. Она не приходит от тайных желаний, или нехватки чего-то, или от чувства собственной важности. Это не исходит от *меня*, это исходит из *бесконечности*. Грусть, которую ты испытываешь из-за того, что не поблагодарил своего друга, пришла оттуда.

Мой учитель, Нагваль Хулиан, был невероятным актером. Он и на самом деле профессионально играл в театре. У него была одна любимая история, которую он рассказывал на своих спектаклях. Когда он рассказывал ее, я, как правило, испытывал при этом приступы страшной боли. Он объяснял, что это история о воинах, которые, получив все что хотели, испытывали укол вселенской грусти. Я всегда считал, что он рассказывает все это лично для меня.

Затем дон Хуан воспроизвел слова своего учителя, добавив, что эта история о человеке, страдающем от глубочайшей меланхолии. Этот человек ходил по лучшим врачам того времени, и ни один из них не смог помочь ему. Наконец он явился в приемную главного доктора – целителя души. Этот доктор предположил, что, возможно, его пациент сможет найти утешение, душевный покой и исцеление от меланхолии в любви. Человек возразил, что любовь никогда не составляла для него проблемы и что он любил так, как, очевидно, не любил никто в мире. Тогда доктор предложил ему отправиться в путешествие, чтобы взглянуть на разные уголки мира. Печальный пациент ответил, что может сказать без преувеличения, что уже посетил все уголки мира. Врач порекомендовал завести хобби: заняться искусством, спортом и тому подобными вещами. На каждый совет пациент отвечал, как и прежде: он уже прошел через все это и не испытал облегчения. У врача возникло подозрение, что, возможно, тот страдает не чем иным, как патологической лживостью. Он не мог успеть испытать все то, о чем говорил. Но доктор был хорошим целителем, и его наконец осенило.

«Ах, – воскликнул он, – у меня есть прекрасный рецепт для вас, сэр. Вы должны посетить последнее выступление величайшего из комедиантов наших дней. Оно вам доставит такое удовольствие, что вы совершенно забудете о своей меланхолии. Вы должны сходить на представление Великого Гаррика!»

Дон Хуан сказал, что тот человек взглянул на доктора с самым печальным видом, который только можно вообразить, и произнес: «Доктор, если это ваш последний совет, я пропал. Я и есть Великий Гаррик».

Глава 7. Переломный момент

Дон Хуан определял *внутреннее безмолвие* как особое состояние изгнания мыслей, при котором человек может функционировать на ином уровне сознания, чем обычно. Он подчеркивал, что *внутреннее безмолвие* наступает при прекращении *внутреннего диалога* – вечного спутника мыслей, и потому является состоянием глубокой тишины.

– Маги древности, – говорил дон Хуан, – назвали это *внутренним безмолвием*, поскольку в таком состоянии восприятие не зависит от чувств. Во время *внутреннего безмолвия* вступает в силу иная способность человека, – способность, которая делает его магическим существом, способность, обычно ограничиваемая не самим человеком, а неким чужеродным влиянием.

– А что это за чужеродное влияние, которое ограничивает наши магические способности? – спросил я.

– Это предмет нашей будущей беседы, – ответил дон Хуан, – а не тема настоящей дискуссии, хотя это на самом деле самый серьезный аспект магии шаманов Древней Мексики.

– *Внутреннее безмолвие*, – продолжал он, – это основа всей магии. Иными словами, все, что мы делаем, ведет нас к этой основе. Она же, как и все остальное в магии, не раскрывает себя, пока нечто гигантское не встряхнет нас.

Дон Хуан рассказал, что маги Древней Мексики изобретали всевозможные способы встряхнуть себя или других практикующих магов до основания, чтобы достичь вожделенного состояния *внутреннего безмолвия*. Они додумались до самых невообразимых действий, которые, казалось бы, совершенно не могли быть связаны с достижением *внутреннего безмолвия*, таких, скажем, как прыжки в водопад или ночи, проведенные на ветвях деревьев вниз головой. Тем не менее это были ключевые приемы достижения такого состояния.

Следуя логике магов Древней Мексики, дон Хуан категорически заявлял, что *внутреннее безмолвие* возрастает и накапливается. Меня он пытался направить на создание ядра *внутреннего безмолвия* в самом себе, а затем понемногу наращивать его при каждом удобном случае. Он объяснил, что маги Древней Мексики обнаружили, что каждый человек имеет свой собственный порог *внутреннего безмолвия* с точки зрения времени. Иными словами, *внутреннее безмолвие* должно сохраняться в каждом из нас определенное время, прежде чем сработает.

– А что маги древности считали знаком того, что *внутреннее безмолвие* начало работать, дон Хуан? – спросил я.

– *Внутреннее безмолвие* начинает работать с того момента, как ты начинаешь развивать его в себе, – ответил дон Хуан. – То, к чему стремились маги древности, было финалом, драматическим концом и результатом достижения этого индивидуального порога *безмолвия.* Некоторым особо одаренным магам для достижения вожделенной цели необходимо всего лишь несколько минут *безмолвия*. Иным же, менее талантливым, требуется гораздо больший период тишины, чтобы прийти к результату. Желаемый результат – это то, что маги называли *остановкой мира*, – момент, когда все вокруг перестает быть тем, чем было всегда.

– Это момент, когда маг возвращается к подлинной природе человека, – продолжал дон Хуан. – Маги древности также называли это *абсолютной свободой*. Это момент, когда человек-раб становится свободным существом, способным на такие чудеса восприятия, какие могут бросить вызов нашему самому богатому воображению.

Дон Хуан уверил меня, что *внутреннее безмолвие* является путем, который ведет к истинному отказу от суждений; к мгновению, когда наши чувства прекращают интерпретировать чувственные данные, излучаемые Вселенной; к моменту, когда постижение перестает быть силой, которая приходит к определению природы мироздания через повторение и использование.

– Магам необходим *переломный момент*, чтобы *внутреннее безмолвие* заработало, – сказал дон Хуан. – *Переломный момент* подобен раствору, который каменщик кладет между рядами кирпичей. Лишь когда раствор твердеет, отдельные кирпичи превращаются в структуру.

С самого начала нашего знакомства дон Хуан не переставал вбивать мне в голову мысль о значении *внутреннего безмолвия*. Я старался изо всех сил следовать его советам накапливать *внутреннее безмолвие* самым искренним образом каждое мгновение. У меня не было ни возможностей измерить свои приобретения, ни средств, чтобы судить о том, достиг я наконец своего порога или нет. Я просто упрямо нацелился на то, чтобы развивать в себе такое состояние. И не только затем, чтобы сделать приятное дону Хуану, но и потому, что считал это делом чести.

Однажды мы с доном Хуаном беседовали, лениво прохаживаясь по главной площади Эрмосильо. Было около полудня. По небу плыли тучи. Жара была сухой и действительно очень приятной. Повсюду сновали толпы людей. Площадь окружали ряды магазинов. Я не раз бывал в Эрмосильо, но никогда не обращал внимания на магазины. Я знал, что они там есть, но никогда не думал об этом сознательно. Я не смог бы нарисовать карту площади, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Сегодня же, прогуливаясь с доном Хуаном, я старался точно определить местонахождение каждого магазина. Я пытался найти что-то, способное послужить мне как мнемонический инструмент, нечто, способное пробудить мои воспоминания в дальнейшем.

– Как я уже говорил тебе, – раздался голос дона Хуана, выбивший меня из колеи этих мыслей, – каждый маг, которого я знал, – будь то мужчина или женщина, – рано или поздно достигал *переломного момента* своей жизни.

– Ты подразумеваешь, что с ними случался психический срыв или что-то в этом роде? – спросил я.

– Нет, нет, – ответил он, смеясь. – Психические срывы – удел личностей, которые индульгируют на самих себе. Маги – не личности. В данный момент я подразумеваю под этим то, что непрерывность их жизней должна быть разбита во имя обретения *внутреннего безмолвия*, которое станет активной частью их структур.

– И очень, очень важно, – продолжал дон Хуан, – чтобы ты сам умышленно достиг этого *переломного момента* или создал его искусственным и разумным путем.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил я, заинтригованный его причудливой логикой.

– Твой *переломный момент* означает конец той жизни, которую ты знаешь. Ты выполнил все, о чем я говорил тебе, прилежно и точно. Если ты и талантлив, то сумел скрыть это. Возможно, это твой стиль. Ты не медлителен, но действуешь, как медлительные люди. Ты очень уверен в себе, но ведешь себя, словно ты беззащитен. Ты не робок, но производишь впечатление, будто боишься людей. Все то, что ты делаешь, указывает только на одно – ты должен все это разбить. Безжалостно.

– Но каким образом, дон Хуан? Что ты имеешь в виду? – спросил я взволнованно.

– Я думаю, что все сводится к одному поступку, – ответил он. – Ты должен покинуть своих друзей. Ты должен распрощаться с ними по-хорошему. Ты не сможешь продолжать идти путем воина, неся за плечами свою личную историю. И если ты не покончишь с прежним образом жизни, то не сможешь следовать моим наставлениям.

– Минутку, минутку, минутку, дон Хуан, – сказал я. – Мне нужно прийти в себя. Ты требуешь от меня слишком многого. По правде говоря, я не уверен, что смогу все это сделать. Мои друзья – это моя семья. Моя точка отсчета.

– Точно, точно, – заметил он, – твоя точка отсчета. Именно поэтому с ними следует расстаться. У магов только одна точка отсчета – *бесконечность*.

– Но как я могу это сделать? – спросил я жалобно.

Его требования выводили меня из равновесия.

– Ты можешь просто уйти, – сказал он равнодушно. – Уйти любым возможным путем.

– Но куда я пойду? – спросил я.

– Я бы посоветовал тебе снять номер в одной из тех жалких гостиниц, которые тебе хорошо известны, – ответил он. – Чем безобразнее заведение – тем лучше. Если в комнате постелен ковер болотного цвета, на окнах висят шторы болотного цвета, а стены оклеены такими же обоями, тогда эта гостиница может сравниться с той, которую я показал тебе как-то в Лос-Анджелесе.

Я издал нервный смешок, вспоминая нашу поездку с доном Хуаном по промышленным районам Лос-Анджелеса, где можно было найти только склады и обветшалые гостиницы для проезжающих. Одна из гостиниц особо привлекла внимание дона Хуана благодаря помпезному названию «Эдуард Седьмой». Мы остановились напротив, чтобы лучше рассмотреть ее.

– Вот эта гостиница, – произнес дон Хуан, указывая на здание, – представляется мне подлинным олицетворением жизни среднего человека на Земле. Если ты удачлив или безжалостен, то снимешь здесь комнату с окном, выходящим на улицу, чтобы наблюдать из окна за нескончаемым шествием человеческих бед. Если ты не столь удачлив или не столь безжалостен, то снимешь себе внутреннюю комнату, с окном, глядящим на глухую стену соседнего дома. Подумай о том, что это значит – провести всю жизнь, разрываясь между двумя такими видами. Завидуя окну на улицу, если живешь во внутренней комнате, и завидуя окну на стену, если поселился в наружной и устал смотреть на мир.

Метафора дона Хуана вызвала во мне бесконечное беспокойство, я принял ее очень близко к сердцу.

Сейчас же, столкнувшись с возможностью поселиться в гостинице, сравнимой с «Эдуардом Седьмым», я не знал, что сказать и куда отправиться.

– Что ты предлагаешь мне там делать, дон Хуан? – спросил я.

– Магу нужно такое место, чтобы умереть, – сказал он и взглянул на меня не мигая. – Ты никогда не был один в своей жизни. Сейчас пришло время сделать это. Ты будешь оставаться в этой комнате, пока не умрешь.

Подобный совет испугал меня, но и вызвал приступ смеха.

– Не могу сказать, что собираюсь так поступить, дон Хуан, – сказал я. – Но каков критерий того, что я мертв? Если ты действительно не хочешь моей физической смерти.

– Нет, – ответил тот. – Я не хочу, чтобы твое тело умерло физически. Я хочу, чтобы умерла твоя личность. Это две совершенно разные вещи. По существу, твоя личность имеет очень мало общего с твоим телом. Твоя личность – это твой разум, и поверь мне, твой разум не является твоим.

– Что это за ерунда, дон Хуан, что мой ум не мой? – услышал я свой собственный голос, в котором появилась нервозная гнусавость.

– Я расскажу тебе как-нибудь об этом предмете, но не сейчас, когда ты еще думаешь о своих друзьях.

– Критерий, по которому можно определить, что маг мертв, – продолжал дон Хуан, – определяется тем, что ему становится безразлично, находится он в обществе или один. Твоя личность умрет в тот день, когда ты перестанешь жаждать компании своих друзей и прикрываться своими друзьями как щитом. Что скажешь на это? Согласен сыграть?

– Я не способен на это, дон Хуан, – ответил я. – Бесполезно пытаться лгать тебе. Я не смогу покинуть своих друзей.

– Это совершенно нормально, – сказал он невозмутимо.

Казалось, мое заявление совершенно на него не подействовало.

– Я не смогу больше продолжать наши беседы, но позволь мне сказать, что за время, которое мы провели вместе, ты научился многому. Ты научился тем вещам, которые сделают тебя очень сильным, – не важно, вернешься ты назад или уйдешь прочь.

Он похлопал меня по спине и попрощался со мной. Развернулся и просто исчез среди наполнявших площадь людей, словно растворился среди них. На какое-то мгновение у меня возникло странное чувство, что люди на площади были занавесом, который дон Хуан просто раздвинул, чтобы скрыться за ним. Конец наступил, как наступает все в мире дона Хуана – быстро и непредсказуемо. Внезапно это достигло меня. Я стал корчиться от муки, даже не представляя, как это произошло.

Это должно было сокрушить меня. И все же я устоял. Я не знаю, каким образом пришло облегчение. Я дивился той легкости, с какой все подходило к концу. Дон Хуан был поистине элегантным существом. Не было ни упреков, ни злости. Я сел в свою машину и помчался прочь, счастливый, как жаворонок. Я ликовал. Как все необычайно быстро закончилось, думал я, как безболезненно.

Мое путешествие домой прошло без приключений. Оказавшись в привычной среде, я заметил, что при последнем общении с доном Хуаном обрел огромное количество энергии. Я действительно был очень счастлив, очень свободен, и я продолжал вести то, что считал нормальным существованием, но только с новым пылом. Все мои огорчения, связанные с друзьями, все мои открытия на их счет, все то, что я высказал по этому поводу дону Хуану, было забыто начисто. Казалось, что кто-то стер всю память из моего мозга. Я пару раз даже изумился той легкости, с какой забыл о том, что считал столь значительным, – и забыл так основательно.

Все происходило так, как я ожидал. Возникло только одно несоответствие в аккуратной парадигме моей новой старой жизни: я четко помнил о том, как дон Хуан говорил мне, что мой уход из мира магов будет чисто академическим и что я скоро вернусь назад. Я помнил и записал каждое слово из нашей беседы.

Согласно моей нормальной линейной памяти и логике, дон Хуан никогда не делал подобных заявлений. Как я мог помнить вещи, которые никогда не происходили? Я думал усиленно и безрезультатно. Мои псевдовоспоминания были достаточно странными, чтобы задумываться о них, но я все же решил, что в них нет смысла. Насколько я понимал, я покинул мир дона Хуана.

Следуя совету дона Хуана, касающемуся поведения с друзьями, которые в любом случае относились ко мне хорошо, я пришел к потрясающему выводу: благодарить и чтить своих друзей, пока для этого еще остается время. Однако в этом плане у меня вызывал сомнение Родриго Каммингс. По крайней мере, один случай с Родриго Каммингсом переворачивал всю мою парадигму нового отношения к друзьям вверх тормашками и приводил ее к полному крушению.

Мое отношение к Родриго радикально изменилось после того, как я бросил тягаться с ним. Я обнаружил, что для меня не составляло абсолютно никакого труда проецировать себя целиком на любые поступки Родриго. В действительности я был абсолютно схож с ним, но осознал это, только когда прекратил соревноваться с ним. Истина предстала предо мной с потрясающей отчетливостью. Одним из главных желаний Родриго было закончить колледж. Каждый семестр он регистрировался в школе и брал такое количество курсов, какое только позволяли правила. Затем в течение семестра он бросал курсы один за другим. Иногда он сразу бросал занятия. Иной раз он цеплялся за один курс, чтобы довести дело до неизбежного краха.

Во время последнего семестра он ухватился за курс социологии, так как любил этот предмет. Наступало время последнего экзамена. Он сказал мне, что у него еще есть три недели для зубрежки, чтобы прочесть учебник по этому курсу. Он был уверен, что три недели – срок более чем достаточный, чтобы прочесть шесть сотен страниц. Он считал, что владеет своего рода скоростным чтением и способен запомнить практически всю информацию благодаря почти стопроцентной фотографической памяти.

Он думал, что у него еще уйма времени перед экзаменами, и потому попросил меня помочь ему переоборудовать свою машину, чтобы ему было проще обходиться с бумагой. Он хотел снять правую дверцу, чтобы выбрасывать бумажки правой рукой через это отверстие, а

не так, как обычно, – левой рукой через люк в крыше. Я заметил ему, что он левша, на что он резко возразил, что отличное владение обеими руками входит в огромный спектр прочих его способностей, чего никто из его друзей не удосужился заметить. В чем он был совершенно прав – я никогда не замечал этого. Когда я помог ему снять дверь, он решил еще сорвать с крыши внутреннюю обивку, которая страшно износилась. Он объявил, что техническое состояние его машины нормальное и что скоро он отправится на ней в Мексику, в Тихуану (которую называл «TJ»), чтобы сделать там новую обивку за несколько баксов.

– Мы должны будем извлечь максимальную пользу из этой поездки, – заявил он вдохновенно.

Он даже стал перечислять друзей, которых решил взять с собой.

– Ты просто должен отправиться со мной в TJ, чтобы порыться среди старых книг. Ты ведь всегда был придурком. Остальные ребята завалят в бордель. Я знаю парочку таких местечек.

Нам потребовалась неделя для того, чтобы сорвать подкладку и обработать наждаком металлическую поверхность. У Родриго для подготовки осталось еще две недели, но и это показалось ему слишком длинным периодом. Тогда он уговорил меня помочь ему отремонтировать квартиру. Нам потребовалась неделя, чтобы покрасить стены и отциклевать дубовый пол. Он не хотел красить поверх обоев в одной из комнат и для этого одолжил специальный аппарат для отклейки обоев с использованием струи пара. Естественно, ни Родриго, ни я не знали, как обращаться с этой машиной, и мы здорово напортачили. Мы пришли к тому, что решили воспользоваться «Топпингом» – специальной смесью гипса и других материалов для очень ровной штукатурки стен.

После завершения всех этих дел у Родриго оставалось только два дня, чтобы затолкать в свою башку шестьсот страниц текста. Он отправился в марафон по круглосуточному чтению, поддерживая себя амфетамином. Родриго все же удалось отправиться в день экзамена в колледж, сесть за парту и взять в руки экзаменационный листок.

Но вот чего ему не удалось сделать – так это не заснуть на экзамене. Его тело качнулось вперед, и голова упала на парту с оглушительным стуком. Пришлось на время прервать экзамен. Профессор социологии впал в истерику вместе со студентами, сидящими рядом. Тело Родриго было твердым и холодным как лед. Весь класс заподозрил самое страшное. Решили, что он умер от сердечного приступа. Вызвали санитаров, которые вынесли Родриго. После беглого осмотра медики объявили, что он забылся глубоким сном, и отвезли его в больницу, где тот отсыпался, пока из организма не вышел весь амфетамин.

* * *

Моя проекция на Родриго Каммингса была настолько абсолютной, что даже пугала меня. Я был в точности похож на него. Я ничего не мог сделать с этим. Решившись на отчаянный поступок (который я считал самоубийственным нигилизмом), я снял комнату в обшарпанной голливудской гостинице.

Ковры были зелеными с ужасными пятнами от незатушенных сигарет. Безусловно, их не раз спасали от пожара. В комнате висели зеленые портьеры, а стены были болотно-зеленого цвета. Мигающая неоновая вывеска гостиницы светила в окно всю ночь.

Я закончил тем, что в точности последовал совету дона Хуана, но пришел к этому окольным путем. Я делал это не для того, чтобы выполнить его требования, у меня также не было намерения сгладить наши с ним разногласия. Я пробыл в этой гостинице несколько месяцев, пока моя личность, как и предполагал дон Хуан, не умерла и мне действительно стало безразлично, нахожусь я в компании или один.

Оставив гостиницу, я поселился один, выбрав жилище поближе к колледжу, и завел очень прибыльное дело с одной партнершей. Все, казалось, шло прекрасно, пока однажды меня не стукнуло, словно кулаком по голове, осознание того, что я собираюсь провести остаток своих дней, беспокоясь о бизнесе, или теряясь перед призрачным выбором карьеры академика или бизнесмена, или мучаясь из-за фобий и обманов моей партнерши. Настоящее отчаяние пронзило меня до глубины души. Впервые в жизни, несмотря на все, что я делал и видел раньше, я ощутил, что у меня нет никакого выхода. Я чувствовал себя совершенно потерянным. Я всерьез начал задумываться о самом практическом и безболезненном способе ухода из жизни.

Однажды утром я проснулся от громкого стука в дверь. Я был уверен, что это пришла хозяйка квартиры и, если я не встану и не открою дверь, она войдет сама, воспользовавшись запасным ключом. Я распахнул дверь. Передо мной стоял дон Хуан. Я настолько изумился, что потерял дар речи. Я блеял и заикался, не в силах произнести ни слова. Мне хотелось поцеловать его руку, встать перед ним на колени.

Дон Хуан вошел и непринужденно уселся на край моей кровати.

– Я приехал в Лос-Анджелес, – сказал он, – специально, чтобы повидаться с тобой.

Я хотел пригласить его позавтракать, но дон Хуан ответил, что у него есть и другие дела и что на разговоры со мной у него остается не больше минуты. Я торопливо рассказал ему о своей жизни в гостинице. Его присутствие настолько сбивало меня с толку, что мне и в голову не пришло спросить, как ему удалось обнаружить меня. Я только рассказывал дону Хуану, как сильно я жалел обо всем, что сказал ему в Эрмосильо.

– Тебе не за что извиняться, – поспешил он успокоить меня. – Каждый из нас когда-то поступил именно так. Однажды я убежал от мира магов сам и чуть не умер, прежде чем осознал собственную глупость. Главная задача – достичь *переломного момента* любым путем. Именно это ты и сделал. *Внутреннее безмолвие* стало для тебя реальностью. Вот почему я стою перед тобой и говорю с тобой сейчас. Понимаешь ли ты, о чем идет речь?

Мне казалось, будто я понял, что он имел в виду. Я думал, что дон Хуан интуитивно узнал или прочел, как он читал многое прямо из воздуха, что я стою на грани безумия, и пришел выручить меня.

– Ты не можешь терять времени, – сказал он. – Ты должен избавиться от своего предприятия в течение часа, так как час – это самое большее, что я могу позволить себе. Я не могу ждать дольше, и не потому, что не хочу ждать. Просто *бесконечность* безжалостно давит на меня. Скажем так, *бесконечность* дает тебе час, чтобы покончить со всем этим. Поскольку для *бесконечности* единственное предприятие, достойное воина, – это свобода. Любое иное предприятие – фальшивка. Можешь ли ты за час разделаться со всем этим?

Мне не нужно было убеждать его в том, что могу. Я знал, что должен сделать это. Дон Хуан сказал мне, что, коль скоро я преуспею в том, чтобы отделаться от всего этого за час, он будет ждать меня на базаре в мексиканском городке. Озабоченный тем, как поскорее распорядиться своим делом, я прозевал эти слова. И когда он повторил их снова, я решил, что дон Хуан шутит.

– Как я смогу добраться до этого города, дон Хуан? Ты хочешь, чтобы я приехал на машине? Прилетел на самолете? – спросил я.

– Вначале закрой бизнес, – приказал он. – Затем придет и решение. Но помни, я буду ждать тебя не дольше часа.

Он вышел из квартиры, и я стал лихорадочно отделываться от всего, что имел. Конечно, на это ушло больше часа, но я ни разу не вспомнил об этом сроке. Роспуск предприятия шел полным ходом, и меня несло по инерции. Только когда я покончил с делом, меня осенило, что я безнадежно промахнулся. Истинная дилемма предстала передо мной в полный рост. Я остался без своего дела и не имел никакой возможности добраться до дона Хуана.

Я побрел к кровати и стал искать единственного утешения, которое только мог вообразить: тишину и покой. Чтобы облегчить приход *внутреннего безмолвия*, я воспользовался приемом, которому научил меня дон Хуан: сел на край кровати, согнув ноги в коленях так, чтобы ступни соприкасались, а руки, охватив щиколотки, помогали им соединиться. Он когда-то дал мне толстый колышек, который я всегда держал под рукой, куда бы ни шел. Колышек был длиной в четырнадцать дюймов, и это позволяло мне, установив его между ног, поддерживать вес своей головы, упершись лбом в приделанную к его концу подушечку. Каждый раз, заняв это положение, я моментально засыпал мертвым сном.

Очевидно, я и в этот раз заснул с обычной легкостью, так как мне приснился мексиканский город, в котором дон Хуан обещал ожидать меня. Меня всегда интриговал этот город. Базар открывался раз в неделю, и крестьяне, жившие неподалеку, привозили туда на продажу свои продукты. Но что больше всего меня завораживало в этом городе – так это ведущая к нему мощеная дорога. Она переваливала через крутой холм у самого въезда в город. Я не раз сидел на скамейке возле прилавка, за которым торговали сыром, и смотрел на холм. Я видел людей, которые приближались к городу, погоняя везущих поклажу ослов. Но вначале я видел их головы. По мере их приближения я мог видеть, как по частям появлялись их туловища, пока они не поднимались на самую вершину и я мог рассмотреть их от макушки до пят. Мне всегда казалось, что они появляются из-под земли, – вырастают медленно или стремительно, в зависимости от скорости их приближения.

В моем сне дон Хуан ожидал меня возле прилавка с сыром. Я подошел к нему.

– Ты сделал это из своего *внутреннего безмолвия*, – сказал он, похлопывая меня по спине. – Ты достиг своего *переломного момента*. На какое-то мгновение я потерял веру, но решил повременить, зная, что ты сделаешь это.

В этом сне мы отправились на прогулку, и я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо. Сновидение было столь живым, что у меня не осталось сомнений в том, что я смог решить проблему, даже если решение пришло в фантастическом сне.

Дон Хуан расхохотался, встряхивая головой. Он, безусловно, читал мои мысли.

– Ты сейчас находишься не в простом сне, – сказал он, – но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Ты когда-нибудь узнаешь, что во *внутреннем безмолвии* не бывает снов, так как сам выберешь знать это.

Глава 8. Измерение познания

Слова *конец эпохи* для дона Хуана были не просто метафорой. Скорее, это было точным описанием того процесса, через который проходят шаманы при разрушении известной им структуры мира, – разрушении, необходимом для того, чтобы начать по-иному понимать окружающий мир. Как учитель, дон Хуан Матус с первых минут нашего знакомства начал объяснять мне *постижимый мир* шаманов Древней Мексики. Термин *постижение*[11] казался тогда мне исключительно спорным. Я понимал его как процесс, с помощью которого мы познаем окружающий мир. В сферу этого процесса попадают определенные вещи, которые легко познаются нами. Иные вещи не попадают в эту сферу и потому считаются аномальными: то есть вещами, которые невозможно понять адекватно.

Дон Хуан настаивал с самого начала нашего знакомства на том, что мир магов Древней Мексики отличается от нашего не какими-то внешними деталями, а глубокими расхождениями в способах постижения. Он придерживался идеи, что в этом мире наш процесс постижения требует постоянной интерпретации чувственных данных. Он говорил, что Вселенная состоит из бесчисленных энергетических полей, которые существуют в ней в виде светящихся нитей. Эти светящиеся нити воздействуют на человека как на организм. Реакция организма – обратить эти энергетические поля в чувственные данные. Затем эти чувственные данные интерпретируются, и интерпретация становится *системой постижения*. Мое понимание *постижения* заставило меня увериться в том, что это универсальный процесс, точно так же, как универсальным процессом является и язык. В каждом языке существует свой особый синтаксис, точно так же существует особая организация каждой из систем интерпретации мира.

Утверждение дона Хуана о том, что шаманы Древней Мексики обладали совершенно особой *системой постижения*, казалось мне равносильным заявлению о том, что у них был особый способ общения, не имеющий ничего общего с языком как таковым. Я же отчаянно хотел услышать от него, что их иная *когнитивная система* являлась эквивалентом языка, просто совершенно отличного от нашего. Но что это был язык, а не что-либо иное. *Конец эпохи* в устах дона Хуана означает, что начинают вступать в силу единицы иного способа *постижения*. Единицы же моего нормального постижения, не важно, сколь приятны или лестны они были для меня, начинали растворяться. Впечатляющий момент в жизни человека!

Очевидно, моей самой взлелеянной единицей была моя академическая жизнь. Все, что представляло угрозу для нее, угрожало и самому нутру моего существа. Особенно опасными были завуалированные, незаметные атаки. Это случилось с профессором, на которого я целиком и полностью полагался, – с профессором Лоркой.

Я записался на курс когнитивной психологии, который вел профессор Лорка, поскольку его рекомендовали мне как самого блестящего специалиста в этой области. Профессор Лорка был мужественно красив. Его светлые волосы были аккуратно зачесаны набок. Его лоб был гладким, без единой морщинки, и, казалось, должен был принадлежать человеку, никогда ни о чем не беспокоившемуся в своей жизни. Его костюмы отличались необыкновенно хорошим покроем. Обычно он не носил галстука – черта, придававшая ему нечто мальчишеское. Он надевал галстук, только когда встречался с важными людьми.

Во время первого, хорошо запомнившегося занятия у профессора Лорки я нервничал и находился в замешательстве, наблюдая за тем, как тот вышагивал взад и вперед несколько минут, показавшихся мне вечностью. Профессор Лорка беспрерывно двигал вверх и вниз сво-

---

[11] *Cognition (англ.)*:1. а) постижение, познание; узнавание, распознавание; познавательная способность, когнитивная способность (включая ощущение, восприятие, познавание и т. д., в отличие от чувств, желаний);б) знание; познание (результат познавательной деятельности: ощущения, восприятия, понятия, мысли);2. Судебное решение.

ими тонкими, стиснутыми губами, чем необычайно усугублял напряженную атмосферу, сгустившуюся в закупоренной комнате, набитой людьми. Внезапно он прекратил шагать. Он остановился в центре комнаты, за несколько шагов от того места, где сидел я, и, постукивая по кафедре аккуратно свернутой газетой, начал говорить.

– Никогда не будет известно… – начал он.

Все сидящие в комнате озабоченно спешили записать его слова.

– Никогда не будет известно, – повторил он, – что чувствует жаба, сидящая на дне пруда и толкующая жабий мир, который ее окружает.

Его голос обладал огромной силой и убежденностью.

– Итак, что вы думаете по этому поводу?

Он помахал газетой у себя над головой.

И начал читать перед классом газетную статью, в которой описывалась работа биолога. Ученого цитировали, когда тот описывал чувства лягушек, наблюдающих за роящимися над их головами насекомыми.

– Эта статья демонстрирует небрежность репортера, который, безусловно, исказил слова ученого, – заявил профессор Лорка с авторитетом полного профессора. – Ученый, каким бы невежественным он ни был, никогда не позволит себе антропоморфизировать результаты исследования, если он, конечно, не совершеннейший кретин.

После этого вступления он прочитал блистательнейшую лекцию об индивидуальных особенностях нашей *системы познавания,* или *когнитивной системы* любого организма. Он обрушил на меня в своей вступительной лекции ливень идей и сделал их исключительно понятными и готовыми к применению. Самой свежей идеей для меня было то, что каждый субъект любого обитающего в этом мире вида интерпретирует окружающую действительность, пользуясь данными, полученными специализированными органами чувств. Он заявил, что человеческие существа не могут даже вообразить, что значит находиться в мире, где царствует эхолокация, в мире летучих мышей, где всякая постижимая точка отсчета не может быть даже осознана человеческим мозгом. Он разъяснил, что с этой точки зрения среди различных видов не может существовать двух одинаковых *когнитивных систем.*

Когда я покинул аудиторию после полуторачасовой лекции, я чувствовал себя покоренным блистательным интеллектом профессора Лорки. С этих пор я стал его горячим поклонником. Его лекции казались мне более чем стимулирующими и заставляющими мыслить. Это были единственные лекции, которых я всегда с нетерпением ждал. Вся его эксцентричность не значила для меня ровным счетом ничего в сравнении с его совершенством как преподавателя и мыслителя-новатора в сфере психологии.

До того как я начал посещать занятия профессора Лорки, я уже общался с доном Хуаном в течение двух лет. Мой неизменный стереотип поведения с ним заключался в том, что я обязательно рассказывал ему обо всем, что произошло со мной в обыденном мире. При первой возможности я открыл ему, что я испытываю к профессору Лорке. Я превозносил профессора Лорку до небес и даже открыто заявил дону Хуану, что считаю профессора примером для подражания. Казалось, что мое искреннее восхищение впечатлило дона Хуана, однако он произнес странное предупреждение.

– Не восхищайся людьми издалека, – сказал он. – Это самый верный способ создания мифа. Подойди к своему профессору поближе, поговори с ним, узнай, что он за человек. Проверь его. Если поведение профессора – не что иное, как результат убежденности в том, что он является существом, собирающимся умереть, тогда все, что бы он ни делал, – не важно, насколько странным бы это ни казалось, – должно быть предумышленным и окончательным. Если же это окажется всего лишь словами, то твой профессор со всей его философией яйца выеденного не стоит.

Я был оскорблен до глубины души тем, что счел нечуткостью дона Хуана. Я решил, что он слегка ревнует меня к профессору Лорке. Сформулировав в уме эту мысль, я почувствовал облегчение; я понял все.

– Скажи мне, дон Хуан, – попытался я закончить нашу беседу в иной тональности, – что это за существо, собирающееся умереть? Я слышал, как ты говорил об этом множество раз, но ты так и не разъяснил мне свою мысль.

– Человеческие существа – это существа, собирающиеся умереть, – сказал он. – Маги твердо придерживаются той точки зрения, что единственный способ ухватиться за ткань нашего мира и за наши в нем действия – это полностью принять факт, что мы существа, которые находятся на пути к смерти. Без приятия этого обязательного условия наши жизни, поступки, да и сам мир, в котором мы живем, – все это будет делом безнадежным.

– Но разве простое приятие этого так уж важно? – спросил я тоном протеста.

– Можешь поклясться в этом жизнью! – улыбнулся дон Хуан. – Однако фокус не в простом приятии этого условия. Мы должны воплотить это приятие и так прожить всю свою жизнь. Маги всех времен говорили, что мысль о смерти является самой отрезвляющей мыслью в мире. Извечная беда с нами, человеческими существами, состоит в том, что, даже не заявляя об этом, мы верим, что вошли в царство бессмертия. Вести себя так, словно мы вовсе не собираемся умирать, – ребячья дерзость. Но самым вредоносным является то, что приходит с этим «чувством бессмертия», – людям кажется, что они способны охватить своим разумом всю непостижимую Вселенную.

Невыносимое противостояние двух идей держало меня мертвой хваткой: мудрость дона Хуана и знание профессора Лорки. Обе идеи были трудными для постижения, всеобъемлющими и привлекательными. Мне ничего не оставалось делать, как плыть по течению, куда бы оно меня ни несло.

Я последовал последнему совету дона Хуана – сблизиться с профессором Лоркой. Целый семестр я пытался подойти к нему, поговорить с ним. Я благоговейно являлся в его кабинет, когда он там должен был находиться, но у него никогда не было для меня времени. И хотя я и не мог поговорить с ним, мое восхищение им не уменьшалось. Я даже смирился с тем, что он, возможно, никогда не побеседует со мной. Но это не имело для меня никакого значения. Важно было только то, что я мог почерпнуть из его невероятных лекций.

Я отчитывался перед доном Хуаном во всех моих интеллектуальных находках. Я прочел множество материалов по постижению. Дон Хуан настаивал упорно, как никогда, на том, чтобы я вступил в контакт с виновником моей интеллектуальной революции.

– Необходимо, чтобы ты поговорил с ним, – произнес он с настойчивой ноткой в голосе. – Маги никогда не восхищаются людьми в вакууме. Они говорят с ними, они узнают их. Они создают точки отсчета. Они сравнивают. А ты делаешь это совершенно по-детски. Ты восхищаешься на расстоянии. Это очень напоминает то, что происходит с мужчиной, который боится женщин. В конечном счете его гонады преодолевают все остальное и заставляют мужчину поклоняться первой встреченной особе женского пола, сказавшей ему «привет».

Я приложил двойное усилие, чтобы сблизиться с профессором Лоркой, но тот казался неприступной крепостью. Когда я поделился с доном Хуаном своими трудностями, он объяснил мне, что маги рассматривают любой вид человеческих взаимодействий как поле боя, – не важно, насколько те поверхностны или незначительны. На этом поле боя маги применяют свою лучшую магию, свои основные усилия. Он заверил меня, что для того, чтобы чувствовать себя свободно в подобной ситуации, необходимо встретиться с нашими противниками в открытую (а это никогда не было моей сильной стороной). Он выразил свое отвращение к робким душам, которые страшатся взаимодействия до такой степени, что, даже когда им приходится вступить в общение, они просто пытаются догадаться или вычисляют, что происходит, но так и не спо-

собны к активному постижению происходящего. Они вступают во взаимодействие, так и не став его частью.

– Всегда смотри на человека, который соревнуется с тобой в перетягивании каната, – продолжал он. – Не стоит просто тянуть канат на себя, взгляни ему в глаза. Тогда ты узнаешь, что он просто человек, как и ты сам. Не важно, что он говорит, не важно, что он делает, у него трясутся поджилки, точь-в-точь как и у тебя. Такой взгляд делает противника беспомощным хоть на мгновение. Тогда и дерни свой конец посильнее.

Однажды удача улыбнулась мне – я загнал профессора Лорку в угол в холле рядом с его кабинетом.

– Профессор Лорка, – сказал я, – не найдется ли у вас свободной минутки, чтобы побеседовать со мной?

– А кто ты, к черту, такой? – спросил он самым естественным тоном. Так, словно я был его лучшим другом, которого профессор спросил о его самочувствии.

Профессор Лорка был груб, как бывает грубым любой из нас, но его слова не оказали на меня такого эффекта. Он улыбался мне своими плотно сжатыми губами, словно предлагал мне уйти или сказать что-нибудь стоящее.

– Я студент антропологии, профессор Лорка, – отвечал я, – и та практическая деятельность, в которую я оказался вовлечен, позволяет мне изучать *когнитивную систему* магов.

Профессор Лорка смотрел на меня с подозрением и раздражением. Его глаза казались двумя синими точками, исполненными злобы. Он пригладил рукой волосы, словно те мешали ему видеть меня.

– Я работал с настоящим магом в Мексике, – продолжал я, стараясь добиться его ответа. – Он настоящий, уверяю вас. Мне потребовалось больше года для того, чтобы расположить его к себе. И тогда он снизошел к разговору со мной.

Лицо профессора Лорки расслабилось; он раскрыл рот и, взмахнув грациознейшим жестом рукой перед своими глазами, словно раскатывал тесто для пиццы, заговорил со мной. Я не мог не заметить его золотых эмалевых запонок, которые идеально подходили к его зеленоватому пиджаку.

– И что же ты хочешь от меня? – спросил он.

– Я хочу, чтобы вы выслушали меня, – отвечал я. – Возможно, то, что я делаю, сможет заинтересовать вас.

Он пожал плечами с видом человека, неохотно покорившегося неизбежному, открыл дверь своего кабинета и пригласил меня войти. Я знал, что не могу терять времени. Я рассказал ему о своей практической работе и о том, что меня обучили процедурам, не имеющим ничего общего с тем, что можно обнаружить в антропологической литературе по шаманизму.

Несколько секунд он производил движения губами, не произнося ни слова. Когда он наконец заговорил, я услышал, что типичный недостаток всех антропологов – то, что они никогда не уделяют достаточно времени полному постижению всех нюансов *когнитивной системы* изучаемых ими людей. Он определил *постижение* как систему интерпретаций, которая, благодаря ее применению, дает возможность индивидам с величайшим мастерством использовать все тонкости значений, которые создают интересующую нас социальную среду.

Слова профессора Лорки пролили свет на весь объем моих практических работ. Не освоив всех нюансов *когнитивной системы* шаманов Древней Мексики, с моей стороны было бы несерьезно формулировать какую бы то ни было идею об этом мире. Если бы профессор Лорка не сказал мне больше ни слова, того, что он только что изрек, хватило бы мне с лихвой. Но затем еще последовал очаровательный дискурс о *постижении*.

– Ваша проблема, – начал профессор Лорка, – состоит в том, что *когнитивная система* обыденного мира, с которым мы все знакомы практически с самого своего рождения, не является аналогичной *когнитивной системе* мира магов.

Это заявление вызвало во мне состояние эйфории. Я поблагодарил профессора Лорку самым сердечным образом и заверил его, что в моем случае остается придерживаться только одного образа действий, а именно: следовать его идеям везде и во всем.

– То, что я сообщил тебе, конечно, всего лишь общие сведения, – сказал он мне, провожая из своего кабинета. – Всякому читающему человеку известно то, о чем я тебе сказал.

Мы расстались почти друзьями. Рассказ о моем успешном сближении с профессором Лоркой вызвал у дона Хуана несколько странную реакцию. Казалось, с одной стороны дон Хуан пришел в приподнятое настроение, но с другой – он был заметно озабочен.

– У меня такое чувство, что твой профессор не тот, за кого себя выдает, – сказал он. – Это, конечно, с точки зрения магов. Пожалуй, с твоей стороны было бы мудро покончить со всем этим сейчас, пока все это не зашло слишком далеко. Одно из высших искусств магии – знание момента, когда нужно остановиться. Мне кажется, что ты уже получил от профессора все, что он мог тебе дать.

Я немедленно стал горой на защиту профессора Лорки. Дон Хуан успокоил меня. Он сказал, что вовсе не был намерен судить или критиковать кого-либо, но, насколько ему известно, лишь немногие знают, когда следует расстаться с кем-то, а тех, кто знает, как использовать свое знание, еще меньше.

Несмотря на предостережение дона Хуана, я не покончил с этим, наоборот, я стал преданным учеником профессора Лорки, его последователем, почитателем. Казалось, тот проникся искренним интересом к моей работе, хотя и приходил в полнейшее расстройство, столкнувшись с моей неспособностью и нежеланием формулировать отточенные концепции о *когнитивной системе* мира магов.

Однажды профессор Лорка сформулировал концепцию об *ученом-госте в иной когнитивный мир*. Он объявил, что желает продемонстрировать широту кругозора и, как ученый-социолог, поиграть с возможностями различных *когнитивных систем*. Он представил себе настоящее научное исследование, во время которого протоколы будут собираться и анализироваться. Психологические тесты будут составлены и предложены известным мне шаманам, чтобы, скажем, измерять их способность фокусировать постижение на двух различных аспектах поведения.

Он думал, что тест начнется с простого эксперимента, во время которого шаманы будут пытаться понять и запомнить написанный текст, который они будут читать во время игры в покер. Тесты будут постепенно усложняться, чтобы измерить, скажем, их способность фокусировать постижение на сложных вещах, которые им сообщают во время сна, и так далее. Профессор Лорка хотел, чтобы был проведен лингвистический анализ шаманской манеры произносить слова. Он хотел произвести замеры их реакций с точки зрения скорости и точности, а также иных особенностей, которые станут во главу угла по мере развития проекта.

Дон Хуан чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему о предложении профессора Лорки произвести замеры шаманского постижения.

– Меня действительно покорил твой профессор, – сказал он. – Но ты не мог говорить серьезно об этой идее «измерения нашего постижения». Чего мог добиться профессор, измерив наши реакции? Он пришел бы к выводу, что все мы форменные болваны, ведь на самом деле мы такие и есть. Мы не можем быть ни более умными, ни более быстрыми, чем обычные люди. Однако не его вина в том, что он считает, будто может проводить замеры постижения во всех мирах. Это твоя вина, так как ты не смог донести до ума своего профессора, что когда маги говорят о *мире постижения* шаманов Древней Мексики, то подразумевают вещи, которые не имеют аналогов в обыденной жизни.

К примеру, непосредственное восприятие потока энергии, проходящего сквозь Вселенную, – вот элемент постижения, согласно которому живут шаманы. Они *видят*, как течет энергия, и следуют за потоком. Если этот поток наталкивается на преграду, они уходят прочь и

занимаются совершенно иными делами. Шаманы *видят* линии Вселенной. Их искусство, их работа состоит в том, чтобы избрать линию, которая заведет их способность к восприятию в безымянные области. Можно сказать, что шаманы мгновенно реагируют на эти линии Вселенной. Они *видят* человеческие существа как шары энергии, и они ищут в них их энергетические потоки. Конечно же, они мгновенно реагируют на это. Такова часть их постижения.

Я сказал дону Хуану, что не могу говорить об этом с профессором Лоркой, так как не делал ничего из того, что он только что описал. Мое постижение осталось прежним.

– А! – воскликнул он. – Просто у тебя еще не было времени на то, чтобы воплотить элементы постижения шаманского мира.

Я покидал дом дона Хуана, совершенно запутавшись в мыслях. Какой-то голос внутри меня требовал, чтобы я завершил все свои изыскания с профессором Лоркой. Я понял, насколько прав был дон Хуан, когда однажды заявил, что все практические исследования, которыми занимаются ученые, ведут к созданию все более и более сложных машин. Это не те исследования, которые изменяют ход жизни человека изнутри. Они никак не связаны с возможностью человека достичь просторов Вселенной самостоятельно. Созданные или только создаваемые ошеломительные аппараты имели культурологическое значение. Даже их создатели не наслаждались ими непосредственно. Единственной наградой для них были деньги.

Разъяснив все это, дон Хуан добился того, что мой разум стал работать в более критическом ключе. Я даже стал сомневаться в идеях профессора Лорки – такого я никогда прежде себе не позволял. Тем временем профессор Лорка не уставал изрекать потрясающие истины о постижении. Каждая новая декларация была все строже и потому проникала все глубже в суть предмета.

К концу второго семестра моих занятий у профессора Лорки я достиг мертвой точки. Я не видел никакой возможности примирить две линии мышления – дона Хуана и профессора Лорки. Это были два параллельных пути. Я понимал побуждение профессора провести качественную и количественную оценку постижения. В то время уже замаячила на горизонте кибернетика, и практические аспекты изучения постижения становились реальностью. Иным был мир дона Хуана – его невозможно было измерить лабораторными методами. Мне посчастливилось стать свидетелем этого мира, наблюдая за действиями дона Хуана. Но я еще не испытал этого на собственном опыте. Я чувствовал, что это и есть тот недостаток, который не позволяет мне связать два эти мира.

Я рассказал о своих соображениях дону Хуану во время одного из моих визитов. Он возразил, что мое определение этого недостатка как фактора, не дающего возможности перебросить мост, является неточным. С его точки зрения, недочет выходил далеко за рамки индивидуальных возможностей человека.

– Возможно, ты сумеешь припомнить, что является нашим величайшим недостатком как обычных человеческих существ? – спросил он.

Я не мог вспомнить ничего определенного. Он перечислял такое количество недостатков, мешающих нам как обычным человеческим существам, что мой ум работал на огромных оборотах без всякого толка, пытаясь найти ответ.

– Ты хочешь услышать что-то определенное, – сказал я. – А я ничего не могу придумать.

– Величайший недостаток, о котором я говорю, – сказал он, – это нечто такое, о чем ты должен помнить каждую секунду своего существования. Для меня это вопрос вопросов, и я буду говорит тебе об этом, пока не прожужжу все уши.

Прошло несколько мучительно долгих секунд, и я окончательно сдался.

– Мы – существа, направляющиеся к смерти, – сказал он. – Мы не бессмертны. Но мы ведем себя так, как если бы были таковыми. Это недостаток, унижающий нас как личности, и когда-нибудь он унизит нас как вид.

Дон Хуан заявил, что преимущество магов перед обычными людьми заключается в том, что маги знают, что они существа, находящиеся на пути к смерти. И они не позволяют увлечь себя в сторону от этого знания. Он подчеркнул, что необходимо применить огромное усилие, чтобы обрести и поддерживать это знание с абсолютной ясностью.

– Почему же нам так трудно принять столь ясную мысль? – спросил я, смущенный осознанием нашей противоречивости.

– Собственно говоря, это не человеческий недостаток, – сказал он примирительно. – Как-нибудь я расскажу тебе о тех силах, которые заставляют человека вести себя, как осел.

Больше мне нечего было сказать. Воцарилась зловещая тишина. Мне вовсе не хотелось узнать о тех силах, на которые намекнул дон Хуан.

– Для меня не составляет труда оценить твоего профессора на расстоянии, – продолжал дон Хуан. – Он бессмертный ученый. Он не собирается умереть никогда. И когда дело дойдет до похоронных хлопот, я уверен, что окажется, что он уже предпринял все необходимые шаги. У него есть участок на кладбище, где его закопают, он приобрел надежный страховой полис, благодаря которому его семья не будет бедствовать после его смерти. Обзаведясь этими двумя документами, он считает, что может больше не думать о смерти. Он думает только о своей работе.

– Профессор Лорка силен в разговорах, поскольку научился точно подбирать слова, – продолжал дон Хуан. – Но он не подготовился к тому, чтобы его воспринимали всерьез как человека, направляющегося к смерти. Будучи бессмертным, он не знает, как это сделать. Не имеет никакого значения, насколько сложны машины, создаваемые учеными. Эти машины ничем не смогут помочь при неизбежной встрече – встрече с *бесконечностью*.

Нагваль Хулиан рассказывал мне о победоносных полководцах Древнего Рима. Когда они возвращались домой с победой, в их честь устраивались громадные парады. Демонстрируя захваченные сокровища и обращенных в рабов покоренных людей, триумфаторы въезжали в Рим на боевых колесницах. Рядом с победителем всегда ехал раб, чьей обязанностью было шептать на ухо хозяину, что все победы и слава преходящи.

– И если мы хоть в чем-то являемся победителями, – продолжал говорить дон Хуан, – нам не нужен человек, шепчущий на ухо, что все победы лишь временны. И все же у магов есть преимущество; некто постоянно шепчет им на ухо о том, что все бренно. И этот некто – смерть, безупречный советник, который никогда не солжет нам.

Глава 9. Сказать «спасибо»

– *Воины-странники* не оставляют ни одного долга неоплаченным, – сказал дон Хуан.

– О чем ты говоришь, дон Хуан? – спросил я.

– Тебе пора урегулировать определенные обязательства, которые ты принял на себя в течение жизни, – сказал он. – Помни, это не значит, что ты когда-нибудь полностью расплатишься, но ты должен сделать жест. Ты должен заплатить символически, чтобы все уладить и чтобы умиротворить *бесконечность.* Ты рассказал мне о двух твоих подругах, которые столько для тебя значили: Патриции Тернер и Сандре Фланеган. Тебе пора отправиться на их поиски и сделать каждой из них подарок, на который ты потратишь все, что имеешь. Тебе нужно сделать два подарка, которые оставят тебя без гроша. Это жест.

– Я не знаю, где они, дон Хуан, – сказал я, почти протестуя.

– Найти их – испытание для тебя. В их поиске не останавливайся ни перед чем. То, что ты намереваешься сделать, очень просто, и все же почти невозможно. Ты хочешь пересечь порог личных обязательств и одним ударом стать свободным, чтобы идти дальше. Если ты не сможешь пересечь этот порог, то не будет никакого смысла в попытках продолжать со мной.

– Но откуда у тебя взялась сама идея этого задания для меня? – спросил я. – Ты решил это сам, потому что считаешь, что так справедливо?

– Я ничего не решал сам, – сказал он сухо. – Я получил это задание из самой *бесконечности*. Мне нелегко говорить все это тебе. Если ты думаешь, что мне ужасно нравятся твои трудности, то ты ошибаешься. Успех твоей миссии значит больше для меня, чем для тебя. Если ты потерпишь поражение, ты мало что потеряешь. Что? Твои визиты ко мне. Большое дело. Но я потеряю тебя, и для меня это значит потерять или непрерывность моей линии, или возможность того, что ты закроешь ее золотым ключом.

Дон Хуан перестал говорить. Он всегда знал, когда мой ум начинало лихорадить от мыслей.

– Я столько раз говорил тебе, что *воины-странники* – прагматики, – продолжал он. – Они не погружены в сентиментальность, ностальгию или меланхолию. Для *воинов-странников* есть только борьба, и эта борьба бесконечна. Если ты думаешь, что пришел сюда за покоем или что это затишье в твоей жизни, то ты ошибаешься. Это задание по выплате твоих долгов не вызвано ни одним из чувств, которые тебе известны. Оно вызвано чистейшей *сентиментальностью*; сентиментальностью *воина-странника*, который собирается нырнуть в *бесконечность*, и перед тем, как это сделать, он оборачивается, чтобы сказать «спасибо» тем, кто был к нему благосклонен.

– Ты должен отнестись к этому заданию со всей серьезностью, – продолжал он. – Это твоя последняя остановка, прежде чем *бесконечность* примет тебя. Фактически, если *воин-странник* не находится в возвышеннейшем состоянии бытия, *бесконечность* не коснется его и десятифутовой жердью. Поэтому не жалей себя; не жалей никаких усилий. Добивайся этого *безжалостно*, но *мягко,* до самого конца.

С теми двумя женщинами, которых дон Хуан назвал моими подругами, так много значившими для меня, я познакомился в колледже. Я жил в помещении над гаражом дома, принадлежащего родителям Патриции Тернер. В обмен на проживание и питание я чистил бассейн, сгребал листья, выносил мусор и готовил завтрак для Патриции и для себя. К тому же я был домашним мастером на все руки и семейным шофером; я возил миссис Тернер за покупками и покупал ликер для мистера Тернера, который мне нужно было тайком проносить в дом, а потом в его кабинет.

Он руководил страховым агентством и был пьяницей-одиночкой. Он пообещал своей семье, что больше никогда не притронется к бутылке, после нескольких серьезных семейных

ссор из-за того, что он слишком много пил. Мне он сказал по секрету, что пьет теперь гораздо меньше, но иногда ему нужен глоточек. Его кабинет был, конечно, закрыт для всех, кроме меня. Считалось, что я захожу туда, чтобы сделать уборку, но на самом деле я прятал его бутылки в балку, которая вроде бы поддерживала арку на потолке кабинета, но на самом деле была полая. Мне нужно было тайком проносить туда бутылки, а пустые тайком выносить и по дешевке сбывать на рынке.

Основными предметами Патриции в колледже были драма и музыка, и она была великолепной певицей. Она мечтала петь в бродвейских мюзиклах. Не нужно и говорить, что я по уши влюбился в Патрицию Тернер. Она была очень стройной и спортивной; брюнетка с угловатыми чертами лица и на голову выше, чем я, – мое основное условие для того, чтобы сходить с ума по женщине.

По-видимому, я удовлетворял какую-то ее глубокую потребность, потребность кого-то воспитывать, особенно когда она поняла, что ее папочка безгранично мне доверяет. Она стала моей маленькой мамочкой. Я и рта не мог раскрыть без ее согласия. Она следила за мной, как ястреб. Она даже писала курсовые работы за меня, читала учебники и делала их краткий обзор. И мне нравилось это, не потому, что я хотел, чтобы меня воспитывали; мне кажется, что эта потребность никогда не была частью моего сознания. Я наслаждался тем, что это делала *она*. Я наслаждался ее обществом.

Она едва ли не каждый день водила меня в кино. У нее были пропуска во все большие кинотеатры Лос-Анджелеса, которые ее отец получил благодаря делам с какими-то киномагнатами. Мистер Тернер никогда не использовал их сам; он считал ниже своего достоинства выставлять напоказ пропуска в кино. Билетеры всегда заставляли владельцев таких пропусков подписывать квитанции. Патриция без малейших колебаний подписывала что угодно, но иногда самые неприятные билетеры хотели, чтобы подписался мистер Тернер, а когда я отправлялся к мистеру Тернеру и делал это, им не хватало одной только подписи мистера Тернера. Они требовали водительские права. Один из них, довольно развязный парень, как-то отпустил шутку, которая рассмешила его самого – и меня тоже, – но вызвала приступ ярости у Патриции.

– Мне кажется, вы мистер Терднер[12], – сказал он с самой противной улыбкой, которую только можно вообразить, – а не мистер Тернер.

Я мог бы пропустить мимо ушей это замечание, но затем он нас глубоко унизил, отказавшись пропустить на фильм *«Возвращение Геркулеса»* со Стивом Ривзом в главной роли.

Обычно мы ходили повсюду с лучшей подругой Патриции, Сандрой Фланеган, которая жила со своими родителями в соседнем доме. Сандра была полной противоположностью Патриции. Она была такой же высокой, но ее лицо было округлым, с розовыми щеками и чувственным ртом; она была здоровее быка. Она ничуть не интересовалась пением. Она интересовалась только чувственными удовольствиями тела. Она могла есть и пить что угодно, и переваривать это, и к тому же – то, из-за чего я окончательно влюбился в нее, – отполировав свою тарелку, она ухитрялась делать то же самое и с моей, чего я никогда не мог сделать за всю свою жизнь как разборчивый едок. Она тоже была очень спортивной, но в грубом, здоровом смысле. Она могла ударить кулаком, как мужчина, и пнуть ногой, как мул.

Из симпатии к Патриции, я выполнял ту же работу по дому для родителей Сандры, что и для родителей Патриции: чистил бассейн, сгребал листья с газона, выносил мешки с мусором и сжигал бумаги и горючий мусор. Это было то время в Лос-Анджелесе, когда из-за частных мусоросжигателей увеличилось загрязнение воздуха.

Может быть, из-за того, что эти девушки были рядом, или из-за их непринужденности, – но в конце концов я без ума влюбился в них обеих.

---

[12] В оригинале игра слов: «Turner» – «Тернер» и «turd» – «дерьмо» *(англ.)*. – *Прим. перев.*

Я обратился за советом к очень странному молодому человеку, который был моим другом: Николасу ван Хутену. У него были две подружки, и он жил с ними обеими, казалось, в состоянии совершенного блаженства. Он начал с того, что дал мне, по его словам, самый простой совет: как вести себя в кино с двумя подружками. Он сказал, что каждый раз, когда он ходил в кино с двумя своими подружками, он всегда сосредоточивал все свое внимание на той, которая сидела слева. Вскоре две девушки шли в уборную, и когда они возвращались, он просил их поменяться местами. Анна садилась там, где сидела Бетти, и ни одна из них не была обижена.

Он заверил меня, что это первый шаг в продолжительном процессе привыкания девушек к принятию ситуации трио как само собой разумеющейся; Николас был довольно старомодным и использовал избитое французское выражение: *ménage à trois*[13].

Я последовал его совету и пошел в кинотеатр немых фильмов на Фэрфакс-авеню в Лос-Анджелесе с Патрицией и Сэнди. Я посадил Патрицию слева от себя и одарил ее всем своим вниманием. Они пошли в уборную, и я попросил их поменяться местами, когда они вернулись. Потом я начал делать то, что посоветовал Николас ван Хутен, но Патриция не собиралась мириться с такими шутками. Она встала и вышла из кино в дикой ярости, оскорбленная и униженная. Я хотел побежать за ней и извиниться, но Сандра остановила меня.

– Пусть идет, – сказала она с ядовитой улыбкой. – Она уже большая девочка. У нее достаточно денег, чтобы взять такси и добраться до дома.

Я поддался ей и остался в кино, целуя Сандру довольно нервно и с чувством вины. Посреди страстного поцелуя я почувствовал, что кто-то тянет меня назад за волосы. Это была Патриция. Наш ряд сидений был незакреплен и наклонился назад. Спортивная Патриция успела выпрыгнуть перед тем, как наши сиденья с грохотом свалились на ряд сидений за нами. Я услышал испуганные крики двух зрителей, которые сидели в конце ряда возле прохода.

Подсказка Николаса ван Хутена оказалась никуда не годной. Патриция, Сандра и я возвратились домой в полном молчании. Мы уладили наш конфликт под кучу нелепых обещаний, слез, в общем, по полной программе. Результатом наших трехсторонних отношений было то, что в конце концов мы довели себя до предела. Мы не были готовы к такой задаче. Мы не знали, как решить проблемы привязанности, морали, долга и общественных норм. Я не мог оставить ни одну из них ради второй, а они не могли оставить меня. Однажды, в пиковой точке огромной внутренней бури, из чистого отчаяния все мы трое разбежались в разных направлениях, чтобы больше никогда не встречаться.

Я чувствовал себя опустошенным. Что бы я ни делал, ничто не могло стереть их след в моей жизни. Я уехал из Лос-Анджелеса и занялся бесконечными делами, пытаясь утихомирить свою тоску. Ничуть не преувеличивая, я могу искренне сказать, что я испытывал муки ада; мне казалось, что я никогда из них не выберусь. Если бы не влияние дона Хуана на меня и мою жизнь, я бы просто не смог вынести пыток моих личных демонов. Я сказал дону Хуану, что, даже если какие-то мои поступки неправильны, я не имею права вовлекать таких чудесных людей в столь подлые, глупые авантюры, к которым я совершенно не готов.

– Неправильным было то, – сказал дон Хуан, – что вы трое были законченными эгоистами. Ваша собственная важность почти уничтожила вас. Когда нет собственной важности, есть только чувства.

– Окажи мне услугу, – продолжал он, – и выполни простое и недвусмысленное упражнение, которое может значить для тебя все: удали из своей памяти об этих двух девушках все свои суждения, например: «Она сказал мне это или то, и она закричала, и вторая закричала, и, БОЖЕ МОЙ!», а останься на уровне своих чувств. Если бы ты не был настолько важным для себя, то что бы осталось как несократимый остаток?

---

[13] Жизнь втроем, любовный треугольник *(фр.)*. – *Прим. перев.*

– Моя чистая любовь к ним, – сказал я, почти задыхаясь.

– А она сейчас меньше, чем была тогда? – спросил дон Хуан.

– Нет, не меньше, дон Хуан, – сказал я честно и почувствовал ту же боль страдания, которая преследовала меня годами.

– На этот раз обними их из своей тишины, – сказал он. – Не будь постной задницей. Обними их в последний раз. Но *намеревай*, чтобы это был вообще последний раз. *Намеревай* так из своей темноты. Если ты чего-то стоишь, – продолжал он, – то, когда ты сделаешь им свой подарок, ты дважды подытожишь всю свою жизнь. Такие поступки и делают воинов парящими, почти воздушными.

Следуя указаниям дона Хуана, я отнесся к этой задаче со всем сердцем. Я понял, что если не выйду победителем, то проиграет не только дон Хуан. Я тоже что-то потеряю. И то, что я могу потерять, было настолько же важно для меня, как и для дона Хуана. Я мог потерять свой шанс встретиться с *бесконечностью* и осознать ее.

Воспоминание о Патриции Тернер и Сандре Фланеган привело меня в ужасное настроение. Опустошающее чувство непоправимой потери, которое преследовало меня все эти годы, оставалось таким же ярким. Когда дон Хуан обострил это чувство, я знал точно и без слов дона Хуана, что есть определенные вещи, которые могут оставаться с нами на всю жизнь и, возможно, еще дольше. Мне нужно было найти Патрицию Тернер и Сандру Фланеган. Последний совет дона Хуана был в том, что, если я их все же найду, мне нельзя с ними оставаться. У меня есть время только на то, чтобы поблагодарить, обнять каждую из них со всей моей любовью, без злых голосов обвинения, жалости к себе или эгоизма.

Я приступил к колоссальной задаче – выяснить, что с ними и где они. Я начал с поиска людей, которые знали их родителей. Родители обеих выехали из Лос-Анджелеса, и никто не мог подсказать мне, где их можно найти. Не было никого, с кем бы можно было поговорить. Я подумал о том, чтобы поместить объявление в газете. Но потом я решил, что, наверное, они уехали из Калифорнии. В конце концов мне пришлось нанять частного детектива. С помощью своих связей с государственными архивами и всем прочим он нашел их за пару недель.

Они жили в Нью-Йорке, невдалеке друг от друга, и их дружба оставалась такой же крепкой, как и раньше. Я поехал в Нью-Йорк и сначала занялся Патрицией Тернер. Она не смогла добиться славы на Бродвее, к которой стремилась, однако все же участвовала в постановках. Я не хотел узнавать, кем она работает – исполнителем или руководителем. Я пришел к ней в ее офис. Она не сказала мне, кем она работает. Она была потрясена, увидев меня. Мы просто сидели, взявшись за руки, и плакали. Я тоже не сказал ей, чем занимаюсь. Я сказал, что приехал встретиться с ней, потому что хочу сделать ей подарок, выразив свою благодарность, и что я отправляюсь в путешествие, возвращаться из которого не намерен.

– Зачем такие зловещие слова? – спросила она, явно искренне встревожившись. – Что ты планируешь делать? Ты болен? Ты не выглядишь больным.

– Я сказал это метафорически, – заверил я ее. – Я возвращаюсь в Южную Америку и собираюсь искать там свою судьбу. Конкуренция жесткая, и обстоятельства очень суровые, вот и все. Чтобы достичь успеха, мне нужно будет отдать этому все, что у меня есть.

Она вроде бы успокоилась и обняла меня. Она выглядела так же, только гораздо больше, гораздо мощнее, гораздо взрослее, очень изящная. Я поцеловал ее руки, и ошеломляющая любовь охватила меня. Дон Хуан был прав. Когда исчезли упреки и обвинения, у меня остались только чувства.

– Я хочу сделать тебе подарок, Патриция Тернер, – сказал я. – Попроси меня о чем угодно, и, если мне это по карману, я куплю это для тебя.

– Ты что, вдруг разбогател? – засмеялась она. – Что в тебе замечательно, так это то, что у тебя никогда ничего не было и не будет. Мы с Сандрой говорим о тебе почти каждый день. Мы

воображаем, что ты паркуешь машины, живешь за счет женщин, и так далее, и тому подобное. Извини, мы с трудом держимся на плаву, но мы все так же любим тебя.

Я настоял, чтобы она сказала мне, чего она хочет. Она начала одновременно плакать и смеяться.

– Ты мне купишь норковую шубу? – спросила она меня между всхлипываниями.

Я взъерошил ее волосы и сказал, что куплю.

– Если она тебе не понравится, отнесешь ее обратно в магазин и получишь деньги, – сказал я.

Она засмеялась и стукнула меня так, как раньше. Ей нужно было возвращаться к работе, и мы расстались. Я пообещал, что приду еще, чтобы встретиться с ней, но, если не вернусь, прошу ее понять, что моя жизнь швыряет меня во все стороны. Однако я сохраню память о ней на всю оставшуюся жизнь и, может быть, даже дольше.

Я действительно вернулся, но только чтобы увидеть издалека, как ей доставили норковую шубу. Я услышал, как она визжит от восторга. Эта часть моего задания была закончена. Я уехал, но не стал воздушным, как говорил дон Хуан. Я вскрыл старую рану, и она начала кровоточить. Это был скорее не дождь снаружи, а тонкий туман, который, казалось, пронизывал меня до мозга костей.

Потом я поехал к Сандре Фланеган. Она жила в одном из пригородов Нью-Йорка, куда можно было доехать на электричке. Я постучал к ней в дверь. Сандра открыла ее и посмотрела на меня, как на привидение. Она сильно побледнела. Она была еще красивей, чем раньше, возможно из-за того, что поправилась и выглядела большой, как дом.

– Как, ты, ты, ты! – сказала она, запинаясь, не в состоянии выговорить мое имя.

Она зарыдала, и некоторое время казалась возмущенной и укоряющей. Я не дал ей возможности продолжать это. Мое молчание было полным. В конце концов это подействовало и на нее. Она впустила меня, и мы присели в ее комнате.

– Что ты здесь делаешь? – сказала она намного спокойнее. – Тебе нельзя здесь оставаться! Я замужем! У меня трое детей! И я очень счастлива в своем браке.

Быстро выстреливая слова, как пулемет, она рассказала мне, что ее муж очень надежный, без особого воображения, но хороший человек, что он не чувственный, и ей приходилось быть очень осторожной, потому что он очень легко уставал, когда они занимались любовью, и иногда он не мог идти на работу, и легко заболевал, но она смогла родить троих прекрасных детей, и после ее третьего ребенка ее муж – которого, кажется, звали Герберт – просто перестал это делать. Он больше не мог, но для нее это не имело значения.

Я постарался успокоить ее, заверяя снова и снова, что я приехал к ней только на минутку, что не в моих намерениях менять ее жизнь или как-то ее беспокоить. Я рассказал ей, как тяжело было ее найти.

– Я пришел сюда, чтобы попрощаться с тобой, – сказал я, – и сказать тебе, что ты самая большая любовь в моей жизни. Я хочу сделать тебе символический подарок в знак моей признательности и вечной любви.

Она была глубоко растрогана. Она открыто улыбнулась так, как раньше. Из-за щели между зубами она была похожей на ребенка. Я сказал ей, что она прекрасна как никогда, и это было правдой.

Она засмеялась и сказала, что собирается сесть на строгую диету и что, если бы она знала, что я к ней приеду, она бы уже давно начала худеть. Но она начнет сейчас, и в следующий раз я увижу ее такой же худой, как всегда. Она вспомнила об ужасе нашей жизни вместе и как сильно влюблена она была. Она даже думала о самоубийстве, хотя и была набожной католичкой, но нашла в своих детях нужное ей утешение, и все, что мы сделали, было проделками молодости, которые нельзя будет стереть, и их нужно просто забыть.

Когда я спросил ее, какой подарок я могу ей сделать как символ моей благодарности и любви к ней, она засмеялась и сказала точно то же, что и Патриция Тернер: что у меня нет даже ночного горшка, и не будет, потому что так я устроен. Я настоял, чтобы она что-то назвала.

– Ты можешь купить мне микроавтобус, в который поместятся все мои дети? – сказала она, смеясь. – Я хочу «понтиак» или «олдсмобиль», со всеми этими приспособлениями.

Она сказала это, зная в глубине сердца, что я никак не могу сделать ей такой подарок. Но я сделал.

На следующий день я повел машину торгового агента, следуя за ним, когда он доставил ей микроавтобус, и из припаркованной машины, где я прятался, я услышал ее удивление; но, в согласии с ее чувственной природой, ее удивление было нерадостным. Это была реакция тела, всхлипывания с болью, замешательство. Она заплакала, но я знал, что она плачет не потому, что получила подарок. Это была тоска, которая отзывалась во мне. Я обвис на сиденье машины.

Когда я ехал на электричке в Нью-Йорк и потом летел в Лос-Анджелес, постоянно присутствовало ощущение, будто моя жизнь уходит; она вытекала из меня, как песок из пригоршни. Я не чувствовал себя освобожденным или изменившимся, сказав «спасибо» и «до свидания». Совсем наоборот, я глубже, чем когда-либо, почувствовал груз этой странной любви. Мне хотелось рыдать. Снова и снова в моем уме прокручивались названия – те, что мой друг Родриго Каммингс придумал для книг, которые так и не были никогда написаны. Он специализировался на придумывании названий. Его самым любимым было *«Мы все умрем в Голливуде»*; еще одним – *«Мы никогда не изменимся»*, а моим любимым, которое я купил за десять долларов, было *«Из жизни и грехов Родриго Каммингса»*. Все эти названия проигрывались в моем уме. Я был Родриго Каммингсом, я застрял во времени и пространстве, и я любил больше жизни двух женщин, и *это никогда не изменится*. И, как и все мои друзья, *я умру в Голливуде.*

Я рассказал все это дону Хуану в своем отчете о том, что считал своим ложным успехом. Он безжалостно отбросил все это. Он сказал, что мои чувства были всего лишь результатом индульгирования и жалости к себе, а чтобы сказать «до свидания» и «спасибо», действительно имея это в виду, и подтвердить это, магам нужно переделать себя.

– Сейчас же преодолей свою жалость к себе, – потребовал он. – Преодолей идею, что тебе причинили боль, – и что у тебя будет как несократимый остаток?

Моим несократимым остатком было чувство, что я сделал свой окончательный подарок им обеим. Не в духе возобновления чего-то или причинения кому-то вреда, а в истинном духе того, на что дон Хуан старался мне указать, – в духе *воина-странника*. Чье единственное достоинство в том, чтобы поддерживать память о тех, кто на него повлиял, чей единственный способ сказать «спасибо» и «до свидания» с помощью магического действия – это хранить в своем *безмолвии* всех, кого любил.

Часть III. За пределами синтаксиса

Глава 10. Пропуск

Я крепко спал на своей кровати в доме дона Хуана в Соноре, когда он разбудил меня. Я практически всю ночь оставался на ногах, обдумывая концепции, которые он мне объяснил.

– Ты достаточно отдохнул, – сказал он, твердо, почти грубо встряхивая меня за плечи. – Не индульгируй в своей усталости. Твоя усталость – это больше чем усталость, это желание, чтобы тебя не беспокоили. Что-то в тебе возмущается тем, что тебя беспокоят. Но тебе крайне важно раздражать эту твою часть, пока она не сломается. Давай пойдем прогуляемся.

Дон Хуан был прав. Какая-то моя часть чрезвычайно возмущалась, когда ее беспокоили. Я несколько дней хотел спать и не думать больше о магических концепциях дона Хуана. Совершенно против своей воли я поднялся и пошел за ним. Дон Хуан приготовил еду, которую я жадно съел, как будто голодал несколько дней, а потом мы вышли из дома и направились на восток, к горам. Я был настолько сонным, что не замечал, что сейчас раннее утро, пока не увидел солнца, которое взошло как раз над восточной горной цепью. Я хотел съехидничать и сказать дону Хуану, что проспал всю ночь без движения, но он заставил меня замолчать. Он сказал, что мы идем в экспедицию в горы на поиски каких-то растений.

– Дон Хуан, что ты собираешься делать с растениями, которые соберешь? – спросил я его, как только мы отправились в путь.

– Они не для меня, – сказал он с улыбкой. – Они для моего друга, ботаника и аптекаря. Он делает из них настойки.

– Он что, яки, дон Хуан? Он живет здесь, в Соноре? – спросил я.

– Нет, он не яки и не живет здесь, в Соноре. Ты когда-нибудь с ним встретишься.

– Дон Хуан, он что, маг?

– Да, он маг, – сухо ответил он.

Я спросил его, можно ли взять несколько растений, чтобы определить их в ботаническом саду Калифорнийского университета.

– Конечно, конечно! – сказал он.

В прошлом я обнаружил, что каждый раз, когда он говорит «конечно», он не собирается этого делать. Очевидно, он и не собирался давать мне образцы для определения. Мне было очень любопытно узнать о его друге-маге, и я попросил больше рассказать о нем; может быть, описать его, сказать, где он живет и как дон Хуан с ним познакомился.

– Тпру, тпру, тпру! – сказал дон Хуан, как будто я был лошадью. – Хватит, хватит! Ты кто? Профессор Лорка? Ты хочешь изучить его когнитивную систему?

Мы углубились в бесплодные предгорья. Дон Хуан шел без остановок несколько часов. Я подумал, что заданием этого дня будет просто идти. В конце концов он остановился и сел на затененной стороне предгорий.

– Тебе пора начать один из самых больших магических проектов, – сказал дон Хуан.

– О каком магическом проекте ты говоришь, дон Хуан? – спросил я.

– Он называется *перепросмотром* – древние маги называли его *пересказыванием событий своей жизни*, и для них это началось как простая техника, вспомогательное средство для *вспоминания* того, что они делали и говорили своим ученикам. Для их учеников эта техника имела ту же ценность: она позволяла им вспоминать, что их учителя сказали и сделали. Потребовались ужасные социальные потрясения, – например, несколько раз быть завоеванными и побежденными, – прежде чем маги древности поняли, что их техника имеет куда более далеко идущие последствия.

– Дон Хуан, ты говоришь о завоевании испанцами? – спросил я.

– Нет, – сказал он. – Это было только завершающей нотой. Были и другие потрясения до этого, более разрушительные. Когда испанцы сюда добрались, магов древности уже не было. Их ученики, пережившие и другие потрясения, были к тому времени очень осмотрительными. Они знали, как о себе позаботиться. Именно это новое поколение магов переименовало технику магов древности и назвало ее *перепросмотром*.

– Время стоит необыкновенно дорого, – продолжал он. – Для магов время материально. Вызов для меня состоит в том, что за очень сжатое время я должен впихнуть в тебя все, что известно о магии как абстрактном проекте, но, чтобы это сделать, мне нужно выстроить в тебе необходимое для этого пространство.

– Какое пространство? О чем ты говоришь, дон Хуан?

– Маги уверены, что, для того чтобы внести что-то, должно быть пространство, куда можно это вносить, – сказал он. – Если ты наполнен до краев предметами повседневной жизни, то нет места ни для чего нового. Это пространство нужно выстроить. Ты понимаешь, что я имею в виду? Маги древности считали, что *перепросмотр* своей жизни создает это пространство. Он действительно делает это и, конечно, еще очень многое.

– Маги выполняют *перепросмотр* очень формальным способом, – продолжал он. – Он состоит в составлении списка всех людей, которых они встречали, от настоящего времени до самого начала их жизни. Когда у них есть этот список, они берут первого человека в нем и вспоминают все, что могут, об этом человеке. И я имею в виду все, каждую деталь. Лучше *перепросматривать* от настоящего к прошлому, потому что воспоминания настоящего свежи, и таким образом обостряется способность *вспоминать*. Практикующие занимаются тем, что *вспоминают* и дышат. Они медленно и осознанно вдыхают, помахивая головой, как веером, справа налево, едва заметным поворотом, и аналогично выдыхают.

Он сказал, что вдохи и выдохи должны быть естественными; если они слишком быстрые, можно войти в режим того, что он назвал *утомляющим дыханием,* – дыханием, после которого нужно нормально дышать, чтобы успокоить мышцы.

– И что ты предлагаешь мне делать со всем этим, дон Хуан? – спросил я.

– Начни сегодня составлять свой список, – сказал он. – Раздели его по годам, по профессиям, составь его в любом порядке, но сделай его последовательным, начиная с самого недавнего человека и заканчивая матерью и отцом. А затем вспомни все о них. Хватит разговоров. По мере практики ты поймешь, что ты делаешь.

* * *

В мой следующий визит в дом дона Хуана я сказал ему, что добросовестно занимался прохождением через события моей жизни и что мне очень трудно придерживаться такой жесткой формы и идти по списку людей по очереди. Как правило, мой *перепросмотр* швырял меня во все стороны. Я позволял событиям определять направление моего *вспоминания*. Я по своей воле стал придерживаться широких отрезков времени. Например, я начал с людей с факультета антропологии, но позволил своим воспоминаниям переносить меня куда угодно во времени, из настоящего до того дня, когда я начал учиться в подготовительной школе при Калифорнийском университете.

Я рассказал дону Хуану, что обнаружил странную вещь, которую совершенно забыл, – что мне и в голову не приходило поступать в UCLA, пока однажды соседка моей подружки по колледжу не приехала в Лос-Анджелес и мы не встретили ее в аэропорту. Она собиралась изучать музыковедение в UCLA. Ее самолет прибыл после обеда, и она попросила меня, чтобы я отвез ее в университет, чтобы взглянуть на то место, где она собирается провести следующие

четыре года своей жизни. Я знал, где университет, потому что много раз проезжал мимо его ворот на бульваре Сансет по дороге на пляж. Но я никогда не бывал в самом кампусе.

Это было во время каникул между семестрами. Несколько человек, которых мы расспрашивали, направили нас к музыкальному факультету. Университетский городок был безлюден, но я с интересом наблюдал настолько необыкновенные вещи, каких никогда прежде не видел. Это был праздник для моих глаз. Казалось, что здания живут какой-то собственной энергией. Предполагаемое беглое знакомство с музыкальным факультетом превратилось в огромное турне по всей территории университета. Я влюбился в Калифорнийский университет. Я сказал дону Хуану, что единственной вещью, омрачавшей мой восторг, было раздражение моей подруги, вызванное тем, что я хотел обойти всю огромную территорию университета.

– Какого черта ты здесь ищешь? – закричала она, возражая мне. – Как будто ты никогда в жизни не видел университетов! Когда увидел один, увидел их все. Мне кажется, ты просто стараешься впечатлить мою подружку своей чувствительностью!

Я не старался, и горячо сказал им, что искренне впечатлен красотой окружающей обстановки. Я чувствовал столько надежды в этих зданиях, столько обещаний, и все же я не мог выразить своего субъективного состояния.

– Я училась почти всю жизнь, – сказала моя подруга сквозь зубы, – и меня тошнит от этого, я устала. Никто здесь ни черта не найдет! Здесь только пустая болтовня, и они даже не готовят человека справляться со своими обязанностями в жизни.

Когда я сказал, что хотел бы здесь учиться, она еще больше разъярилась.

– Иди работать! – закричала она. – Пойди и справься с жизнью с восьми до пяти, и брось эту чушь! Это и есть жизнь: работа с восьми до пяти, сорок часов в неделю! Посмотришь, что это тебе даст! Взгляни на меня – теперь я суперобразованна, но я не гожусь для работы.

Я знал только, что никогда не видел столь прекрасного места. И тогда я пообещал себе, что во что бы то ни стало пойду учиться в UCLA. Мое желание имело прямое отношение ко мне самому, но все же оно было продиктовано не потребностью в удовольствии. Оно было скорее из области благоговения.

Я сказал дону Хуану, что раздражение моей подружки настолько покоробило меня, что заставило взглянуть на нее новыми глазами, и, насколько я помню, чьи-то слова впервые вызвали во мне такую глубокую реакцию. Я увидел в ней черты характера, которых раньше не замечал, черты, которые меня до смерти напугали.

– Наверное, я составил о ней ужасное мнение, – сказал я дону Хуану. – После нашего визита в университет мы отдалились друг от друга. Как будто Калифорнийский университет вошел между нами как клин. Я знаю, что глупо так думать.

– Это не глупо, – сказал дон Хуан. – Это совершенно обоснованная реакция. Я уверен, что, когда ты ходил по университетскому городку, ты встретился с *намерением*. Ты *намеревал* там быть, и тебе нужно было отбросить все, что мешало этому.

– Но не перестарайся с этим, – продолжал он. – Хотя прикосновение *воинов-странников* и способно меняться, но обычно оно должно быть едва уловимым. Рука *воина-странника* из тяжелых железных тисков превращается в руку привидения, руку из осенних паутинок. *Воины-странники* не оставляют никаких отметок и следов. В этом – вызов для *воинов-странников*.

Комментарий дона Хуана погрузил меня в глубокое и мрачное состояние самообвинений, поскольку из своего небольшого *пересказа* я узнал, что у меня очень тяжелая хватка, я навязчив и деспотичен. Я сказал дону Хуану о своих размышлениях.

– Сила *перепросмотра*, – сказал дон Хуан, – в том, что он расшевеливает весь мусор, накопившийся в человеческой жизни, и выносит его на поверхность.

Затем дон Хуан описал тонкости *осознания* и *восприятия*, на которых основан *перепросмотр*. Вначале он сказал, что сейчас познакомит меня с системой концепций, которые я ни в коем случае не должен считать чисто теоретическими, поскольку эта система выработана

шаманами Древней Мексики в результате непосредственного видения текущей во Вселенной энергии. Он предупредил, что познакомит меня с элементами этой системы, не делая ни малейшей попытки классифицировать или выстраивать их по какому-то заранее установленному стандарту.

– Меня не интересуют классификации, – продолжал он. – Ты всю жизнь все классифицировал. Теперь и тебе придется избегать классификаций. Недавно, когда я спросил тебя, что ты знаешь о тучах, ты рассказал мне названия всех туч и процент влажности, ожидаемый от каждой из них. Ты был настоящим метеорологом. Но когда я спросил, знаешь ли ты, что ты лично можешь сделать с этими тучами, ты просто не понял, о чем я говорю.

– У классификаций есть свой собственный мир, – продолжал он. – Когда начинаешь классифицировать что-то, классификация оживает и начинает тобой управлять. Но классификации не были созданы как энергодающие вещи, они всегда остаются мертвыми бревнами. Это не деревья; это просто бревна.

Он объяснил, что маги Древней Мексики *увидели*, что вся Вселенная состоит из энергетических полей в форме светящихся нитей. В какую бы сторону они ни *смотрели*, они *видели* мириады этих нитей. Они также *увидели*, что эти энергетические поля структурируются в потоки светящихся волокон, – потоки, которые являются постоянными, вечными силами Вселенной, и что эти маги назвали *темным морем осознания*, или *Орлом,* поток нитей, относящийся к *перепросмотру*.

Он добавил, что, как выяснили эти маги, каждое живое существо во Вселенной прикреплено к *темному морю осознания* круглым светящимся пятном, которое заметно, когда эти существа воспринимаются как энергия. Дон Хуан сказал, что в этом световом пятне, которое маги Древней Мексики назвали *точкой сборки*, с помощью загадочного аспекта *темного моря осознания* собирается восприятие.

Дон Хуан заявил, что в *точке сборки* человека сходятся и проходят через нее в форме светящихся нитей мириады энергетических полей со всей Вселенной. Эти энергетические поля преобразуются в чувственное восприятие, а сенсорные данные затем интерпретируются и воспринимаются как известный нам мир.

Кроме того, дон Хуан объяснил, что именно *темное море осознания* превращает светящиеся нити в воспринимаемую информацию. Маги *видят* это превращение и называют его *свечением осознания* – это сияние, которое распространяется как гало вокруг *точки сборки*. Тут он предупредил меня, что сейчас скажет то, что, по мнению магов, важнее всего для понимания масштабов *перепросмотра*.

Необычным образом подчеркивая свои слова, он сказал, что то, что мы называем *чувствами*, – не что иное, как разные степени осознания. Он настаивал на том, что если мы согласны, что наши чувства – это *темное море осознания*, то нам нужно признать, что и интерпретация, которую чувства создают из сенсорных данных, – тоже *темное море осознания*. Он подробно объяснил, что наше отношение к окружающему миру есть результат человеческой системы интерпретаций, которой оснащен каждый человек. Он также сказал, что каждому живому организму нужно иметь систему интерпретаций, которая позволяет ему функционировать в окружающей обстановке.

– Маги, которые появились после апокалипсических потрясений, о которых я тебе рассказывал, – продолжал он, – *увидели*, что в момент смерти *темное море осознания* как бы всасывает через *точку сборки* осознание живых существ. Они также увидели, что *темное море осознания* на мгновение, так сказать, колеблется, когда встречается с магами, которые выполнили *перепросмотр* своей жизни. Еще не зная об этом, некоторые из них сделали это настолько тщательно, что *море осознания* взяло их осознание в форме их жизненных переживаний, но не коснулось их жизненной силы. Маги обнаружили колоссальную истину о силах Вселенной:

темному морю осознания нужны только наши жизненные переживания, а не наша жизненная сила.

Предпосылки объяснений дона Хуна оставались для меня непостижимыми. Хотя, возможно, точнее будет сказать, что я смутно и вместе с тем глубоко осознавал, насколько они функциональны.

– Маги верят, – продолжал дон Хуан, – что по мере *перепросмотра* нашей жизни весь мусор, как я уже говорил, всплывает на поверхность. Мы осознаем свои противоречия, свои повторения, но что-то в нас при этом оказывает огромное сопротивление *перепросмотру*. Маги говорят, что дорога свободна только после колоссального потрясения; после появления на экране воспоминания о событии, которое сотрясает наши основы ужасающей отчетливостью деталей. Это событие поистине тащит нас к тому самому моменту, когда мы его пережили. Маги называют это событие *пропуском*, ибо после него каждое событие, к которому мы прикасаемся, *переживается заново*, а не просто вспоминается.

– Ходьба всегда была чем-то таким, что ускоряет вспоминание, – продолжал дон Хуан. – Маги Древней Мексики считали, что мы храним все, что пережили, в виде ощущений на задней стороне ног. Они считали задние стороны ног складом личной истории человека. Так что давай сейчас пройдемся по холмам.

Мы ходили, пока не стало почти темно.

– Я думаю, что заставил тебя ходить достаточно долго, – сказал дон Хуан, когда мы вернулись в дом, – чтобы ты приготовился начать этот маневр магов по обнаружению *пропуска*. Это некое событие твоей жизни, которое ты вспомнишь с такой отчетливостью, что оно послужит прожектором для освещения всего остального в твоем *перепросмотре* с такой же или сравнимой отчетливостью. Сделай то, что маги называют *перепросмотром частей головоломки*. Что-то приведет тебя к вспоминанию события, которое послужит тебе *пропуском*.

Он оставил меня одного, дав одно последнее предупреждение.

– Попади точно в цель, – сказал он. – Сделай все, что в твоих силах.

Какое-то мгновение я был очень спокоен – наверное, из-за тишины вокруг. Затем я испытал вибрацию, нечто вроде толчка в груди. Мне было трудно дышать, но вдруг в моей груди раскрылось что-то, позволившее мне глубоко вдохнуть, и в мою память ворвалась, как будто ее держали взаперти и вдруг освободили, вся панорама забытого события из моего детства.

* * *

Мне было тогда почти девять лет, и я находился в кабинете моего дедушки, где у него стоял бильярдный стол. Мы с ним играли в бильярд. Мой дед был очень искусным игроком. Из-за своей увлеченности он учил меня всем известным ему комбинациям, пока я не овладел ими настолько, что стал для него серьезным соперником. Мы проводили бесконечные часы, играя в бильярд. Я достиг такого мастерства, что однажды даже выиграл у него. С этого дня он больше не мог выигрывать. Много раз я специально проигрывал, просто из хорошего отношения к нему, но он знал это и страшно злился на меня. Однажды он так расстроился, что ударил меня кием по макушке.

К досаде и восторгу моего дедушки, я к девяти годам мог выполнять карамболь за карамболем, не останавливаясь. Играя со мной, он настолько расстраивался и раздражался, что однажды бросил свой кий и сказал, чтобы я играл сам. Благодаря своей увлекающейся натуре я смог соревноваться сам с собой и прорабатывать одну и ту же комбинацию снова и снова, пока не овладевал ею в совершенстве.

Однажды в гости к моему дедушке пришел владелец бильярдного зала, человек, прославившийся в городе своими подвигами в азартных играх. Они разговаривали и играли на

бильярде, когда я, не зная об этом, нечаянно вошел в комнату. Я хотел сразу же выйти, но мой дедушка схватил меня и втолкнул в комнату.

– Это мой внук, – сказал он игроку.

– Очень рад с тобой познакомиться, – сказал тот. Он почему-то сурово посмотрел на меня и протянул руку, которая была размером с голову обычного человека.

Я был в ужасе. Шумный взрыв смеха сообщил мне, что он догадывается о моем замешательстве. Он сказал, что его зовут Фалело Кирога, и я пробормотал свое имя в ответ.

Он был очень высок и необыкновенно хорошо одет. Он носил двубортный голубой в тонкую полоску костюм с красиво суженными книзу брюками. Наверное, ему тогда было больше пятидесяти, но он был подтянут и поддерживал хорошую форму, кроме легкой выпуклости посередине. Он не был толстым; казалось, он культивирует внешний вид человека, который сыт и ни в чем не нуждается. Большинство людей в моем родном городе были изможденными. Они тяжело трудились, чтобы заработать себе на пропитание, и у них не было времени на радости жизни. Фалело Кирога выглядел их полной противоположностью. Все его манеры были манерами человека, у которого есть время *только* на радости жизни.

Он был приятным на вид. Доброжелательный, хорошо выбритый, с добрыми голубыми глазами. Самоуверенность и важность преуспевающего доктора. Люди в моем городе говорили, что он умеет делать так, чтобы любой с ним чувствовал себя свободно, и что ему нужно было стать священником, юристом, врачом, но не профессиональным игроком. И еще они говорили, что на азартных играх он заработал больше, чем заработали своим трудом все врачи и юристы в городе, вместе взятые.

У него были черные, аккуратно причесанные волосы. Было заметно, что они сильно редеют. Он пытался скрывать отступающую назад линию волос, зачесывая волосы на лоб. У него была квадратная челюсть и совершенно обворожительная улыбка, крупные белые зубы, о которых он хорошо заботился, – кое-что новенькое в регионе, где у всех были плохие зубы. Двумя другими замечательными чертами Фалело Кироги были для меня его огромные ноги и черные лакированные туфли ручной работы. Я восхищался тем, что его туфли совсем не скрипят, когда он ходит туда-сюда по комнате. Я привык слышать приближение моего дедушки по скрипу подметок.

– Мой внук прекрасно играет на бильярде, – небрежно сказал мой дедушка Фалело Кироге. – Почему бы мне не отдать ему кий – пусть он сыграет с тобой, а я посмотрю.

– Такой малыш играет в бильярд? – со смехом спросил моего дедушку этот большой человек.

– О да, – заверил его мой дедушка. – Конечно, не так хорошо, как ты, Фалело. Почему бы тебе не испытать его? А чтобы это было для тебя интересно и чтобы ты не поддавался моему внуку, давай поставим на кон немного денег. Что ты скажешь, если мы поставим вот столько?

Он положил толстую пачку скомканных банкнот на стол и улыбнулся Фалело Кироге, покачав головой из стороны в сторону, как бы бросая вызов этому большому человеку принять ставку.

– Боже, так много, а? – сказал Фалело Кирога, вопрошающе глядя на меня.

Потом он открыл свой бумажник и вынул несколько аккуратно сложенных банкнот. Это была для меня еще одна удивительная деталь. Мой дедушка привык держать деньги совершенно скомканными во всех своих карманах. Когда ему нужно было за что-то заплатить, ему приходилось распрямлять банкноты, чтобы их сосчитать.

Фалело Кирога не сказал этого, но я знал, что он чувствует себя как грабитель с большой дороги. Он улыбнулся моему дедушке и, очевидно из уважения к нему, положил свои деньги на стол. Мой дедушка, играя роль арбитра, подготовил игру на определенное количество карамболей и подбросил монетку, кто начнет первым. Выпало Фалело Кироге.

– Ты играй в полную силу, не стесняйся, – подначивал его мой дед. – Не испытывай никаких угрызений насчет того, чтобы уничтожить этого прохвоста и выиграть мои деньги!

Фалело Кирога, следуя совету моего дедушки, играл так хорошо, как мог, но в какой-то момент он на волосок пропустил один карамболь. Я взял кий. Я думал, что упаду в обморок, но, видя ликование моего деда – он подпрыгивал вверх и вниз, – я успокоился, и, кроме того, меня раздражало то, как Фалело Кирога чуть не лопнул от смеха, когда увидел, как я держу кий. Я не мог наклониться над столом, как обычно играют в бильярд, из-за своего роста. Но мой дедушка с кропотливым терпением и решимостью научил меня другому способу игры. Отведя руку далеко назад, я держал кий почти над плечами, сбоку.

– А что он делает, когда ему нужно достать до середины стола? – спросил Фалело Кирога, смеясь.

– Он опирается на край стола, – как ни в чем не бывало сказал мой дед. – Ты знаешь, это разрешается.

Дедушка подошел ко мне и сквозь зубы прошептал, что, если я буду вежливым и проиграю, он сломает все кии об мою голову. Я знал, что он не собирается этого делать; он просто таким способом выражал свою уверенность во мне.

Я легко выиграл. Мой дедушка неописуемо радовался, и как ни странно, Фалело Кирога тоже! Он смеялся, обходя бильярдный стол и хлопая по его краям. Мой дедушка превозносил меня до небес. Он по секрету назвал Кироге мой лучший счет и пошутил, что я достиг успехов, потому что он нашел способ заинтересовать меня в тренировке: кофе с датскими пирожными.

– Не может быть, не может быть! – все время повторял Кирога. Он попрощался; дедушка взял поставленные деньги, и этот случай был забыт.

Дед пообещал взять меня в ресторан и купить мне лучшие блюда в городе, но так и не сделал этого. Он был очень скупой; он слыл известным расточителем только с женщинами.

Через два дня двое огромных людей от Фалело Кироги подошли ко мне, когда я выходил из школы.

– Фалело Кирога хочет тебя видеть, – сказал один из них гортанным голосом. – Он хочет, чтобы ты пришел к нему и выпил с ним кофе с датскими пирожными.

Если бы он не сказал о кофе и датских пирожных, я бы, наверное, убежал от них. Я вспомнил тогда, что мой дедушка сказал Фалело Кироге, что я душу продам за кофе и датские пирожные. Я с радостью пошел с ними. Но идти так же быстро, как они, я не мог, поэтому один из них, которого звали Гильермо Фалькон, поднял меня и усадил на свою огромную руку. Он засмеялся сквозь кривые зубы.

– Лучше наслаждайся поездкой, малыш, – сказал он. Его дыхание было ужасным. – Тебя когда-нибудь так носили? Судя по тому, как ты дергаешься, никогда! – Он нелепо захихикал.

К счастью, дом Фалело Кироги был не особенно далеко от школы. В офисе мистер Фалькон посадил меня в кресло. Фалело Кирога сидел там за огромным столом. Он встал, пожал мне руку и сразу же заказал мне кофе и восхитительные пирожные. А потом мы сели вдвоем, как друзья, болтая о птицеферме моего дедушки. Он спросил меня, хочу ли я еще пирожных, и я сказал, что не против. Он засмеялся и сам принес мне из соседней комнаты целый поднос невероятно вкусных пирожных.

После того как я по-настоящему объелся, он вежливо попросил меня подумать над тем, чтобы приходить в его бильярдную в ранние ночные часы, чтобы сыграть парочку дружественных игр с несколькими людьми по его выбору. Он между делом упомянул, что будут замешаны большие суммы денег. Открыто выразив свое доверие моему мастерству, он добавил, что за мое время и усилия будет платить мне процент от выигранных денег. Потом сказал, что знает образ жизни моей семьи: для них было бы предосудительно, если бы он давал мне деньги, даже если это плата. Так что он пообещал класть эти деньги в банк на специальный счет для меня,

или, еще практичнее, он может рассчитываться за любые мои покупки в магазинах города или еду, которую я буду есть в любом ресторане.

Я не верил ни одному слову из того, что он говорил. Я знал, что Фалело Кирога проходимец, рэкетир. Но мне понравилась идея играть в бильярд с незнакомыми мне людьми, и я заключил с ним сделку.

– А ты будешь угощать меня кофе и датскими пирожными, как сегодня? – сказал я.

– Конечно, мой мальчик, – ответил он. – Если ты будешь приходить играть для меня, я куплю тебе пекарню! Я заставлю пекаря печь их только для тебя. Поверь мне.

Я предупредил Фалело Кирогу, что единственное препятствие в том, что я не могу выходить из своего дома, – у меня было слишком много тетушек, которые следили за мной, как ястребы, и, кроме того, моя спальня была на втором этаже.

– Нет проблем, – заверил меня Фалело Кирога. – Ты довольно маленький. Мистер Фалькон поймает тебя, если ты прыгнешь из окна в его руки. Он большой, как дом! Я советую тебе сегодня рано лечь спать. Мистер Фалькон разбудит тебя, свистя и бросая камешки в твое окно. Но тебе нужно быть начеку! Он нетерпеливый человек.

Я пошел домой в необыкновенном возбуждении. Я не мог заснуть. Я совсем не спал, когда услышал, как мистер Фалькон свистит и кидает камешки в стекла. Я открыл окно. Мистер Фалькон был прямо подо мной, на улице.

– Прыгай мне на руки, малыш, – сказал он мне приглушенным голосом, который он пытался превратить в громкий шепот. – Если ты не будешь целиться в мои руки, я уроню тебя и ты убьешься. Помни это. Не заставляй меня бегать вокруг. Просто цельсь в мои руки. Прыгай! Прыгай!

Я прыгнул, и он поймал меня с такой легкостью, как будто ловил тюк шерсти. Он поставил меня на землю и сказал, чтобы я бежал. Он сказал, что я – разбуженный от глубокого сна ребенок и что ему нужно заставить меня бежать, чтобы я полностью проснулся к тому времени, когда доберусь до бильярдной.

В эту ночь я играл с двумя мужчинами и выиграл обе партии. Мне подали невообразимо вкусный кофе и пирожные. Лично я был на седьмом небе. Около семи часов утра я вернулся домой. Никто не заметил моего отсутствия. Пора было идти в школу. Все было бы нормально, если бы не то, что я так устал, что у меня весь день смыкались веки.

С этого дня Фалело Кирога два или три раза в неделю посылал за мной мистера Фалькона, и я выигрывал каждую партию, которую он предлагал мне сыграть. И, верный своему обещанию, он платил за все, что я покупал, особенно за еду в выбранном мной китайском ресторане, куда я ходил каждый день. Иногда я даже приглашал своих друзей, которых я смертельно пугал, выбегая из ресторана с криками, когда официант приносил счет. Они были поражены тем, что их никогда не забирали в полицию за то, что они едят и не платят за это.

Самым трудным испытанием для меня было то, что мне неожиданно пришлось столкнуться с надеждами и ожиданиями всех тех людей, которые держали на меня пари. Но испытание испытаний произошло, когда знаменитый игрок из соседнего города бросил вызов Фалело Кироге и подкрепил свой вызов огромной ставкой. Ночь игры не предвещала ничего хорошего. Мой дедушка заболел и не мог заснуть. Вся семья волновалась. Кажется, никто не лег спать. Я сомневался в том, что мне представится возможность тайком выбраться из спальни, но свист мистера Фалькона и удары камешков по стеклу моего окна были такими настойчивыми, что я рискнул и прыгнул из окна на руки мистера Фалькона.

Казалось, все мужчины города собрались в бильярдной. Страдальческие лица молчаливо умоляли меня не проиграть. Некоторые из мужчин откровенно заверили меня, что они поставили на кон свои дома и все свое имущество. Один человек полушутя сказал, что он поставил на кон свою жену; если я не выиграю, то этой ночью он станет рогоносцем или убийцей. Он не

уточнил, кого он собирается убить, свою жену, чтобы не стать рогоносцем, или меня за проигранную партию.

Фалело Кирога прохаживался взад-вперед. Он нанял массажиста, чтобы массировать меня. Он хотел, чтобы я был расслаблен. Массажист положил мне горячие полотенца на руки и запястья и холодные полотенца на лоб. Он надел мне на ноги туфли, удобнее и мягче которых я никогда не носил. У них были твердые военные каблуки и супинаторы. Фалело Кирога даже снабдил меня беретом, чтобы волосы не падали мне на лицо, и широкими брюками с поясом.

Половина народа вокруг бильярдного стола были мне незнакомы – болельщики из другого города. Они глядели на меня. У меня появилось чувство, что они желают мне смерти.

Фалело Кирога подкинул монетку, чтобы решить, кто будет первым. Мой соперник был бразильско-китайского происхождения, молодой, круглолицый, очень нарядный и самоуверенный. Он начал первым и сделал поразительное количество карамболей. Я знал по цвету лица Фалело Кироги, что сейчас его, как и других людей, которые поставили на меня все, что имели, хватит удар.

Я прекрасно играл в эту ночь, и, когда я приблизился к количеству карамболей моего соперника, нервозность тех, кто поставили на меня, дошла до максимума. Фалело Кирога был самым истеричным из них. Он орал на всех и требовал, чтобы кто-то открыл окна, потому что из-за сигаретного дыма я не могу дышать. Он хотел, чтобы массажист размял мои руки и плечи. В конце концов, мне пришлось их остановить, и в большой спешке я сделал все восемь карамболей, которые были нужны мне для победы. Эйфория тех, кто поставил на меня, была неописуемой. Я не обращал внимания на все это, потому что было уже утро и им нужно было срочно отвести меня домой.

В тот день я был до предела измучен. Фалело Кирога очень любезно не посылал за мной никого целую неделю. Но однажды после обеда мистер Фалькон забрал меня после школы и отвел в бильярдную. Фалело Кирога был крайне серьезен. Он даже не предложил мне кофе или датские трубочки, выставил всех из своего кабинета и сразу приступил к делу. Он придвинул свой стул ближе ко мне.

– Я положил в банк много денег для тебя, – сказал он очень торжественно. – Я придерживаюсь своих обещаний. Даю тебе честное слово, что я всегда буду присматривать за тобой. Знай это! Ну а если ты сделаешь то, что я тебе сейчас скажу, ты заработаешь столько денег, что тебе не нужно будет работать и дня в своей жизни. Я хочу, чтобы ты проиграл свою следующую игру на один карамболь. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но я хочу, чтобы ты ошибся только на волосок. Чем драматичнее, тем лучше.

Я был ошарашен. Все это было непостижимо для меня. Фалело Кирога повторил свое требование и, кроме того, объяснил, что он собирается анонимно поставить все, что имеет, против меня и что в этом суть нашей новой сделки.

– Мистер Фалькон охранял тебя много месяцев, – сказал он. – Должен сказать тебе, что мистер Фалькон использует всю свою силу, чтобы защищать тебя, но с той же силой он может сделать и прямо противоположное.

Угроза Фалело Кироги была более чем очевидной. Наверное, он увидел в моих глазах тот ужас, который я чувствовал, так как расслабился и засмеялся.

– Да ты не беспокойся об этом, – сказал он, успокаивая меня. – Ведь мы братья.

Впервые в своей жизни я попал в безвыходное положение. Я хотел изо всех сил убежать от Фалело Кироги из-за того страха, который он во мне вызвал. Но в то же время и с такой же силой я хотел остаться; я хотел свободно покупать в любом магазине все, что я хочу, и, самое главное, свободно обедать в любом ресторане по своему выбору, не платя за это. Но мне так и не пришлось выбирать что-то одно.

Неожиданно – по крайней мере для меня – мой дедушка решил переехать в другое место, очень далеко. Он как будто знал, что происходит, и отправил меня раньше всех остальных.

Вряд ли он действительно знал, что происходит. По-видимому, отправить меня было одним из его обычных интуитивных решений.

* * *

Возвращение дона Хуана выдернуло меня из *вспоминания*. Я потерял счет времени. Я должен был проголодаться, но совсем не хотел есть. Меня переполняла нервная энергия. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и повесил ее на гвоздь на стене. Ее тусклый свет отбрасывал странные, танцующие по комнате тени. Некоторое время мои глаза привыкали к полутьме. Потом я впал в состояние глубокой печали. Какое-то необычно отрешенное чувство, безмерная тоска, возникло из этой полутьмы или, может быть, из ощущения, что я пойман в ловушку. Я так устал, что хотел уйти, и в то же время, и с той же силой я хотел остаться.

Голос дона Хуана дал мне чувство некоторого контроля. По-видимому, он знал причину и глубину моего смятения и говорил соответствующим тоном. Его жесткость помогла мне обрести контроль над тем, что легко могло стать истерической реакцией на усталость и умственное возбуждение.

– *Пересказывание событий* – магическая процедура, – сказал он. – Это не просто рассказывание историй. Это *видение* структуры, лежащей в основе событий. Вот почему *пересказывание* настолько важно и обширно.

По просьбе дона Хуана я рассказал ему событие, которое вспомнил.

– Как кстати, – сказал он и тихо засмеялся от удовольствия. – Могу только заметить, что *воины-странники* под действием ударов *катятся*. Они идут туда, куда их ведет этот импульс. Сила таких воинов в том, чтобы быть бдительными, получать максимальный эффект от минимального импульса. И прежде всего их сила состоит в невмешательстве. У событий есть своя сила и тяготение, а *странники* – это просто странники. Все вокруг них предназначено только для их глаз. Таким способом *странники* выстраивают смысл каждой ситуации, даже не спрашивая, произошла она тем или иным способом.

– Сегодня ты вспомнил событие, которое подытоживает всю твою жизнь, – продолжал он. – Ты всегда встречаешься с такой же ситуацией, как та, в которой ты так и не принял решения. Тебе не пришлось выбирать: принять бесчестную сделку Фалело Кироги – или отказаться от нее.

– *Бесконечность* всегда ставит нас в это ужасное положение, когда нужно выбирать, – говорил он. – Мы мечтаем о *бесконечности*, но в то же время хотим сбежать от нее. Ты хочешь послать меня подальше, но в то же время тебе неудержимо хочется остаться. *Тебе было бы бесконечно легче просто неудержимо хотеть остаться.*

Глава 11. Игра энергии на горизонте

Четкость *пропуска* дала новый импульс моему *перепросмотру*. Старое настроение сменилось новым. С этого момента я начал вспоминать события моей жизни с невероятной ясностью. Словно внутри меня был выстроен барьер, за которым я жестко держался за убогие и нечеткие воспоминания, а *пропуск* разбил его вдребезги. До этого события моя память была для меня расплывчатым способом извлечения информации о событиях, которые я чаще всего хотел забыть.

По существу, мне было совершенно не интересно вспоминать что-либо из моей жизни. Так что я, по правде говоря, не видел ни малейшего смысла в этом бесполезном занятии *перепросмотром*, которое дон Хуан мне практически навязал. Для меня это было каторгой, которая сразу же меня утомляла и только подчеркивала мою неспособность концентрироваться.

Тем не менее я послушно составил списки людей и приступил к беспорядочным попыткам будто бы вспоминать свое общение с ними. Недостаток ясности при сосредоточении на них не останавливал меня. Я выполнял то, что считал своей обязанностью, независимо от того, что я на самом деле чувствовал. По мере продвижения ясность вспоминания улучшилась, как мне казалось, просто удивительно. Я словно мог «спускаться» в определенные выбранные события с достаточно высокой точностью, которая была одновременно пугающей и радующей. Но после того, как дон Хуан познакомил меня с идеей *пропуска*, сила моего вспоминания стала такой, какую я не мог даже вообразить.

Следование по моему списку людей сделало *перепросмотр* очень формальным и трудновыполнимым, как этого и хотел дон Хуан. Но время от времени что-то во мне вырывалось на свободу – что-то, заставляющее меня сосредоточиваться на событиях, не относящихся к моему списку. Событиях, ясность которых была настолько безумной, что я тонул в них, возможно, даже глубже, чем когда реально проживал эти события.

Каждый раз, когда я *вспоминал* таким способом, я делал это с оттенком отрешенности, благодаря которой видел те моменты, на которые я как будто не обращал внимания, тогда как на самом деле они мучили меня годами.

Первый случай, когда *вспоминание* события потрясло меня до основания, произошел после того, как я прочитал лекцию в колледже в Орегоне. Студенты, ответственные за организацию лекции, повезли меня и моего коллегу-антрополога для ночевки в какой-то дом. Я собирался поехать в мотель, но они настояли на том, чтобы отвезти нас в этот дом ради нашего же удобства. Они сказали, что это за городом и там нет никакого шума: самое тихое место в мире, без никаких телефонов, никакого вмешательства извне. Я, как дурак, каковым я и был, согласился поехать с ними. Дон Хуан не только предупреждал меня, чтобы я всегда был «одинокой птицей», он *требовал*, чтобы я соблюдал эту его рекомендацию. Что я в основном и делал, но бывали случаи, когда во мне брало верх стадное существо.

Эти студенты-опекуны отвезли нас довольно далеко от Портленда, в дом профессора, который был в годичном отпуске. Они очень быстро включили освещение дома, который был расположен на холме с прожекторами со всех сторон. С включенными прожекторами, дом, наверное, было видно за пять миль.

После этого студенты как можно быстрее уехали, и это меня удивило, так как я думал, что они останутся поговорить. Дом был деревянным, в форме буквы А, небольшой, но очень хорошо спроектированный. В нем была огромная гостиная, а над ней – антресоли со спальней. Прямо вверху, в верхней точке треугольника, на странном вращающемся шарнире висело сделанное в натуральную величину распятие. Прожектора на стене были сфокусированы на распятии. Это было очень впечатляющее зрелище, особенно когда распятие вращалось, скрипя, как будто шарнир не был смазан.

Еще одним шедевром была ванная комната. В ней были зеркальные плитки на потолке, стенах и полу, и она освещалась красноватым светом. Нельзя было войти в ванную, не увидев себя со всех мыслимых сторон. Мне понравились все эти особенности дома, который показался мне великолепным.

Но когда пришло время ложиться спать, я столкнулся с серьезной проблемой, потому что в доме была только одна узкая, жесткая, очень монашеская кровать, а мой друг-антрополог был близок к пневмонии, хрипел и выплевывал слизь каждый раз, когда кашлял. Он сразу пошел к кровати и отключился. Я искал место для сна и не мог ничего найти. Этот дом был лишен удобств. Кроме того, было холодно. Студенты-опекуны включили освещение, но не отопление. Я искал обогреватель. Мои поиски ни к чему не привели, как и поиски выключателя прожекторов и, кстати, всех ламп в доме. На стенах были выключатели, но они, по-видимому, не действовали из-за какого-то главного выключателя. Освещение было включено, и я никак не мог его отключить.

Я смог найти только одно место для сна – тонкий коврик, и нашел только одну вещь, чтобы прикрыться, – дубленую шкуру огромного французского пуделя. Очевидно, он был любимцем в доме и его шкуру сохранили; у него были блестящие глаза из черного мрамора и открытый рот со свисающим языком. Я положил бывшего пуделя головой по направлению к моим коленям. Шею мне пришлось прикрыть дубленым задним местом. Кроме того, сохраненная голова шкуры была твердым предметом между моими коленями и очень мешала! Если бы было темно, то было бы еще ничего. Я собрал несколько полотенец и сделал из них подушку. Остальные полотенца я использовал в качестве пододеяльника между мной и шкурой французского пуделя. Я не мог спать всю ночь.

И вот, когда я лежал там, молча проклиная себя за такую глупость и невыполнение рекомендации дона Хуана, у меня случилось первое за всю жизнь безумно отчетливое *вспоминание*. Событие, которое дон Хуан называл *пропуском*, я вспомнил с такой же ясностью, но я всегда был склонен не обращать особого внимания на то, что происходило со мной, когда я был с доном Хуаном, ибо в его присутствии было возможно все. Но в этот раз я был один.

За много лет до того, как я встретил дона Хуана, я зарабатывал, рисуя вывески на домах. Моего босса звали Луиджи Пальма. Однажды Луиджи получил контракт нарисовать на задней стене старого здания вывеску, рекламирующую продажу и прокат свадебных платьев и смокингов. Владелец магазина в здании хотел привлечь внимание возможных клиентов большой рекламой. Луиджи должен был рисовать жениха и невесту, а я – надписи. Мы забрались на плоскую крышу тринадцатиэтажного здания и установили подмостки.

Я очень боялся, хотя у меня не было явных причин для страха. Я нарисовал десятки вывесок на высоких зданиях. Луиджи думал, что я начинаю бояться высоты, но мой страх скоро пройдет. Когда пришло время начинать работу, он опустил подмостки с крыши на несколько футов и спрыгнул на них. Он пошел на одну их сторону, а я стоял на другой, чтобы не мешать ему. Художником был он.

Луиджи принялся за работу. Когда он наносил краски, его движения были настолько размашистыми и возбужденными, что подмостки качались взад-вперед. У меня закружилась голова. Я хотел вернуться обратно на крышу, под тем предлогом, что мне нужно больше красок и других принадлежностей для рисования. Я схватился за край стены, которая окаймляла плоскую крышу, и попытался подтянуться, но носки моих ног застряли в досках настила. Я попытался притянуть мои ноги и подмостки к стене; но чем сильнее я тянул, тем дальше отталкивал их от стены. Вместо того чтобы помочь мне освободить ноги, Луиджи сел и обвязался веревками, которыми подмостки крепились к плоской крыше. Он перекрестился и посмотрел на меня в ужасе. Из сидячего положения он встал на колени и, тихо всхлипывая, стал читать «Отче наш».

Я не на жизнь, а на смерть держался за край стены. Отчаянную силу стойко держаться давала мне уверенность в том, что если я буду держать ситуацию под контролем, то смогу удерживать подмостки, чтобы они не отходили еще дальше. Я не собирался отпускать руки и падать с тринадцатого этажа навстречу своей смерти. Луиджи, как неисправимый начальник до самого конца, закричал в потоке слез, что я должен молиться. Он поклялся, что мы оба упадем и разобьемся насмерть и что мы можем хотя бы молиться за спасение наших душ. На мгновение я задумался, практично ли молиться. Я предпочел звать на помощь. Наверное, люди в здании услышали мои вопли и послали за пожарниками. Мне искренне казалось, что прошло только две или три секунды после того, как я начал орать, когда пожарники пришли на крышу, схватили Луиджи и меня и закрепили подмостки.

На самом деле я висел на стене здания по крайней мере двадцать минут. Когда пожарники в конце концов втянули меня на крышу, я утратил всякий контроль. Я срыгнул на твердый пол крыши, меня выворачивало наизнанку от страха и гнусного запаха расплавленной смолы. Был очень жаркий день; смола на щелях неровных кровельных листов плавилась от жары. Это испытание было настолько ужасающим и тяжелым, что я не хотел его помнить, и в конце концов у меня началась галлюцинация, будто пожарники внесли меня в теплую желтую комнату. Они положили меня на чрезвычайно удобную кровать, и я спокойно заснул, в безопасности, надев свою пижаму, которую мне подали с вешалки.

Мое второе *вспоминание* было еще одним взрывом ни с чем не сравнимой силы. Во время приятной беседы с несколькими друзьями, без всяких видимых на то причин я вдруг затаил дыхание под влиянием мысли, воспоминания, которое вначале было туманным, а затем стало всепоглощающим переживанием. Его сила была настолько велика, что мне пришлось извиниться и на минутку отойти в угол. Мои друзья, по-видимому, поняли мою реакцию; они разошлись без слов. Я *вспоминал* происшествие, которое случилось в последнем классе средней школы.

Мы с моим лучшим другом ходили в школу мимо большого особняка с черным кованым железным забором по меньшей мере семи футов высотой и с заостренными зубцами по верху. За забором был широкий, хорошо ухоженный зеленый газон и огромная свирепая немецкая овчарка. Каждый день мы дразнили эту собаку, провоцируя ее кидаться на нас. Она физически останавливалась перед забором из кованого железа, но казалось, что ее ярость достигает нас. Для моего друга было удовольствием каждый день вступать с собакой в соревнование между сознанием и материей. Он становился в нескольких дюймах от морды собаки, которая высовывалась между железными прутьями по меньшей мере на шесть дюймов, и скалил зубы точно так же, как собака.

– Сдавайся, сдавайся! – кричал мой друг каждый раз. – Подчинись! Подчинись! Я намного сильнее тебя!

Его ежедневные проявления силы сознания, которые длились как минимум пять минут, ничуть не влияли на собаку, разве что приводили ее в еще большую ярость. Частью ритуала моего друга были его каждодневные уверения, что собака либо подчинится ему, либо умрет перед нами от сердечного приступа, вызванного яростью. Его убежденность была настолько глубокой, что я верил: однажды собака упадет замертво.

Как-то утром, когда мы подошли, собаки не было. Мы немного подождали, но собака не показывалась; потом мы увидели ее на другой стороне широкого газона. Она, по-видимому, была там чем-то занята, так что мы начали медленно уходить. Уголком глаза я заметил, что собака на полной скорости несется к нам. Когда она была где-то за шесть или семь футов от забора, она сделала гигантский прыжок через него. Я не сомневался, что она сейчас распорет себе живот об зубцы. Она чуть-чуть не задела их и упала на улицу, как мешок картошки.

Я тогда подумал, что она мертва; но она была только оглушена. Вдруг она поднялась и, вместо того чтобы гнаться за тем, кто приводил ее в ярость, побежала за мной. Я прыгнул на

крышу машины, но машина была для собаки пустяком. Она прыгнула и оказалась почти на мне. Я слетел вниз и забрался на первое дерево поблизости, тонкое маленькое дерево, которое едва выдерживало мой вес. Я был уверен, что оно сломается посередине, отправив меня прямо в пасть собаке, и она загрызет меня до смерти.

На дереве я был почти вне ее досягаемости. Но собака снова прыгнула и щелкнула зубами, поймав меня за зад штанов и порвав их. Ее зубы даже зацепили мои ягодицы. Как только я оказался в безопасности на верхушке дерева, собака ушла. Она просто побежала по улице, возможно, в поисках моего друга.

В школьном медпункте медсестра сказала, что мне нужно попросить у владельца собаки справку о прививке от бешенства.

– Тебе нужно выяснить это, – сказала она строго. – Может быть, ты уже заразился бешенством. Если владелец откажется показать тебе справку о прививке, ты вправе вызвать полицию.

Я поговорил со сторожем особняка, в котором жила собака. Он обвинил меня в том, что я выманил на улицу самую ценную собаку хозяина, животное с родословной.

– Ты гляди, парень! – сказал он зло. – Собака потерялась. Владелец отправит тебя в тюрьму, если ты еще будешь нас беспокоить.

– Но у меня может быть бешенство, – сказал я искренне испуганным тоном.

– Мне до одного места, хоть бубонная чума, – рявкнул он. – Убирайся!

– Я вызову полицию, – сказал я.

– Вызывай, кого хочешь, – сказал он в ответ. – Если вызовешь полицию, мы натравим их на тебя. В этом доме у нас достаточно связей для этого!

Я поверил ему, и поэтому соврал медсестре, что собаку не смогли найти и у нее нет владельца.

– О Боже! – воскликнула она. – Тогда готовься к худшему. Может быть, мне придется послать тебя к доктору. – Она дала мне длинный список симптомов, за которыми я должен следить или ждать, пока они не проявятся. Она сказала, что уколы от бешенства очень болезненные, и их нужно делать подкожно в область живота.

– Я худшему врагу не пожелаю такого лечения, – сказала она, ввергая меня в страшный кошмар.

После этого началась моя первая настоящая депрессия. Я просто лежал в своей кровати, чувствуя каждый из перечисленных медсестрой симптомов. В конце концов я пошел в школьный медпункт и умолял медсестру сделать мне уколы от бешенства, как бы больно это ни было. Я закатил колоссальную сцену. Я впал в истерику. У меня не было никакого бешенства, но я полностью перестал владеть собой.

Я рассказал дону Хуану об этих двух моих *вспоминаниях* во всех деталях, ничего не пропуская. Он не делал никаких замечаний, только кивал головой вверх и вниз.

– В обоих *вспоминаниях*, дон Хуан, – сказал я, сам чувствуя крайнюю необходимость слышать свой голос, – я впал в обычную истерику. Мое тело дрожало. Меня тошнило. Я не хочу говорить, что я *как будто* был в этих переживаниях, потому что это неправда. Я *был* в самих переживаниях оба раза. И когда я больше не мог их выносить, я прыгал в мою нынешнюю жизнь. Для меня это был прыжок в будущее. Я обладал способностью перемещения во времени. Мой прыжок в прошлое не был внезапным; событие разворачивалось постепенно, как разворачиваются воспоминания. А вот в конце я внезапно прыгнул в будущее: в свою жизнь сейчас.

– Что-то в тебе явно начало рушиться, – сказал дон Хуан, когда я остановился. – Оно рушилось все время, но очень быстро восстанавливалось каждый раз, когда его опоры выходили из строя. Я чувствую, что оно сейчас рушится полностью.

После еще одной долгой паузы дон Хуан объяснил, что маги Древней Мексики считали, что, как он мне уже говорил, у нас есть два ума и только один из них действительно наш. Слова

дона Хуана я всегда понимал так, что в уме есть две части, и одна из них всегда молчит, потому что другая часть силой запрещает ей самовыражаться. Я воспринимал все, что говорил дон Хуан, как метафору для объяснения заметного доминирования левого полушария мозга над правым, или чего-то в этом роде.

– В *перепросмотре* есть тайная возможность выбора, – сказал дон Хуан. – Точно так же, как тайная возможность выбора есть в смерти – возможность, которую находят только маги. В случае смерти тайная возможность в том, что люди могут сохранить свою жизненную силу и отказаться только от своего осознания, результата своей жизни. В случае *перепросмотра* тайная возможность выбора, которую нашли только маги, в том, чтобы предпочесть развивать свой истинный ум.

– Тревожные воспоминания, которые ты вспомнил, – продолжал он, – могли появиться только из твоего истинного ума. Другой ум, который у нас всех одинаков, – это, я сказал бы, дешевая модель: экономная мощность, подходящий для всех размер. Но эту тему мы обсудим позже. Сейчас мы рискуем приходом разрушительной силы. Силы, которая разрушит не тебя, – я имею в виду другое. Она разрушит то, что маги называют *чужеродным устройством*, которое есть в тебе и во всех остальных людях. Именно воздействие силы, которая нисходит на тебя, разрушая *чужеродное устройство*, вытаскивает магов из их синтаксиса.

Я внимательно слушал дона Хуана, но не сказал бы, что понял его слова. По какой-то странной причине, которая мне была настолько же неведома, как и причина моих ярких воспоминаний, я не мог задать ни одного вопроса.

– Я знаю, как тебе трудно, – вдруг сказал дон Хуан, – справиться с этой гранью твоей жизни. Каждый известный мне маг прошел через это. Мужчины, проходя через это, страдают бесконечно больше, чем женщины. Я полагаю, что в этом преимущество женщины – быть более выносливой. Маги Древней Мексики, действуя как группа, старались, как могли, смягчить удар этой разрушительной силы. В наши дни у нас нет возможностей действовать как группа, так что мы должны встречаться с этим в одиночестве. Мы должны напрячь все силы, чтобы в одиночестве встретить силу, которая вынесет нас из языка, потому что невозможно адекватно описать то, что происходит.

Дон Хуан был прав в том, что я не смогу подобрать объяснений или описать воздействие, оказанное на меня этими вспоминаниями. Дон Хуан сказал мне, что маги встречаются с неизвестным в самых повседневных происшествиях. Когда они сталкиваются с ним и не могут интерпретировать воспринимаемое, им приходится полагаться на руководство внешнего источника. Дон Хуан назвал этот источник *бесконечностью*, или *голосом духа*, и сказал, что, если маги не пытаются быть рациональными в том, что нельзя объяснить рационально, *дух* безошибочно говорит им, что есть что.

Благодаря дону Хуану я принял идею, что *бесконечность* – это сила, которая обладает голосом и осознает себя. Тем самым он подготовил меня быть всегда готовым услышать этот голос и всегда действовать эффективно и спонтанно, без предубеждений, ни о чем не судя заранее. Я нетерпеливо ждал, когда *голос духа* объяснит мне смысл моих *вспоминаний*, но ничего не происходило.

Однажды я был в книжном магазине, когда какая-то девушка узнала меня и подошла поговорить. Она была высокая и стройная, с неуверенным голосом маленькой девочки. Я старался вести себя так, чтобы она чувствовала себя свободнее, но вдруг ощутил мгновенное энергетическое изменение. Во мне включился сигнал тревоги, и, как уже бывало раньше, совершенно помимо моей воли, я *вспомнил* еще одно совершенно забытое событие из моей жизни.

На меня нахлынуло воспоминание о доме дедушки. Это была настоящая лавина, сильная до ужаса, и мне опять пришлось отойти в угол. Мое тело тряслось, как будто я простудился.

Мне было, наверное, восемь лет. Мой дедушка решил побеседовать со мной. Сначала он сказал мне, что его наивысший долг – направить меня по правильному пути. У меня было два

двоюродных брата моего возраста: Альфредо и Луис. Мой дедушка безжалостно потребовал от меня признать, что Альфредо очень красив. В моем видении я услышал скрипучий, приглушенный голос деда.

– Альфредо не нужно никаких знакомств, – сказал он мне по этому поводу. – Ему нужно только присутствовать, и двери раскроются для него настежь, потому что все исповедуют культ красоты. Всем нравятся красивые люди. Все завидуют им, но стремятся быть с ними. Поверь мне. Я ведь тоже красив, правда?

Я искренне согласился с моим дедушкой. Он был действительно очень красивым мужчиной, тонкой кости, со смеющимися голубыми глазами и изящным точеным лицом с прекрасными скулами. Все в его лице было в полной гармонии – его нос, его рот, его глаза, его острый подбородок. У него на ушах росли светлые волоски, из-за чего он был похож на эльфа. Он знал все о себе и максимально использовал свои качества. Женщины обожали его, во-первых, как он говорил, за его красоту, а во-вторых, потому что он не представлял для них никакой угрозы. Он, конечно, пользовался всеми преимуществами этого.

– Твой кузен Альфредо – победитель, – продолжал мой дедушка. – Ему никогда не придется приходить без приглашения, потому что он всегда будет первым в списке гостей. Ты когда-нибудь замечал, как люди останавливаются на улице, чтобы посмотреть на него, и как они хотят прикоснуться к нему? Он настолько прекрасен, что я боюсь, он окажется задницей, но это уже другая тема. Скажем, он будет самой приятной задницей, какую только можно встретить.

Мой дедушка противопоставил Альфредо моего двоюродного брата Луиса. Он сказал, что Луис простодушный, немного глупый, но у него золотое сердце. А затем он внес в эту картину меня.

– Если продолжить дальше наше объяснение, – продолжал он, – то тебе придется честно признать, что Альфредо красивый, а Луис добрый. Теперь возьмем тебя; ты не красив и не добр. Ты настоящий сукин сын. Никто не будет приглашать тебя в гости. Тебе придется привыкнуть к мысли, что если ты собираешься быть на вечеринке, то тебе придется приходить туда без приглашения. Двери никогда не будут для тебя открыты так, как они будут открыты для Альфредо за красоту и для Луиса за доброту, так что тебе придется влезать через окно.

Его анализ трех своих внуков был настолько точным, что я заплакал из-за неотвратимости того, что он сказал. Чем больше я плакал, тем счастливее он становился. Он закончил свои доводы абсолютно уничтожающей рекомендацией.

– Незачем расстраиваться, – сказал он, – потому что нет ничего более захватывающего, чем забираться через окно. Для этого нужно быть сообразительным и активным. Тебе нужно за всем следить и быть готовым к бесконечным оскорблениям.

– Если тебе приходится забираться через окно, – продолжал он, – то это потому, что ты явно не в списке гостей; следовательно, твое присутствие совершенно нежелательно и тебе придется лезть из кожи вон, чтобы остаться. Единственный известный мне способ – это захватить контроль над всеми. Кричи! Требуй! Советуй! Пусть они почувствуют, что ты главный! Как можно тебя выкинуть, если ты главный?

Воспоминание об этой сцене вызвало у меня глубокое потрясение. Я похоронил это происшествие так глубоко, что полностью забыл о нем. Запомнил я навсегда лишь его совет всегда быть главным, который он, наверное, повторял мне снова и снова много лет.

У меня не было ни малейшей возможности исследовать это событие или подумать над ним, ибо еще одно забытое воспоминание всплыло на поверхность с такой же силой. В нем я был вместе с девушкой, с которой был обручен. В то время мы оба копили деньги на свадьбу и собственный дом. Я услышал, как я требую, чтобы у нас был общий счет в банке; я не был согласен ни на какие другие варианты. Я чувствовал настоятельную потребность прочитать ей лекцию о бережливости. Я услышал, как советую ей, где она должна покупать себе одежду и какой должна быть максимально допустимая цена.

Затем я увидел, как я даю уроки вождения ее младшей сестре и как я по-настоящему взбесился, когда она сказала, что собирается уехать из дома родителей. Заставляя ее отказаться от этого, я стал угрожать ей, что прекращу мои уроки. Она заплакала, признавшись мне, что у нее роман с боссом. Я выпрыгнул из машины и стал колотить по дверце ногами.

Но это было еще не все. Я услышал, как говорю отцу моей невесты, чтобы он не переезжал в Орегон, как планировал. Я кричал во весь голос, что это глупый поступок. Я действительно считал, что мои доводы против этого неопровержимы. Я представил ему цифры сметы, в которой дотошно подсчитал его убытки. Когда он не стал обращать на меня никакого внимания, я хлопнул дверью и ушел, трясясь от ярости. Моя невеста сидела в гостиной и играла на гитаре. Я выхватил гитару у нее из рук и закричал, что, вместо того чтобы играть на гитаре, она обнимает ее, как будто это больше чем предмет.

Мое желание навязывать свою волю распространялось на все на свете. Я ни для кого не делал исключения; кто бы ни был рядом со мной, он был здесь для того, чтобы я владел им и лепил из него, что хочу.

Мне уже не нужно было думать о значении моих ярких видений. Меня охватила какая-то абсолютная уверенность, как будто придя извне. Она сказала мне, что мое слабое место в том, что мне всегда быть в директорском кресле. Моим глубоко укоренившимся убеждением было стремление не просто быть главным, но к тому же еще и контролировать любую ситуацию. Мое воспитание укрепило это стремление, которое, наверное, было в самом начале эпизодическим, но в зрелом возрасте превратилось в глубокую необходимость.

Я без малейших сомнений осознавал, что в действие вступила *бесконечность*. Дон Хуан изобразил ее как сознательную силу, которая намеренно вмешивается в жизнь магов. И теперь она вмешивалась в мою жизнь. Я знал, что с помощью ярких воспоминаний этих забытых переживаний *бесконечность* указывает мне на силу и глубину моего стремления к контролю и таким образом готовит меня к чему-то трансцендентальному для меня самого. Я знал с пугающей уверенностью, что скоро что-то отнимет у меня любую возможность контролировать и что мне больше всего нужны *трезвость, гибкость* и *отрешенность*[14], чтобы встретиться с тем, приближение чего я предчувствовал.

Естественно, я рассказал все это дону Хуану, описав во всех подробностях свои домыслы и озарения о возможном значении моего вспоминания.

Дон Хуан добродушно рассмеялся.

– Все это психологические преувеличения с твоей стороны. Ты принимаешь желаемое за действительное, – сказал он. – Ты, как обычно, ищешь объяснений с линейной зависимостью причины и следствия. Твое воспоминание становятся все более ярким, все более безумным для тебя, потому что, как я уже говорил, ты начал необратимый процесс. Всплывает твой истинный ум, просыпаясь от пожизненной летаргии.

– *Бесконечность* заявляет на тебя права, – продолжал он. – Какие бы средства она ни использовала, чтобы указать это тебе, у тебя не должно быть никаких других обоснований, никаких других причин, никаких других ценностей, кроме этой. Но ты должен приготовиться к бешеным атакам *бесконечности*. Ты должен быть в состоянии постоянной собранности перед ударом огромной мощности. Это тот здоровый и трезвый путь, на котором маги встречают *бесконечность*.

Слова дона Хуана оставили у меня неприятный привкус во рту. Я действительно чувствовал приближающуюся ко мне атаку и боялся ее. Поскольку я всю жизнь прятался за какой-то чрезмерной активностью, я и теперь с головой погрузился в работу. Я читал лекции на занятиях, которые вели мои друзья в разных школах в Южной Калифорнии. Я много писал. Могу сказать без преувеличения, что я выкинул десятки рукописей в мусорное ведро, потому что

[14] См. книгу К. Кастанеды «Сила безмолвия».

они не соответствовали обязательным требованиям, которые дон Хуан описал мне как знак того, что написанное подходит для *бесконечности*.

Он сказал, что все мои действия должны быть магическим актом. Актом, свободным от вторгающихся ожиданий, опасений неудачи, надежд на успех. Свободными от культа «я». Все, что я делаю, должно было быть импровизацией; магическим делом, в котором я свободно открываюсь импульсам бесконечного.

Однажды вечером я сидел за письменным столом, готовясь к ежедневной работе над рукописями. На мгновение закружилась голова. Я подумал, что мне стало дурно, потому что я слишком быстро поднялся с коврика, на котором делал упражнения. Мое зрение затуманилось. Перед глазами поплыли желтые пятна. Я думал, что сейчас потеряю сознание. Приступ слабости становился все тяжелее. Передо мной было огромное красное пятно. Я начал глубоко дышать, пытаясь успокоить возбуждение, которое вызывало это зрительное искажение. Я стал необыкновенно спокоен – настолько, что заметил, что окружен непроницаемой темнотой. В уме проскочила мысль, что я все-таки потерял сознание. Но я мог ощущать свой стул, стол; я мог чувствовать все вокруг в окружающей меня темноте.

Дон Хуан говорил, что маги его линии считают одним из самых желанных результатов *внутреннего безмолвия* определенную игру энергии, которой всегда предшествует сильная эмоция. Он считал, что мои *вспоминания* были способом предельно возбудить меня, чтобы я пережил эту игру. Такая игра проявляется в оттенках, которые проецируются на любые сцены в мире повседневной жизни – будь то гора, небо, стена или просто ладони. Он объяснил, что эта игра оттенков начинается с появления бледного сиреневого мазка на горизонте. Со временем этот сиреневый мазок начинает расширяться, пока не охватывает весь видимый горизонт, как надвигающиеся грозовые тучи.

Он заверил меня, что потом показывается красное пятно своеобразного ярко-гранатового оттенка, как бы прорывающееся сквозь сиреневые облака. Он сказал, что по мере того, как маги становятся все более дисциплинированными и опытными, гранатовое пятно расширяется и в конце концов взрывается в виде мыслей или видений – или, в случае грамотного человека, в написанные слова; маги либо наблюдают видения, порожденные энергией, либо слышат мысли, произносимые как слова, либо читают написанные слова.

В этот вечер за моим столом я не видел никаких сиреневых мазков и никаких надвигающихся туч. Я был уверен, что у меня нет той дисциплины, которая требуется магам для такой игры энергии, но передо мной было огромное гранатово-красное пятно. Это огромное пятно без никаких вступлений взорвалось в виде разрозненных слов, которые я читал, как будто с листа бумаги, выдвигающегося из печатной машинки. Слова двигались передо мной с такой огромной скоростью, что было невозможно успеть хоть что-то понять. Затем я услышал голос, что-то описывающий мне. И опять же, скорость голоса не подходила для моих ушей. Слова были искажены, было невозможно услышать хоть что-нибудь осмысленное.

Словно этого было недостаточно, я начал видеть живые сцены, похожие на сцены в снах после тяжелой еды. Они были гротескными, темными, зловещими. Я начал кружиться, и кружился, пока меня не затошнило. Все событие на этом закончилось. Я чувствовал воздействие того, что произошло со мной, в каждой мышце своего тела. Я был истощен. Это бурное нападение разозлило и расстроило меня.

Я поспешил в дом дона Хуана, чтобы рассказать ему об этом случае. Я чувствовал, что мне как никогда нужна помощь.

– Ни в магах, ни в магии нет ни капли мягкости, – заметил дон Хуан, выслушав мой рассказ. – *Бесконечность* впервые напала на тебя таким способом. Это была молниеносная атака. Это был полный захват твоих способностей. Что касается скорости твоих видений, тебе самому нужно будет научиться ее регулировать. Для некоторых магов это задача на всю жизнь. Но с этого момента энергия будет казаться тебе проецируемой на движущийся экран.

– Понимаешь ли ты то, что проецируется, – продолжал он, – это другой вопрос. Чтобы давать точную интерпретацию, тебе нужен опыт. Мой совет тебе: не смущаться и начать сейчас. Читай энергию на стене! Всплывает твой настоящий ум, и он не имеет никакого отношения к уму, который является *чужеродным устройством*. Пусть твой настоящий ум регулирует скорость. Будь безмолвен и не беспокойся, что бы ни происходило.

– Но, дон Хуан, возможно ли все это? Действительно можно читать энергию, как будто это текст? – спросил я, ошеломленный этой идеей.

– Конечно, это возможно! – сказал он в ответ. – В твоем случае это не только возможно, это уже происходит с тобой.

– Но зачем читать энергию, как будто это текст? – настаивал я. Но это был риторический вопрос.

– Это притворство с твоей стороны, – сказал он. – Если ты читаешь текст, ты можешь повторить его дословно. Но если бы ты попробовал быть не *читателем бесконечности*, а *зрителем бесконечности*, оказалось бы, что ты не можешь описать увиденное, и в итоге ты лепетал бы бессмыслицу, не умея передать словами то, что наблюдал. Точно так же, как если бы ты попробовал услышать энергию. Это, конечно, твоя специфика. В любом случае, выбор делает *бесконечность. Воин-странник* просто молча соглашается с этим выбором.

– Но прежде всего, – добавил он после обдуманной паузы, – не теряйся из-за того, что не можешь описать это событие. Оно за пределами синтаксиса нашего языка.

Глава 12. Странствие по темному морю осознания

– Теперь мы можем немного яснее поговорить о *внутреннем безмолвии*, – сказал дон Хуан.

Его высказывание настолько не относилось к предыдущей теме разговора, что удивило меня. После полудня он несколько часов рассказывал мне о злоключениях, которые испытали индейцы яки после больших войн двадцатых годов, когда правительство Мексики депортировало их из родных мест в штате Сонора в Северной Мексике для работы на плантациях сахарного тростника в Центральной и Южной Мексике. Дон Хуан рассказал мне несколько потрясающих, горьких историй о яки, о политических интригах и предательстве, о лишениях и человеческих страданиях.

У меня было чувство, что дон Хуан готовит меня к чему-то, потому что он знал: меня хлебом не корми, только дай послушать такие рассказы. В то время у меня было обостренное чувство социальной справедливости и честной игры.

– Окружающие тебя обстоятельства могут позволить тебе приобрести больше энергии, – продолжал он. – Ты начал *перепросмотр* всей своей жизни; ты впервые посмотрел на своих друзей так, как будто они находятся на витрине; ты абсолютно самостоятельно, своими собственными усилиями пришел к своему *переломному моменту*; ты прекратил свой бизнес; и главное, ты скопил достаточно *внутреннего безмолвия*. Благодаря всему этому ты смог совершить странствие по *темному морю осознания*.

– Встреча со мной в том выбранном нами городе была таким путешествием, – продолжал он. – Я знаю, что у тебя почти всплыл на поверхность решающий вопрос и что на мгновение ты задал его себе: действительно ли я приходил к тебе домой? Мой приход к тебе не был для тебя сном. Я был реален, ты согласен?

– Ты был так же реален, как и все остальное, – сказал я.

Я почти забыл об этих событиях, но помнил, насколько странным мне показалось то, как он смог найти мою квартиру. Я отбросил свое удивление, просто предположив, что он разузнал у кого-то мой новый адрес. Хотя, задумайся я об этом глубже, я не смог бы назвать никого, кто знал бы тогда, где я живу.

– Давай проясним этот момент, – сказал он в ответ. – На моем языке, языке магов Древней Мексики, я был таким реальным, каким только мог быть, и в таком виде я действительно пришел к тебе из моего *внутреннего безмолвия*, чтобы сообщить о требовании *бесконечности* и предупредить тебя, что у тебя осталось мало времени. И ты, в свою очередь, из своего *внутреннего безмолвия* действительно отправился в этот выбранный нами город, чтобы сказать мне, что сумел выполнить требование *бесконечности*.

На твоем языке, языке обычного человека, я в обоих случаях был сном-фантазией. У тебя был сон-фантазия, что я пришел к тебе, не зная адреса, а затем у тебя был сон-фантазия, что ты прибыл, чтобы встретиться со мной. Что касается меня как мага, то, что ты считаешь своим сном-фантазией о встрече со мной в том городе, было настолько же реально, как наш с тобой разговор сегодня.

Я признался дону Хуану, что никак не мог приспособить эти события к образу мышления человека Запада. Я сказал, что думать о них в терминах снов-фантазий означает создавать ложную категорию, которая не выдерживает критики, и что единственным сколько-нибудь приемлемым объяснением является другой аспект его знаний: *сновидение*.

– Нет, это не *сновидение*, – подчеркнул он. – Это нечто более непосредственное и более загадочное. Кстати, у меня для тебя сегодня есть новое определение *сновидения*, соответствующее твоему сегодняшнему уровню. *Сновидение* – это действие изменения точки соединения с *темным морем осознания*. Если так его рассматривать, это очень простое понятие и очень

простой шаг. Тебе нужно все, что у тебя есть, чтобы осознать это, но это вполне осуществимо и не окружено мистическим туманом.

– Название *сновидение* всегда выводило меня из себя, – продолжал он, – потому что оно ослабляет очень могущественное действие. Из-за этого названия оно кажется чем-то случайным; оно в каком-то смысле становится фантазией, каковым ни в малейшей степени не является. Я пытался изменить это название, но оно слишком глубоко укоренилось. Может быть, когда-нибудь ты сможешь изменить его, хотя, как и со всем остальным в магии, боюсь, что, когда ты это действительно сумеешь, тебе будет уже до лампочки, как что бы то ни было называется.

Все то время, что я его знал, дон Хуан очень подробно объяснял, что *сновидение* – это искусство, открытое магами Древней Мексики, с помощью которого обычные сны преобразуются в настоящие *врата в иные миры восприятия*. Он приближал всеми возможными способами приход того, что он называл *вниманием сновидения*, то есть способности уделять особый вид внимания или особый вид осознания элементам обычного сна.

Я старательно следовал всем его рекомендациям и достиг успеха в том, чтобы приказывать своему осознанию оставаться фиксированным на элементах сна. Дон Хуан советовал мне не стараться специально увидеть желаемый сон, а фиксировать свое внимание на деталях любого обычного сна.

Затем дон Хуан энергетически показал мне то, что маги Древней Мексики считали источником *сновидения*: сдвиг *точки сборки*. Он сказал, что *точка сборки* очень естественно смещается во время сна, но *увидеть* это смещение нелегко, ибо для этого требуется агрессивное настроение[15], которое было пристрастием магов Древней Мексики. Эти маги, как сказал дон Хуан, открыли все основы своей магии с помощью этого настроения.

– Это очень хищническое настроение, – продолжал дон Хуан. – Совсем нетрудно войти в него, ибо человек по природе своей хищник. Ты можешь агрессивно *увидеть* любого в этой маленькой деревне или кого-то далеко отсюда, когда он спит; для этой цели подойдет любой. Что важно для тебя – так это прийти к чувству полной индифферентности. Ты ищешь что-то, и ты отправился на поиски этого. Ты отправишься на поиски человека, находя, как хищный зверь из породы кошачьих, кого-то, на кого можно напасть.

Дон Хуан сказал мне, смеясь над моим огорчением, что трудный момент этой техники – такое настроение и что мне нельзя быть пассивным во время *видения*, потому что это зрелище предназначено не для наблюдения, а для действия по отношению к нему. Возможно, повлияла сила внушения, но в тот день, когда он рассказал мне все это, я чувствовал себя поразительно агрессивным. Каждый мускул моего тела был переполнен энергией, и в моей практике *сновидения* я действительно отправился на поиски кого-то. Меня не интересовало, кем этот кто-то может быть. Мне нужен был кто-то спящий, и какая-то сила, о которой я знал, не совсем сознавая ее, направила меня к обнаружению этого кого-то.

Я так и не узнал, кто это был, но, когда я *видел* этого человека, я чувствовал присутствие дона Хуана. Это было странное ощущение – знать, что кто-то рядом со мной, ощущать неопределенное чувство близости, которое возникало на каком-то уровне осознания, не знакомом ни по каким моим действиям в прошлом. Я мог только сосредоточить свое внимание на неподвижном человеке. Я знал, что он мужчина, но не знал, откуда я это знаю. Я знал, что он спит,

---

[15] Aggressive mood *(англ.)*. Слово aggressive с английского переводится огромным количеством значений, которые могут в данном случае, как и многие другие кастанедовские термины, присутствовать здесь одновременно. Позвольте напомнить их вам: активный, протестующий, возмущенный, бунтующий, решительный, энергичный, настойчивый, напористый, наступательный, деятельный, живой, задиристый, вызывающий, активный, действенный, захватнический, предприимчивый; инициативный, быстро развивающийся, распространяющийся, всепроникающий, агрессивный, практический, враждебный; опасный и т. д. – *Прим. ред.*

потому что шар энергии, которым обычно является человек, был немного сплющен; он был растянут горизонтально.

И тут я увидел *точку сборки* не в таком положении, как обычно. Она была смещена направо и немного вниз от того места, где должна была быть. Я вычислил, что, если *точка сборки* обычно находится прямо за лопатками, в этом случае она переместилась в область ребер. Еще я заметил, что она была неустойчивой. Она беспорядочно колебалась, а затем вдруг вернулась в свое нормальное положение. У меня было отчетливое чувство, что, очевидно, мое присутствие и присутствие дона Хуана разбудило этого человека. Сразу же после этого я *увидел* массу неясных образов, а затем проснулся в том месте, откуда отправился.

И еще дон Хуан обычно говорил мне, что маги разделены на две группы: одна из групп – *сновидящие*; а другая – *сталкеры. Сновидящие* – это те, кто умеют с легкостью смещать *точку сборки. Сталкеры* – это те, кто способны удерживать *точку сборки* фиксированной в этом новом положении. *Сновидящие* и *сталкеры* дополняют друг друга и работают в парах, влияя друг на друга своими природными склонностями.

Дон Хуан заверил меня, что смещать и фиксировать *точку сборки* по своей воле можно с помощью железной дисциплины магов. Он говорил, что маги его линии считают, что в светящемся коконе, каковым мы являемся, есть по крайней мере шестьсот точек, которые при сознательном смещении *точки сборки* могут дать нам целые миры. Это значит, что, если наша *точка сборки* смещена в любую из этих точек и остается фиксированной в ней, мы воспринимаем такой же реальный мир, как и мир повседневной жизни, но отличающийся от него.

Кроме того, дон Хуан объяснил, что искусство магии состоит в том, чтобы манипулировать *точкой сборки* и по своей воле заставлять ее менять положение на светящихся сферах, каковыми являются люди. Результатом этой манипуляции является сдвиг *точки контакта с темным морем осознания*, из-за чего в *точке сборки* сосредоточивается другой пучок мириад энергетических полей в форме светящихся нитей. В результате того, что в *точке сборки* собираются новые энергетические поля, приходит в действие *осознание* иного типа, чем то, которое необходимо для восприятия мира повседневной жизни. Оно превращает новые энергетические поля в сенсорные данные, которые интерпретируются и воспринимаются как другой мир, поскольку порождающие его энергетические поля отличаются от привычных.

Он сказал, что точным определением магии как практики может быть определение: магия – это манипуляция *точкой сборки* с целью изменения фокуса ее точки контакта с *темным морем осознания*, позволяющая таким образом возможность восприятия других миров.

Дон Хуан сказал, что искусство *сталкеров* выходит на сцену после того, как *точка сборки* смещена. Сохранение фиксации *точки сборки* в ее новом положении обеспечивает магам абсолютно полное восприятие того нового мира, в который они входят, точно так же, как мы воспринимаем мир повседневных дел. Для магов линии дона Хуана мир повседневной жизни – это всего лишь одна складка всего мира, состоящего по крайней мере из шестисот таких складок.

Дон Хуан вернулся к теме моих странствий по *темному морю осознания* и сказал, что то, что я сделал исходя из своего *внутреннего безмолвия*, очень похоже на то, что делается в *сновидении*. Но при странствии по *темному морю осознания* нет никаких помех, вызванных сном, и нет никакой необходимости контролировать свое внимание, как во время сна. Странствие по *темному морю осознания* вызывает мгновенный отклик. В нем есть определенное всепоглощающее ощущение *здесь и сейчас*. Дон Хуан посетовал на то, что некоторые придурковатые маги назвали этот акт непосредственного достижения *моря осознания* «*сновидением в бодрствовании*», делая термин *сновидение* еще более нелепым.

– Когда ты думал, что у тебя сон-фантазия о путешествии в этот выбранный нами город, – продолжал он, – ты на самом деле переместил свою *точку сборки* прямо в определенное место *темного моря осознания*, которое позволяет совершить такое странствие. Затем *темное море осознания* обеспечило тебя всем необходимым для продолжения этого странствия. Никак

невозможно по своей воле выбрать это место. Маги говорят, что его безошибочно выбирает *внутреннее безмолвие*. Просто, правда?

Он объяснил мне тонкости такого выбора. Для *воинов-странников* этот выбор фактически не есть действие по выбиранию чего-то, а скорее действие по изысканному безмолвному согласию с просьбами *бесконечности*.

– Выбирает *бесконечность*, – сказал он. – Искусство *воина-странника* в том, чтобы обладать способностью двигаться по малейшему намеку; искусство безмолвно соглашаться с каждой командой *бесконечности*. Для этого *воину-страннику* нужна отвага, сила и, прежде всего, трезвость. Все эти три качества, вместе взятые, дают в результате элегантность в действиях!

После минутной паузы я вернулся к теме, которая больше всего меня интриговала.

– Но, дон Хуан, трудно поверить, что я действительно отправился в этот город телом и душой, – сказал я.

– Это невероятно, но так оно и есть, – сказал он. – Вселенная безгранична, и возможности игры во всей Вселенной в целом действительно ни с чем не сравнимы. Так что не попадайся на аксиому «Верю только в то, что вижу», потому что это самая дурацкая позиция, какую только можно занять.

Доводы дона Хуана были кристально ясны. Они имели смысл, но я не знал, где они имели этот смысл, – явно не в моем повседневном мире обычных дел. Тогда дон Хуан, вызвав во мне сильную тревогу, заверил меня, что для магов есть только один способ справляться со всей этой информацией: испытать ее на собственном опыте, ибо ум просто не способен воспринять все это.

– Что ты предлагаешь мне делать, дон Хуан? – спросил я.

– Ты можешь намеренно совершать путешествия по *темному морю осознания*, – ответил он, – но так и не узнаешь, как это делается. Скажем, это делает *внутреннее безмолвие*, следуя необъяснимыми путями, – путями, понять которые невозможно, можно только практиковать.

Дон Хуан попросил меня сесть на кровати и принять позу, которая способствует *внутреннему безмолвию*. Обычно я мгновенно засыпал всякий раз, как принимал эту позу. Но когда я был с доном Хуаном, из-за его присутствия я не мог заснуть; вместо этого я входил в настоящее состояние полной тишины. В этот раз после секундной тишины я обнаружил, что иду. Дон Хуан во время ходьбы направлял меня за руку.

Мы уже не были в его доме; мы шли по городу индейцев яки, в котором я никогда до этого не был. Я знал о существовании этого города; я много раз был рядом с ним, но мне приходилось поворачивать обратно из-за полнейшей враждебности людей, которые жили вокруг него. В этот город чужаку было почти невозможно войти. Единственными не-яки, которые имели свободный доступ в этот город, были инспектора из Федерального банка, так как банк скупал урожай у фермеров-яки. Бесконечные переговоры с фермерами-яки крутились вокруг получения от банка авансов наличными на основании близких к домыслам предположений о будущем урожае.

Я сразу же узнал город по описаниям людей, которые там побывали. Как будто для того, чтобы удивить меня еще больше, дон Хуан прошептал мне на ухо, что мы находимся в этом самом городе индейцев яки. Я хотел спросить его, как мы сюда попали, но не смог произнести ни слова. Там было много индейцев, которые о чем-то спорили; по-видимому, многие выходили из себя от гнева. Я не понимал ни слова из того, что они говорили, но, как только у меня родилась мысль, что я не понимаю, что-то прояснилось. Было очень похоже на то, как если бы в сцене появилось больше света. Все стало очень рельефным и четким, и я понял, о чем говорят эти люди, хотя и не знал как; я не говорил на их языке. Слова были явно понятны мне – не по отдельности, а группами, как будто мой ум мог воспринимать целые структуры мыслей.

Признаться, я получил невиданный шок – не столько из-за того, что понимал, о чем они говорят, но и из-за содержания их разговоров. Эти люди действительно были воинственными.

Это были совсем не люди Запада. Их слова были словами вражды, войны, стратегии. Они измеряли свою силу, свои ударные ресурсы и жалели о том, что у них не хватает сил осуществить свои удары. Я отметил в своем теле отражение боли их бессилия. У них были только палки и камни против вооружения высокой технологии. Они печалились о том, что у них нет лидеров. Больше всего на свете они желали появления какого-то обладающего притягательной энергией лидера, который вдохнул бы в них силы.

Затем я услышал циничный голос: один из них высказал мысль, которая, по-видимому, подавила всех без исключения, включая и меня, потому что я чувствовал себя как бы их неотъемлемой частью. Он сказал, что они побеждены безнадежно, ибо даже если сейчас у кого-то из них появится харизма для того, чтобы подняться и сплотить их, его предадут из-за чувства зависти, ревности и обиды.

Я хотел рассказать дону Хуану о том, что со мной происходило, но не мог произнести ни единого слова. Только дон Хуан мог говорить.

– Яки не уникальны в своей мелочности, – сказал он мне на ухо. – Это то состояние, в котором пойманы люди; состояние, которое даже не человеческое, а навязано извне.

Я почувствовал, как мой рот непроизвольно открывается и закрывается в отчаянной попытке задать вопрос, который я не мог даже сформулировать. Мой ум был пустым, лишенным мыслей. Мы с доном Хуаном стояли в кругу людей, но, кажется, никто из них нас не замечал. Я не видел никаких движений, реакций или взглядов украдкой, которые бы показали, что они о нас знают.

В следующее мгновение я оказался в построенном вокруг железнодорожной станции мексиканском городке, который находился приблизительно в полутора милях на восток от того места, где жил дон Хуан. Мы с доном Хуаном находились посреди улицы рядом с государственным банком. Сразу после этого я увидел одно из самых странных зрелищ, которые мне вообще приходилось наблюдать в мире дона Хуана. Я *видел* энергию как потоки во Вселенной, но я не *видел* людей как сферические или продолговатые шары энергии. Одно мгновение люди вокруг меня были нормальными людьми из повседневной жизни, а в следующее они стали некими странными существами. Шар энергии, которым является человек, был как бы прозрачным; это было подобно гало вокруг похожей на насекомое сердцевины. Эта сердцевина имела не форму примата. Не было никаких частей скелета, так что я не *видел* людей и как бы рентгеновским зрением, проходящим до костей. В сердцевине были скорее геометрические формы, созданные, по-видимому, из жесткой вибрации материи. Эта сердцевина была похожа на буквы алфавита – прописное Т было, по-видимому, главной строительной опорой. Перед Т было подвешено толстое перевернутое L; греческая буква дельта, которая доходила почти до земли, была расположена ниже вертикальной черты Т и, очевидно, служила опорой всей этой структуры. Сверху на букве Т я увидел что-то вроде веревки диаметром около дюйма; она проходила через верхушку светящейся сферы, как будто то, что я *видел*, было на самом деле гигантской бусиной, подвешенной за верхнюю часть, как драгоценный камень.

Когда-то дон Хуан познакомил меня с метафорой, описывающей единство энергетических нитей людей. Он сказал, что маги Древней Мексики описали эти нити как занавес, сделанный из нанизанных на нить бусин. Я понял это буквально, как будто нить проходит через многочисленные энергетические поля, которыми мы являемся, с головы до пяток. Прикрепляющая нить, которую я *видел*, делала круглую форму энергетических полей людей скорее похожей на брелок. Но я не *видел*, чтобы хоть какие-то существа были подвешены на одной нити. Все без исключения существа, которых я *видел*, были в форме геометрических фигур с какой-то нитью в верхней части сферического гало. Эти нити мне очень напомнили разрозненные, похожие на червей формы, которые некоторые из нас видят через полуприкрытые веки под солнечным светом.

Мы с доном Хуаном прошли по городу из одного конца в другой, и я *увидел* буквально десятки существ геометрической формы. Моя способность *видеть* их была крайне неустойчива. Я на мгновение *видел* их, а затем терял из виду и сталкивался с обычными людьми.

Вскоре я страшно устал и мог видеть только обычных людей. Дон Хуан сказал, что пора возвращаться домой, и опять что-то во мне потеряло мое обычное чувство непрерывности. Я оказался в доме дона Хуана, не имея ни малейшего представления о том, как я пересек расстояние от города до дома. Я лежал в своей кровати и отчаянно пытался вспомнить, вернуть мое воспоминание, обыскать глубины самого себя в поисках ключа к тому, как я попал в город яки и в город возле железнодорожной станции. Я не верил, что это были сны-фантазии, потому что сцены были настолько детальными, что могли быть только реальностью, и все же быть реальностью они не могли никак.

– Ты теряешь свое время, – сказал дон Хуан, смеясь. – Я обещаю тебе, что ты никогда не узнаешь, как мы попали из дома в город яки, и из города индейцев яки на железнодорожную станцию, и от станции – домой. Произошел разрыв в непрерывности времени. Вот что делает *внутреннее безмолвие*.

Он терпеливо объяснил мне, что прерывание потока непрерывности, который делает мир для нас понятным, – это магия. Он заметил, что я в этот день странствовал по *темному морю осознания* и *видел* людей такими, каковы они есть, занятыми человеческими делами. А затем я видел нить энергии, которая связывает специфические линии человеческих существ.

Дон Хуан повторял мне снова и снова, что я был свидетелем чего-то конкретного и необъяснимого – я понимал то, что говорят люди, не зная их языка, я *видел* нить энергии, которая соединяет людей с некоторыми другими существами, – и что я выбрал эти аспекты с помощью *намеревания* этого. Он подчеркнул, что совершенное мной *намеревание* было не сознательным и не произвольным, что *намеревался* я на глубоком уровне и *намерение* было продиктовано необходимостью. Мне нужно было познакомиться с некоторыми из возможностей странствия по *темному морю осознания*, и мое *внутреннее безмолвие* направило *намерение* – извечную силу Вселенной – к удовлетворению этой потребности.

Глава 13. Неорганическое осознание

К данному моменту моего ученичества дон Хуан раскрыл мне запутанность его жизненной ситуации. Он заявил, вызвав у меня досаду и уныние, что он живет в хибарке в штате Сонора в Мексике потому, что эта хибарка отображает мое состояние осознания. Я не очень-то поверил, что он действительно считает меня настолько ограниченным, точно так же, как не верил и в то, что у него есть другие места для жительства, как он утверждал.

Оказалось, что он был прав и в том, и в другом. Мое состояние осознания было очень ограниченным, а у него действительно были другие места, где он мог жить, бесконечно более комфортабельные, чем хибарка, в которой я впервые его нашел. И он был не одиноким магом, каковым я его считал, а лидером группы пятнадцати других *воинов-странников*: десяти женщин и пяти мужчин. Мое удивление, когда он привез меня в свой огромный дом в Центральной Мексике, где он жил вместе со своими магическими компаньонами, было огромным.

– Ты жил в Соноре только из-за меня, дон Хуан? – спросил я его, не в силах нести эту ответственность, которая наполняла меня чувством вины, раскаяния и собственной ничтожности.

– Ну, на самом деле я там не жил, – сказал он, смеясь, – я только встречал тебя там.

– Но как… но как же так, дон Хуан, ты ведь никогда не знал, когда я приеду к тебе, – сказал я. – Я никак не мог предупреждать тебя об этом!

– Ну, если ты точно помнишь, – сказал он, – множество раз ты меня не находил. Тебе приходилось терпеливо сидеть и ждать меня, иногда несколько дней.

– Ты летал отсюда в Гуаймас, дон Хуан? – искренне спросил я.

Я думал, что быстрее всего было лететь на самолете.

– Нет, я не летал в Гуаймас, – сказал он с широкой улыбкой. – Я летал прямо к хибарке, в которой ты ждал.

Я знал, что он специально говорит мне то, что мой линейный ум не может ни понять, ни принять, – то, что бесконечно сбивало меня с толку. В те дни я был на таком уровне осознания, что постоянно задавал себе роковой вопрос: «А что, если все, что говорит дон Хуан, – правда?»

Я не хотел больше задавать ему никаких вопросов, потому что безнадежно заблудился, пытаясь навести мост между нашими двумя способами мышления и действия.

В своем новом для меня окружении дон Хуан начал тщательно знакомить меня с более сложной гранью его знаний, гранью, которая требовала всего моего внимания, гранью, в которой просто воздерживаться от оценок было недостаточно. В этот раз мне действительно пришлось погрузиться в глубины его знаний. Мне пришлось перестать быть объективным, и в то же время – воздерживаться от субъективности.

Однажды я помогал дону Хуану заострить несколько бамбуковых кольев на заднем дворе его дома. Он попросил меня надеть какие-то рабочие перчатки, потому что щепки бамбука очень острые и легко вызывают инфекцию. Он научил меня, как использовать нож, чтобы зачищать бамбук. Я углубился в эту работу. Когда дон Хуан заговорил со мной, мне пришлось перестать работать, чтобы уделять ему все свое внимание. Он сказал, что я достаточно много сделал и что нам нужно зайти в дом.

Он попросил меня сесть в очень удобном кресле в его просторной, почти пустой гостиной. Он дал мне орехи, сушеные абрикосы и ломтики сыра, аккуратно разложенные на тарелке. Я возразил, что хочу закончить заострять бамбук. Я не хотел есть. Но он не обращал на меня внимания. Он посоветовал мне есть понемногу, медленно и внимательно, потому что мне понадобится достаточное количество пищи, чтобы быть алертным и внимательным к тому, что он собирается мне сказать.

– Ты уже знаешь, – начал он, – что во Вселенной существует извечная сила, которую маги Древней Мексики назвали *темным морем осознания*. Когда они были на максимуме своих способностей восприятия, они *увидели* то, из-за чего у них душа ушла в подштанники – конечно, если они носили подштанники. Они *увидели*, что *темное море осознания* отвечает не только за осознание организмов, но и за осознание сущностей, у которых нет организма.

– Что это такое, дон Хуан, что за существа без организма, обладающие осознанием? – спросил я удивленно, потому что он раньше никогда не упоминал ни о чем подобном.

– Древние шаманы обнаружили, что вся Вселенная состоит из двух сил-близнецов, – начал он, – сил, которые противоположны и дополняют друг друга. Наш мир неизбежно имеет двойника. Его противоположный и взаимодополняющий мир населен существами, которые обладают осознанием, но не имеют организма. Поэтому древние шаманы назвали их *неорганическими существами*.

– А где находится этот мир, дон Хуан? – спросил я, бессознательно жуя кусочек сушеного абрикоса.

– Здесь, где мы с тобой сидим, – ответил он как ни в чем не бывало, но сразу же засмеялся над моей нервозностью. – Я сказал тебе, что это наш мир-близнец, так что он тесно связан с нами. Маги Древней Мексики не думали так, как ты, в терминах пространства и времени. Они думали исключительно в терминах осознания. Два типа осознания сосуществуют вместе, никогда не сталкиваясь друг с другом, потому что каждый из них совершенно отличается от другого. Древние шаманы встретились с этой проблемой сосуществования, не касаясь понятий времени и пространства. Они сделали вывод, что уровни осознания *органических существ* и *неорганических существ* настолько разные, что они могут сосуществовать с минимальным взаимным вмешательством.

– А мы можем воспринимать эти *неорганические существа*, дон Хуан? – спросил я.

– Конечно, можем, – ответил он. – Маги делают это по своей воле. Обычные люди тоже делают это, но не понимают, что они это делают, поскольку не сознают существования мира-двойника. Когда они думают о мире-двойнике, они начинают заниматься разнообразной умственной мастурбацией, но им никогда не приходило в голову, что источник их фантазий находится в подсознательном знании, которое есть у всех нас: мы не одиноки.

Слова дона Хуана захватили мое внимание. Вдруг я почувствовал страшный голод. Под ложечкой появилась какая-то сосущая пустота. Я мог только как можно внимательнее слушать и есть.

– Когда ты смотришь на мир в терминах времени и пространства, – продолжал он, – трудность состоит в том, что ты замечаешь лишь то, что оказалось в имеющемся у тебя пространстве и времени, которые очень ограничены. С другой стороны, у магов есть огромное поле, где они могут увидеть, не оказалось ли там что-то постороннее. Множество сущностей со всей Вселенной, сущностей, имеющих осознание, но не имеющих тела, оказываются в поле осознания нашего мира или в поле осознания мира-двойника, а обычный человек совершенно не замечает этого. Сущности, которые приземляются на наше поле осознания или поле осознания близнеца нашего мира, принадлежат другим мирам, которые существуют помимо нашего мира и его близнеца. Вселенная в целом переполнена мирами осознания, *органическими* и *неорганическими*.

Дон Хуан продолжил говорить, что эти маги знали, когда *неорганическое осознание* из других миров, кроме нашего мира-близнеца, приземляется на их поле осознания. Он сказал, что, как и любой человек на Земле, эти шаманы делали бесконечные классификации разных типов этой энергии, обладающей осознанием. Они называли их общим термином *неорганические существа*.

– А эти *неорганические существа* живые, как живые и мы? – спросил я.

– Если ты считаешь, что быть живым означает осознавать, то они действительно живы, – сказал он. – Я думаю, было бы точнее сказать, что если жизнь можно измерить по интенсивности, остроте, продолжительности этого осознания, то могу искренне сказать, что они живее, чем мы с тобой.

– А эти *неорганические существа* умирают, дон Хуан? – спросил я.

Дон Хуан прокашлялся, прежде чем ответить.

– Если ты называешь смертью прекращение осознавания – то да, они умирают. Их осознание заканчивается. Их смерть довольно похожа на смерть человека – и в то же время непохожа, потому что в смерти человека есть скрытая возможность выбора. Это как пункт юридического документа, пункт, написанный крошечными буквами, которые еле видно. Нужно использовать лупу, чтобы прочитать его, и все же это самый важный пункт документа.

– Какая скрытая возможность, дон Хуан?

– Скрытая возможность выбора в смерти открыта только для магов. Насколько я знаю, лишь они прочитали эти мелкие буквы. Для них эта возможность уместна и практична. Для обычных людей смерть означает прекращение их осознания, конец их организмов. Для *неорганических существ* смерть означает то же самое: конец их осознания. В обоих случаях воздействие смерти – это втягивание в *темное море осознания*. Их отдельное осознание, несущее жизненный опыт, прорывает свои границы и как энергия вливается в *темное море осознания*.

– Дон Хуан, а что это за скрытая возможность выбора в смерти, которую находят только маги?

– Для мага смерть – это объединяющий фактор. Вместо того чтобы раздроблять организм, как это обычно происходит, смерть объединяет его.

– Как может смерть что-то объединить? – возразил я.

– Для мага смерть, – сказал он, – кладет конец преобладанию отдельных настроений в теле. Маги древности считали, что именно преобладание различных частей тела руководит настроениями и действиями всего тела; части, которые перестали нормально действовать, тянут остальные части тела к хаосу, – например, когда человек заболевает от того, что съел какую-то дрянь. В этом случае настроение живота влияет на все остальное. Смерть ликвидирует преобладание этих отдельных частей. Она объединяет их осознание в одну единицу.

– Ты имеешь в виду, что после смерти маги продолжают осознавать? – спросил я.

– Для магов смерть – это акт объединения, который задействует каждую частичку их энергии. Ты думаешь о смерти как о трупе перед собой: тело с признаками разложения. Для магов, когда происходит объединение, нет никакого трупа. Нет никакого разложения. Их тела во всей полноте превращаются в энергию, энергию, обладающую осознанием, которое не раздроблено. Границы, установленные организмом, которые смерть разрушает, в случае магов продолжают действовать, хотя они уже не видны невооруженным глазом.

– Я знаю, что тебе не терпится спросить меня, – продолжал он с широкой улыбкой, – является ли то, что я описываю, душой, которая идет в ад или в рай. Нет, это не душа. Когда маги находят эту скрытую возможность выбора в смерти, с ними происходит вот что: они превращаются в *неорганические существа*, очень своеобразные, высокоскоростные *неорганические существа*, способные на колоссальные акты восприятия. Тогда маги начинают то, что шаманы Древней Мексики назвали их *окончательным путешествием*. Областью их действий становится *бесконечность*.

– Дон Хуан, ты имеешь в виду, что они становятся вечными?

– Моя *трезвость* как мага говорит мне, – сказал он, – что их осознание прекратится, так же как прекращается осознание *неорганических существ*, но я никогда не *видел*, чтобы это происходило. Маги древности считали, что осознание *неорганического существа* такого типа продолжается, пока жива Земля. Земля – это их матрица. Пока она существует, их осознание продолжается. Для меня это совершенно разумное утверждение.

Последовательность и упорядоченность объяснений дона Хуана показались мне превосходными. Мне было абсолютно нечего добавить. Он оставил у меня чувство тайны и неудовлетворенных невысказанных ожиданий.

* * *

Во время моего следующего визита к дону Хуану я начал свой разговор с того, что нетерпеливо задал ему вопрос, который уже давно меня интересовал:

– Дон Хуан, возможно ли, что привидения и призраки действительно существуют?

– Что бы ты ни называл призраком или привидением, – сказал он, – при внимательном изучении магом сводится к одному вопросу – возможно, что какие-то из этих призрачных привидений могут быть конгломератом, обладающим осознанием энергетических полей, который мы сами превращаем в знакомые нам вещи. Если это так, то привидения обладают энергией. Маги называют их *генерирующими энергию конфигурациями*. Или, если они не излучают никакой энергии, в этом случае они являются фантасмагорическими созданиями, обычно созданными очень сильным человеком – сильным в смысле осознания.

– Меня глубоко заинтриговала одна история, – продолжал дон Хуан, – история, которую ты рассказал мне однажды о своей тетушке. Ты ее помнишь?

Я когда-то рассказал дону Хуану, что, когда мне было четырнадцать лет, я переехал жить в дом сестры моего отца. Она жила в гигантском доме, в котором было три внутренних дворика с жилыми помещениями между ними – спальнями, гостиными и т. д. Первый внутренний дворик был вымощен булыжником. Мне рассказали, что это был колониальный дом, к которому подъезжали кареты. Второй дворик был прекрасным садом с зигзагами кирпичных дорожек в мавританском стиле, заполненным фруктовыми деревьями. Третий внутренний дворик был занят цветочными горшками, подвешенными на выступах крыши, птицами в клетках, а в центре его располагался фонтан в колониальном стиле, из которого била вода, и с большим, отгороженным проволочным заборчиком участком, специально для призовых бойцовых петухов – пристрастия моей тетушки.

Моя тетя отвела мне целые апартаменты прямо перед фруктовым садом. Я думал, что проведу там всю жизнь. Я мог есть сколько угодно фруктов. Кроме меня, никто из домашних не прикасался к фруктам с этих деревьев, и мне так и не сказали почему. В доме жила моя тетя, высокая круглолицая полная леди лет за пятьдесят, очень жизнерадостная, прекрасный рассказчик, со множеством чудачеств, которые она скрывала за напускной формальностью и внешним видом набожной католички. Был еще дворецкий, высокий, импозантный мужчина лет за сорок, который был старшим сержантом в армии и которого сманили со службы на лучше оплачиваемую должность дворецкого, телохранителя и мастера на все руки в доме тетушки. Его жена, красивая молодая женщина, была компаньонкой моей тети, кухаркой и наперсницей. У этой пары еще была дочь, пухленькая маленькая девочка, которая выглядела точно как моя тетя. Их сходство было настолько сильным, что моя тетя удочерила ее официально.

Эти четверо были самыми спокойными людьми, каких я встречал. Они жили очень мирной жизнью, прерывавшейся только чудачествами моей тети, которая вдруг решала отправиться в путешествие или купить новых многообещающих бойцовых петухов и натаскать их и действительно устроить серьезные соревнования, в которых держались пари на огромные суммы. Она ухаживала за своими бойцовыми петухами с нежной заботой, иногда целыми днями. Она носила толстые кожаные перчатки и жесткие кожаные краги, чтобы боевые петухи не поранили ее шпорами.

Я провел два великолепных месяца, живя в доме моей тети. В послеобеденное время она учила меня музыке и рассказывала бесконечные истории о предках моей семьи. Мое положение было для меня идеальным, потому что я часто уходил гулять с друзьями и мне не нужно

было никому отчитываться, когда я возвращался. Иногда я по нескольку часов не засыпал, лежа на кровати. Я держал окно открытым, чтобы запах цветов апельсина наполнял мою комнату. Каждый раз, когда я лежал так без сна, я слышал, как кто-то шагает по коридору, который, объединяя все внутренние дворики дома, проходил по всей длине имения с северной стороны. В нем были красивые арки и выложенный плиткой пол. Четыре лампочки минимального напряжения тускло освещали этот коридор, – лампочки, которые включались в шесть часов каждый вечер и выключались в шесть утра.

Я спросил мою тетю, ходит ли ее дворецкий по ночам и останавливается ли он около моего окна, потому что, кто бы это ни был, он всегда останавливался около моего окна, разворачивался и шел обратно к главному входу в дом.

– Не беспокойся из-за чепухи, дорогой, – сказала моя тетя с улыбкой. – Это, наверное, мой дворецкий делает обход. Большая важность! Ты что, испугался?

– Нет, я не испугался, – сказал я, – мне просто любопытно, потому что твой дворецкий каждую ночь подходит к моей комнате. Иногда его шаги будят меня.

Она отбросила мой вопрос как несущественный, сказав, что дворецкий был военным и что он привык делать обход как часовой. Я принял ее объяснение.

Однажды я сказал дворецкому, что его шаги слишком громкие и не мог бы он делать свой обход мимо моего окна чуть аккуратнее, чтобы я не просыпался.

– Не знаю, о чем ты говоришь! – сказал он хриплым голосом.

– Моя тетя сказала мне, что ты делаешь обход ночью, – сказал я.

– Я никогда такого не делаю! – сказал он. Его глаза горели раздражением.

– А кто тогда ходит мимо моего окна?

– Никто не ходит мимо твоего окна. Тебе это кажется. Просто снова засыпай. Не надо лишней суматохи. Я говорю тебе это для твоей же пользы.

В те годы для меня не было ничего хуже, чем чье-то утверждение, что он делает что-то для моей же пользы. В эту ночь, услышав шаги, я вышел из своей спальни и встал за стеной, которая вела к входу в мои апартаменты. Когда я вычислил, что тот, кто идет, находится около второй лампочки, я просто высунул голову, чтобы выглянуть в коридор. Шаги вдруг прекратились, но никого не было видно. Тускло освещенный коридор был пуст. Если бы кто-то шел, у него не было бы времени спрятаться, потому что прятаться было некуда. Были только голые стены.

Я был в таком ужасе, что разбудил весь дом пронзительным криком. Моя тетя и дворецкий старались меня успокоить, говоря мне, что все это мне померещилось, но я был настолько возбужден, что в конце концов они оба робко признались, что что-то им неизвестное ходит по дому каждую ночь.

Дон Хуан сказал, что почти наверняка это моя тетя ходила ночью; то есть какой-то аспект ее осознания, над которым она не имела никакого волевого контроля. Он считал, что это явление следовало чувству игривости и тайны, которое она культивировала. Дон Хуан был уверен, что, вполне возможно, моя тетя на подсознательном уровне не только создавала все эти звуки, но была способна и на гораздо более сложные манипуляции осознанием. Еще дон Хуан сказал, что, если быть честным, нужно признать возможность, что эти шаги были действием *неорганического осознания*.

Дон Хуан сказал, что *неорганические существа*, населяющие наш сдвоенный мир, считаются магами его линии нашими родственниками. Эти шаманы считали, что бесполезно завязывать дружбу с членами семьи, потому что на такую дружбу всегда накладываются непомерные требования. Он сказал, что *неорганические существа* этого типа, которые приходятся нам двоюродными братьями, беспрестанно общаются с нами, но их общение находится не на уровне нашего осознания. Другими словами, мы все знаем о них подсознательно, а они все знают о нас сознательно.

– Энергия наших двоюродных братьев – обуза! – продолжал дон Хуан. – Они настолько же испорчены, как и мы. *Органические* и *неорганические существа* наших спаренных миров – это, скажем, дети двух сестер, которые живут по соседству. Они совершенно одинаковы, хотя и выглядят по-разному. Они не могут помочь нам, и мы не можем помочь им. Возможно, мы могли бы объединиться и создать потрясающую семейную корпорацию, но этого не произошло. Обе ветви семьи очень раздражительны и обижаются из-за пустяков – обычные отношения между раздражительными двоюродными братьями. Маги Древней Мексики считали, что загвоздка в том, что и люди, и *неорганические существа* из сдвоенных миров – порядочные эгоисты.

По словам дона Хуана, маги Древней Мексики выделили еще один класс *неорганических существ – лазутчиков*, или *исследователей*, и подразумевали под этим *неорганические существа*, которые пришли из глубин Вселенной и которые обладают бесконечно более острым и быстрым осознанием, чем люди. Дон Хуан сказал, что маги древности много поколений совершенствовали свои классификационные схемы, и, по их выводам, определенные типы *неорганических существ* из категории *лазутчиков*, или *исследователей*, похожи на человека своей жизнерадостностью. Они могут создавать каналы связи или устанавливать симбиотические отношения с человеком. Маги древности называли такие *неорганические существа союзниками*.

Дон Хуан объяснил, что главной ошибкой этих шаманов по отношению к такому типу *неорганических существ* было придавать человеческие характеристики этой безличной энергии и считать, что они могут ее обуздать. Они считали эти сгустки энергии своими помощниками и опирались на них, не понимая, что, как чистая энергия, эти существа не способны предпринимать какие бы то ни было усилия.

– Я рассказал тебе все, что нужно знать о *неорганических существах*, – вдруг сказал дон Хуан. – Единственный способ, которым ты можешь проверить это, – непосредственный опыт.

Я не спросил, что он предлагает мне сделать. Из-за глубокого страха мое тело сотрясалось нервными спазмами, которые взрывались, как извержение вулкана, из моего солнечного сплетения и распространялись вниз до кончиков пальцев на ногах и вверх до самой макушки.

– Сегодня мы отправимся на поиски *неорганических существ*, – объявил он.

Дон Хуан велел мне сесть на моей кровати и снова принять положение, которое способствует *внутреннему безмолвию*. Я выполнил его приказ с необыкновенной легкостью. Обычно я делал это неохотно, возможно, не выражая этого открыто, но все же чувствуя какой-то протест. У меня промелькнула смутная мысль, что к тому времени, когда я сел, я уже находился в состоянии *внутреннего безмолвия*. Мои мысли были уже нечеткими. Я почувствовал себя в окружающей меня непроницаемой темноте, которая вызвала у меня чувство, как будто я засыпаю. Мое тело было совершенно неподвижным – либо потому, что у меня не было намерения подавать ему какие-то команды двигаться, либо потому, что я просто не мог их сформулировать.

Через мгновение я обнаружил себя с доном Хуаном идущими по пустыне Сонора. Я узнал это место; я был здесь с ним столько раз, что запомнил каждую деталь. Был конец дня, и свет заходящего солнца вызвал у меня настроение отчаяния. Я автоматически шел, осознавая в своем теле ощущения, не сопровождаемые мыслями. Я не описывал себе свое состояние. Я хотел сказать об этом дону Хуану, но желание сообщить ему о моих телесных ощущениях мгновенно исчезло.

Дон Хуан очень медленно, низким, серьезным голосом сказал, что высохшее русло реки, по которому мы идем, прекрасно подходит для намеченного нами дела и что я должен сесть на небольшой валун. Сам он пошел и сел на другой валун, на расстоянии около пятидесяти футов. Я не спрашивал дона Хуана, как обычно, что мне нужно делать. Я знал, что мне нужно делать. Затем я услышал шорох шагов людей, идущих через кусты, изредка разбросанные вокруг.

В этом районе не хватало влажности для обильного роста небольших растений. Росло лишь несколько крупных кустов на расстоянии около десяти-пятнадцати футов друг от друга.

Я увидел, что ко мне приближаются два человека. Они выглядели как местные жители, может быть, индейцы яки из одного из их близлежащих городов. Они подошли и встали около меня. Один из них беззаботно спросил, как у меня дела. Я хотел улыбнуться ему, засмеяться, но не мог. Мое лицо было крайне жестким. И все же я был полон энтузиазма. Я хотел подпрыгнуть вверх-вниз, но не смог. Я сказал ему, что у меня все хорошо. Потом я спросил их, кто они. Я сказал им, что я их не знаю, хотя ощущал необыкновенно близкое знакомство с ними. Один из них сказал как ни в чем не бывало, что они – мои *союзники*.

Я уставился на них, пытаясь запомнить их черты, но они менялись. Казалось, что они меняют форму в соответствии с настроением моего взгляда. Не было никаких мыслей. Все направлялось интуитивными ощущениями. Я смотрел на них так долго, что их черты полностью стерлись, и в конце концов передо мной оказались два сверкающих светящихся шара, которые вибрировали. У этих светящихся шаров не было четких границ. По-видимому, они сохраняли форму за счет внутренних связей. Иногда они становились плоскими и широкими. Потом они снова становились более вертикальными, высотой с человека.

Вдруг я почувствовал, что рука дона Хуана хватает меня за правую руку и оттягивает от валуна. Он сказал, что нам пора идти. В следующее мгновение я опять был в его доме, в Центральной Мексике, озадаченный, как никогда.

– Сегодня ты нашел *неорганическое осознание*, а затем *увидел* его таким, каково оно есть на самом деле, – сказал он. – Энергия – это несократимый остаток всего. Что касается нас, прямо *видеть* энергию – предел достижений для человека. Возможно, есть и другие вещи кроме этого, но нам они недоступны.

Дон Хуан говорил все это снова и снова, и каждый раз, когда он это произносил, его слова как бы делали меня все более и более твердым.

Я рассказал дону Хуану все, что наблюдал, все, что слышал. Дон Хуан объяснил мне, что я в этот день достиг успеха в преобразовании человекоподобной формы *неорганических существ* в их суть: осознающую себя безличную энергию.

– Ты должен понять, – сказал он, – что именно наше познание, суть нашей системы интерпретаций сокращает наши ресурсы. Именно система интерпретаций говорит нам о параметрах наших возможностей, и поскольку мы всю жизнь использовали эту систему интерпретаций, мы никак не можем отважиться поступить вопреки ее авторитету.

– Энергия этих *неорганических существ* толкает нас, – продолжал дон Хуан, – и мы интерпретируем этот толчок как можем, в зависимости от настроения. Для мага самая трезвая вещь, которую он может сделать, – это перевести эти сущности на абстрактный уровень. Чем меньше интерпретаций делают маги, тем лучше.

– С этого момента, – продолжал он, – каждый раз, когда ты встречаешься со странным зрелищем или призраком, сохраняй самообладание и пристально и непреклонно смотри на него. Если это *неорганическое существо*, твоя интерпретация его опадет, как сухие листья. Если ничего не происходит, это просто пустяковая ошибка твоего ума, который все равно не твой ум.

Глава 14. Ясный взгляд

Впервые в жизни я почувствовал себя в полном замешательстве относительно того, как вести себя в мире. Но изменился не мир вокруг меня. Изъян явно был во мне. Влияние дона Хуана и вся связанная с его практиками деятельность, в которую он настолько глубоко меня вовлек, звонили внутри меня колоколами и вызывали во мне растущую неспособность иметь дело с себе подобными. Вникнув в суть своих затруднений, я понял, что моей ошибкой было стремление мерить всех и вся по мерке дона Хуана.

Дон Хуан был с моей точки зрения тем, кто проживает свою жизнь во всех смыслах этого слова профессионально, то есть придавая значение каждому своему поступку, даже самому несущественному. Меня же окружали люди, уверенные в своем бессмертии, противоречившие себе на каждом шагу; существа, которые никогда не могли бы отчитаться за свои действия.

Это было нечестной игрой; карты были подтасованы не в пользу людей, с которыми я сталкивался. Я привык к неизменности линии поведения дона Хуана, к полному отсутствию у него чувства собственной важности, к глубочайшей проницательности его ума. А среди знакомых мне людей мало кто даже сознавал, что существует другой тип поведения, воспитывающий такие качества. Большинство из них знали лишь тип поведения, связанный с саморефлексией, которая делает человека слабым и извращенным.

В результате для моих академических занятий наступили тяжелые времена – я стал пренебрегать ими, отчаянно пытаясь найти рациональное оправдание своим усилиям на этом поприще. Единственное, что пришло мне на помощь и помогло найти в этом отношении опору – весьма, впрочем, шаткую, – был некогда данный доном Хуаном совет, что *воины-странники* должны любить знание в любой его форме.

Он определил понятие *воины-странники*, объяснив, что оно относится к магам, которые, будучи воинами, странствовали по *темному морю осознания*. Он добавил, что люди есть странники по *темному морю осознания*, а этот мир – не что иное, как промежуточный пункт на их пути, но по независящим от них причинам, о которых он не счел нужным тогда говорить, они прервали свое путешествие. Он сказал, что люди были захвачены своего рода вихрем – круговым течением, которое давало им ощущение движения, в то время как они, в сущности, были неподвижны. Он считал, что единственными, кто смог противостоять захватившей людей таинственной силе, были маги, которые с помощью своего искусства освободились от ее власти и продолжили *путешествие осознания*.

Окончательному расстройству моей академической жизни способствовало и то, что я утратил всякий интерес к антропологии, переставшей для меня что-либо значить. Не то чтобы она была недостаточно привлекательна, скорее дело было в том, что здесь приходилось по большей части манипулировать словами и понятиями, как в юридических документах, когда требуется получить некий результат для установления прецедента. Это оправдывают тем, что так устроено человеческое познание и усилия каждого индивидуума представляют собой кирпичик в стене этого здания. В качестве примера приводят правовую систему, по которой мы живем и значение каковой для нас трудно переоценить. Однако мои тогдашние романтические представления не позволяли мне выступать по отношению к антропологии в роли судьи. Я был целиком и полностью убежден, что антропология должна быть образцом всех человеческих устремлений, иначе говоря, мерилом человека.

Дон Хуан, совершеннейший прагматик, истинный *воин-странник* по *непознанному*, считал, что я просто зануда. Он говорил, что не имеет значения, что предложенные мне антропологические темы требуют манипулирования словами и понятиями; важно тренировать свою дисциплинированность.

– Совершенно безразлично, – сказал он мне однажды, – насколько ты хороший читатель и как много прекрасных книг ты можешь прочесть. Важно, что ты достаточно дисциплинирован, чтобы читать то, чего тебе читать не хочется. Трудности овладения искусством мага состоят в том, от чего ты отказываешься, а не в том, что приемлешь.

Я решил на время отвлечься от науки и поработать в оформительском отделе компании, изготовлявшей переводные картинки. Эта работа поглотила меня целиком. Я поставил себе задачу выполнять предлагаемые мне задания настолько качественно и быстро, насколько это было в моих силах. Подготовка виниловых листов с картинками к шелкотрафаретной печати была стандартной процедурой, не допускавшей никаких новшеств, и производительность работника определялась точностью и быстротой ее выполнения. Я стал трудоголиком и был чрезвычайно доволен собой.

С начальником оформительского отдела мы стали закадычными друзьями. Он фактически взял меня под свое крыло. Звали его Эрнест Липтон. Я безмерно восхищался им и уважал его. Он был прекрасным художником и великолепным мастером своего дела. Недостатком его была мягкость – невероятная деликатность к окружающим, граничившая со слабостью.

К примеру, однажды мы выезжали с автостоянки возле ресторана, в котором обедали. Он очень вежливо подождал, пока выедет с места парковки автомобиль, стоявший перед ним. Его водитель, очевидно, не видел нас и стал на приличной скорости сдавать назад. Эрнест Липтон мог просто посигналить, чтобы обратить его внимание на то, куда он едет. Вместо этого он с идиотской улыбкой наблюдал, как этот малый врезался в его машину. Затем он повернулся ко мне и стал извиняться:

– Ну, я, конечно, мог посигналить, но это так чертовски громко, что я постеснялся.

Парень, врезавшийся в машину Эрнеста, был в ярости, и его пришлось успокаивать.

– Не волнуйтесь, – сказал Эрнест, – ваша машина не пострадала. К тому же вы только разбили мне фары, а я все равно собирался их менять.

В другой раз мы оживленно беседовали в том же ресторане с приглашенными Эрнестом на ланч японцами – клиентами компании. Подошел официант и убрал несколько салатниц, расчищая на узком столе место для огромных горячих тарелок с главным блюдом. Одному из клиентов-японцев понадобилось больше пространства. Он подвинул свою тарелку вперед; она толкнула тарелку Эрнеста, и та заскользила по столу. И снова Эрнест мог предупредить его, но не сделал этого. Он сидел, улыбаясь, до тех пор, пока тарелка не упала ему на колени.

В другой раз я пришел к нему домой, чтобы помочь ему установить над внутренним двориком несколько жердей. По ним он решил пустить виноградные лозы, чтобы те давали тень и плодоносили. Мы сколотили жерди в огромную решетку, после чего подняли один ее край и привинтили к поперечинам. Эрнест был высоким и очень сильным мужчиной и с помощью бруса поднял другой край, чтобы я вставил болты в уже засверленные в поперечинах отверстия. Но не успел я вставить болты, как в двери настойчиво постучали, и Эрнест попросил меня взглянуть, кто там, а он пока подержит решетку.

В дверях стояла его жена с покупками в руках. Она завела со мной длинную беседу, и я позабыл об Эрнесте. Я даже помог ей занести покупки. Раскладывая пучки сельдерея, я вспомнил, что мой друг все еще держит решетку, и, зная его, не усомнился в том, что он стоит, где стоял, ожидая от остальных такой же деликатности, какой обладал сам. Я отчаянно бросился на задний двор и увидел его лежащим на земле. Он упал от изнеможения, не в силах больше держать тяжелую деревянную решетку. Выглядел он как тряпичная кукла. Чтобы поднять решетку, нам пришлось позвонить его друзьям и позвать их на помощь – у него уже не было на это сил. Ему пришлось лечь в постель – он был уверен, что заработал грыжу.

Классической же была история, произошедшая с Эрнестом Липтоном, когда он выбрался с друзьями на уик-энд в горы Сан-Бернардино. Они остановились в горах на ночевку. Пока все спали, Эрнест Липтон отправился в кусты и, будучи весьма деликатным человеком, отошел на

некоторое расстояние от лагеря, чтобы никого не побеспокоить. Поскользнувшись в темноте, он покатился по горному склону. Потом он сказал друзьям, что сознавал тот факт, что катится к своей смерти, на дно долины. К своему счастью, он ухватился кончиками пальцев за выступ; он провисел так несколько часов, пытаясь в темноте найти какую-нибудь опору для ног, так как руки его были готовы разжаться, – он намеревался держаться до самой смерти. Вытянув ноги, насколько было возможно, он нащупал на скале небольшие выступы, благодаря которым смог удержаться. Он стоял неподвижно, подобно изготовляемым им переводным картинкам, до тех пор, пока не рассвело настолько, чтобы он смог увидеть, что находится всего в футе от земли.

– Эрнест, но ты же мог позвать на помощь! – удивились друзья.

– Ну я не думал, что от этого будет какая-нибудь польза, – ответил он. – Кто мог услышать меня? Я был уверен, что скатился вниз по меньшей мере на милю. К тому же все спали.

И окончательно я был сражен, когда Эрнест Липтон, тративший ежедневно два часа на поездки из своего дома в магазин и обратно, решил купить экономичный автомобиль – «фольксваген-жук» – и начал измерять, сколько миль он проделывает на галлоне бензина. Я был чрезвычайно удивлен, когда однажды утром он заявил, что достиг результата в 125 миль на галлоне. Будучи в высшей степени точным человеком, он несколько смягчил свое утверждение, сказав, что по большей части ездил не в городе, а по шоссе, хотя и в часы пик, вследствие чего ему приходилось довольно часто разгоняться и тормозить. Неделю спустя он сказал, что достиг отметки в 250 миль на галлоне.

Так продолжалось до тех пор, пока он не достиг невероятной цифры: 645 миль на галлоне. Друзья говорили ему, что он должен внести это достижение в реестры фирмы «Фольксваген». Эрнест радовался, как ребенок, и, торжествуя, вопрошал, как же ему в таком случае нужно будет поступить, достигнув тысячемильного рубежа. Друзья отвечали, что ему можно будет претендовать на звание чудотворца.

Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока он не поймал одного из своих друзей на том, что тот в течение нескольких месяцев проделывал с ним простую шутку. Каждое утро он доливал в бензобак Эрнеста понемногу бензина, так что счетчик никогда не оказывался на нуле.

Эрнест Липтон был близок к тому, чтобы рассердиться. Его раздраженная реплика звучала так: «И что же, по-твоему, это смешно?»

Я уже несколько недель знал, что его друзья проделывают эту шутку, но не мог позволить себе вмешаться, полагая, что это не мое дело. Люди, подшучивавшие над Эрнестом, были его старыми друзьями, я же стал им совсем недавно. Когда я увидел, насколько он обижен и раздосадован и в то же время совершенно не способен рассердиться, я ощутил прилив чувства вины и беспокойства. Я вновь столкнулся со своим старым врагом: презирая Эрнеста Липтона, я в то же время безмерно любил его. Он был беспомощен.

Все дело было в том, что Эрнест Липтон был похож на моего отца. Толстые стекла его очков, спадающие пряди волос, седеющая щетина, которую он вряд ли когда-либо брил, напоминали черты моего отца. У него был тот же прямой, заостренный нос и острый подбородок. Но больше всего – настолько, что это уже становилось небезопасным, – делала Эрнеста Липтона похожим в моих глазах на отца его неспособность рассердиться и надавать шутникам по физиономии.

Я вспомнил, как отец без ума влюбился в сестру одного из своих лучших друзей. Однажды я увидел ее в курортном городке об руку с молодым человеком. С ней в роли дуэньи была ее мать. Девушка, казалось, сияла от счастья. Молодые люди смотрели друг на друга с восторгом. Насколько я мог судить, это было высшим проявлением юной любви. Увидевшись с отцом, я рассказал ему, смакуя подробности со всем злорадством десятилетнего мальчишки, о том, что у его пассии есть самый настоящий поклонник. Он был захвачен врасплох и не поверил мне.

– А ты сказал ей хоть что-нибудь? – дерзко спросил я его. – Знает ли она, что ты в нее влюблен?

– Не будь дураком, несносный ты мальчишка! – огрызнулся он. – Мне нет нужды говорить женщине ничего подобного!

Он глядел на меня обиженно, как избалованный ребенок, губы его гневно дрожали:

– Она моя! Она должна знать, что она моя женщина, и я не должен ей ничего об этом говорить!

Он заявил это с уверенностью ребенка, которому все в жизни доставалось даром и ему никогда не приходилось за что-то бороться. Я же продолжал гнуть свое.

– Ну, – сказал я, – я думаю, что она хотела, чтобы кто-нибудь сказал ей об этом, и кое-кто тебя в этом обошел.

Я приготовился отскочить от него и убежать, я думал, что он в ярости бросится на меня, но вместо этого он расплакался. Всхлипывая, он спросил меня, что, коль скоро я уж такой способный, не соглашусь ли я шпионить за девушкой и рассказывать ему, как разворачиваются события.

Я всем своим существом запрезирал отца, и в то же время я любил его с ни с чем не сравнимой грустью. Я проклинал себя за то, что навлек на него такой позор.

Эрнест Липтон так сильно напомнил мне моего отца, что я бросил работу под предлогом, что мне нужно возвращаться в университет. Мне не хотелось усугублять и без того тяжелый груз, который я взвалил себе на плечи. Я так и не смог простить себе то, что причинил отцу такую боль, как и не смог простить ему его трусость.

* * *

Я вернулся в университет и взялся за титанический труд по возвращению к занятиям антропологией. Это возвращение весьма затруднялось тем, что если и существовал такой человек, с которым, благодаря его удивительному характеру, его дерзкой пытливости и стремлению расширять свои познания без суеты и отстаивания недоказуемых положений, мне работалось легко и с удовольствием, то человек этот был не с нашего факультета – он был археологом. Именно его влиянием объясняется то, что я стал интересоваться в первую очередь полевой работой. Возможно, именно потому, что он отправлялся в поле, чтобы в буквальном смысле выкапывать сведения, его практичность была для меня кладезем рассудительности. Он и никто иной придал мне смелости в том, чтобы отдаться полевой работе, ведь терять мне было нечего.

– Утрать все – и ты достигнешь всего, – сказал он мне однажды.

Это был разумнейший совет из всех, которые мне когда-либо случалось слышать в ученом мире. Если бы я последовал совету дона Хуана и боролся со своей одержимостью саморефлексией, мне просто было бы нечего терять, в то время как достичь я мог бы всего. Но такая карта мне в то время как-то не выпадала.

Когда я рассказал дону Хуану о трудностях, с которыми столкнулся в поисках подходящего профессора, я решил, что он ко мне несправедлив. Он обозвал меня «мелким пшиком», и даже хуже того. Он сказал мне то, что я и сам уже знал: не будь я столь напряженным, я смог бы успешно сотрудничать с кем угодно в науке или в бизнесе.

– *Воины-странники* не жалуются, – продолжал дон Хуан. – Они принимают любое испытание со стороны *бесконечности*. Испытание есть испытание. Оно безлично. Его нельзя принимать как проклятие или милость. *Воин-странник* или принимает вызов и выигрывает, или гибнет. Если тебе больше нравится побеждать – так побеждай!

Я ответил, что ему или кому-то еще легко так говорить, а вот выполнить это – совсем другое дело, что мои проблемы неразрешимы, поскольку возникают из-за неспособности окружающих быть последовательными.

– Дело не в окружающих тебя людях, – сказал он. – Они не могут помочь даже себе. Это твоя оплошность, ведь ты можешь помочь себе с глубокого уровня безмолвия, но вместо этого склонен судить их. Судить может любой идиот. Судя их, ты лишь набираешься от них самого худшего. Мы, люди, все являемся пленниками, и именно эта несвобода заставляет нас поступать столь жалким образом. Твоя задача в том, чтобы воспринимать людей такими, каковы они есть! Оставь людей в покое.

– Ты абсолютно неправ на этот раз, дон Хуан, – сказал я. – Поверь, мне совершенно ни к чему ни судить их, ни каким-либо образом впутываться в их проблемы.

– Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, – упорствовал он. – Если ты не осознаешь свое желание судить их, – продолжал он, – то ты еще хуже, чем я думал. Так бывает со всеми *воинами-странниками*, когда они только начинают путешествие, – они сразу становятся самонадеянными.

Я согласился с доном Хуаном в том, что мое недовольство было в высшей степени мелочным. Я и сам прекрасно знал об этом. Я сказал дону Хуану, что столкнулся с повседневностью, с той повседневностью, что обладает ужасным свойством сводить на нет всю мою решительность, и что я постеснялся рассказывать ему об эпизодах, которые произвели на меня тягостное впечатление.

– Ничего, выкладывай! – убеждал он меня. – Не держи от меня никаких секретов. Я – пустая труба. Что бы ты ни сказал – все уйдет в *бесконечность.*

– Все, что у меня есть, – это мелочные жалобы, – сказал я. – Я в точности такой же, как те люди, которых я знаю. Ни один разговор с ними не обходится без откровенных или же скрытых жалоб.

Я рассказал дону Хуану о том, как в самых простых разговорах мои друзья умудряются ненавязчиво перейти к бесконечному потоку жалоб – как, например, в таком диалоге:

– Как дела, Джим?

– О, прекрасно, Кэл, просто великолепно.

За этим следует тягостное молчание. Я вынужден спросить:

– Что, Джим, что-нибудь не так?

– Да нет, все чудесно. У меня были некоторые нелады с Мэлом, но ты же знаешь Мэла – эгоист и ничтожество. Но ведь друзей следует принимать такими, каковы они есть, не так ли? Он, конечно, мог бы быть чуть более деликатным. Да какое там! Он – это он и есть. Как ни крути, он всегда перекладывает все на других. Он вел себя так, еще когда нам было по двенадцать лет, так что я действительно сам виноват. Какого черта я должен его терпеть?

– Да, Джим, ты прав, у Мэла действительно очень тяжелый характер!

– Ну, если уж на то пошло, Кэл, то ты ничем не лучше Мэла. На тебя никогда нельзя положиться.

И так далее.

Другой классический диалог звучал так:

– Как дела, Алекс? Как тебе семейная жизнь?

– О, замечательно. Прежде всего, теперь я регулярно питаюсь, ем домашнюю пищу, но вот беда – начал поправляться. Мне нечем заняться, разве что смотреть телевизор. Раньше я проводил время с ребятами, но теперь не могу. Тереза мне не позволяет. Разумеется, я мог бы послать ее ко всем чертям, но мне не хочется ее обижать. У меня все есть, но я чувствую себя несчастным.

Перед тем как жениться, Алекс был самым жалким из нашей компании. Его любимой шуткой было каждый раз говорить пришедшим к нему друзьям: «Ну-ка, бегом ко мне в машину, я хочу представить вас своей сучке».

Он млел от удовольствия, наблюдая крушение наших надежд, когда мы видели, что у него в машине находится именно собака. Он представлял свою «сучку» всем друзьям. Мы

поистине были в шоке, когда он женился-таки на Терезе – бегунье на длинные дистанции. Они познакомились на марафоне, когда Алекс потерял сознание. Они бежали в горах, и Тереза должна была привести его в чувство во что бы то ни стало, поэтому она помочилась ему в лицо. После этого Алекс был в ее власти. Она пометила свою территорию. Друзья Алекса называли его «ее обоссанный пленник». Они считали, что она была настоящей сучкой, превратившей странноватого Алекса в жирного пса.

Мы с доном Хуаном немного посмеялись. Затем он посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

– Таковы превратности обыденной жизни, – сказал дон Хуан. – Ты выигрываешь, проигрываешь и не знаешь, когда выиграешь, а когда проиграешь. Это цена, которую платит тот, кто живет под властью саморефлексии. Мне нечего сказать тебе, да и ты сам ничего не можешь сказать себе. Я лишь могу посоветовать тебе не чувствовать себя виноватым в том, что ты оказался такой задницей, а стремиться положить конец владычеству саморефлексии. Возвращайся в университет и больше не бросай его.

Мой интерес к продолжению научных исследований в значительной степени угас. Я стал жить на автопилоте. Я чувствовал себя подавленным и унылым. Однако я заметил, что мой ум не втянут во все это. Я ничего не рассчитывал, не ставил себе никаких целей и не имел никаких ожиданий. Мои мысли не были навязчивыми, чего нельзя было сказать о чувствах. Я пытался осмыслить это противоречие между спокойствием ума и запутанными чувствами. Именно в таком состоянии невнимательности и переполненности чувствами я, направляясь в кафетерий на ланч, проходил однажды мимо Хэйнес-холла, где находился антропологический факультет.

Вдруг я почувствовал странный толчок. Я решил, что близок к обмороку, и присел на кирпичную ступеньку. Перед глазами у меня появились какие-то желтые пятна. Ощущение было такое, будто я вращаюсь. Я был уверен, что меня сейчас вырвет. В глазах поплыло, я не мог рассмотреть окружающие меня предметы. Ощущение физического дискомфорта было столь полным и сильным, что не оставляло места мыслям. Меня охватили страх и беспокойство, смешанные с восторгом, и странное предчувствие того, что я нахожусь на пороге великого события. Это были ощущения, в которых мысли не принимали участия. В этот момент я уже не знал, сижу я или стою. Меня окружила тьма, такая непроглядная, какую только можно себе представить, и тогда я *увидел* энергию, ее течение во Вселенной.

Я *увидел* череду светящихся сфер, двигавшихся навстречу и от меня. Я *увидел* их одновременно, так, как дон Хуан всегда рассказывал мне об этом *видении*. Я знал, что они были разными людьми, поскольку их размеры были различны. Я всмотрелся в детали их строения. Яркие и округлые, они состояли из нитей, которые, казалось, были склеены друг с другом. Среди нитей были как тонкие, так и толстые. У каждой из этих светящихся фигур было что-то вроде густой шевелюры. Они напоминали не то каких-то странных светящихся мохнатых животных, не то огромных круглых насекомых, покрытых светящейся шерстью.

Больше всего меня поразило то, что я вдруг осознал, что *видел* этих мохнатых насекомых всю свою жизнь. Каждый из тех случаев, когда я *видел* их благодаря энергии дона Хуана, казался мне в этот момент чем-то вроде движения кружным путем. Я припомнил все случаи, когда он помогал мне *увидеть* людей в виде светящихся сфер, и ни один из них не шел ни в какое сравнение с тем *видением*, которое стало доступным мне теперь. У меня не было и тени сомнения в том, что я воспринимал энергию так, как она течет во Вселенной, всю свою жизнь, самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Это осознание ошеломило меня. Я почувствовал себя в высшей степени уязвимым и хрупким. Мне захотелось отгородиться, найти какое-нибудь убежище. Все было так, как в том сне, который, наверное, большинство из нас когда-нибудь видели, когда человек оказывается голым и не знает, что ему делать. Я чувствовал себя больше чем голым; я был незащищенным, слабым и боялся вернуться в свое обычное состояние. Неуловимым образом я ощутил, что

лежу, и приготовился к тому, чтобы прийти в себя. Я представил, как вот-вот обнаружу, что лежу на выложенной кирпичом аллее и бьюсь в судорогах, окруженный толпой зевак.

Ощущение, что я лежу, становилось все более четким. Я почувствовал, что могу двигать глазами. Сквозь опущенные веки я мог видеть свет, но глаза открыть боялся. Странно, но я не слышал никого из тех людей, которые, как мне казалось, столпились вокруг меня. Я вообще не слышал никакого шума. Наконец я рискнул открыть глаза. Я лежал в своей постели, в своей квартире на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд.

Обнаружив это, я буквально забился в истерике. Но по непонятной мне причине я практически мгновенно успокоился. Истерика сменилась ощущением телесного безразличия и даже удовольствия – чем-то вроде того, что чувствуешь после сытного обеда. Но я не мог успокоить свой ум. Осознание, что я непосредственно воспринимал энергию всю свою жизнь, невообразимо ошеломляло меня. Как же могло произойти, что это от меня ускользало? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия? Дон Хуан говорил, что каждый человек обладает способностью непосредственно видеть энергию. Однако он не говорил, что каждый человек постоянно *видит* энергию, но не знает об этом.

Я спросил об этом у своего друга-психиатра. Он не смог как-либо прояснить мои затруднения и счел, что моя реакция была результатом усталости и перевозбуждения. Он дал мне успокоительного и посоветовал отдохнуть.

Я не рискнул никому рассказать о том, что очнулся в своей постели, не будучи в состоянии объяснить, как я туда попал. Тем более оправданным было мое желание поскорее встретиться с доном Хуаном. Я спешно полетел в Мехико, нанял автомобиль и поехал к нему.

– Ты проделывал это и раньше! – смеясь, сказал дон Хуан, когда я рассказал ему о своем умопомрачительном опыте. – С тобой произошли только две новые вещи. Во-первых, в этот раз ты воспринимал энергию полностью самостоятельно. Ты осуществил *остановку мира* и в результате понял, что всегда *видел* энергию так, как она течет во Вселенной. Как это делает каждый человек, не отдавая себе в этом отчета. Во-вторых, ты совершенно самостоятельно путешествовал из *внутреннего безмолвия*.

Ты и сам знаешь, мне нет нужды говорить тебе, что, когда человек выходит из *внутреннего безмолвия*, с ним может случиться все что угодно. На этот раз страх и уязвимость позволили тебе добраться до своей постели, которая находится не так уж далеко от университетского городка. Если ты перестанешь индульгировать в своем удивлении, то поймешь, что в том, что ты сделал, для *воина-странника* нет ничего необычного.

Но важнее всего в этом вовсе не твое понимание того, что ты всегда воспринимал энергию непосредственно, и не твое путешествие из *внутреннего безмолвия*, а следующие два момента. Во-первых, ты испытал то, что маги Древней Мексики называли *ясным взглядом* или *потерей человеческой формы*. При этом мелочность человека исчезает, как если бы она была клочком тумана, стелющегося над головой, – тумана, который постепенно рассеивается. Но ты ни в коем случае не должен считать это свершившимся фактом. Мир магов не является неизменным, подобно привычному нам миру, где тебе говорят, что, однажды достигнув цели, ты навсегда останешься победителем. В мире магов достижение любой цели означает лишь то, что ты обрел наиболее эффективные средства для продолжения борьбы, которая, между прочим, никогда не закончится.

Второй момент заключается в том, что ты затронул самую головоломную для человеческой души проблему. Ты сам сформулировал ее, когда спрашивал себя: «Как же могло произойти, что от меня ускользнуло то, что я всю жизнь воспринимал энергию непосредственно? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия?»

Глава 15. Грязные тени

Просто сидеть с доном Хуаном в полном молчании было для меня одним из самых замечательных переживаний на свете. Мы удобно расположились в мягких креслах на задворках его дома в горах Центральной Мексики. Вечерело. Дул мягкий ветерок. Солнце опустилось за дом позади нас. Его угасающий свет создавал среди росших на заднем дворе больших деревьев причудливую игру зеленоватых теней. Деревья окружали дом дона Хуана, закрывая вид на город, где он жил. Это всегда порождало у меня ощущение, что я нахожусь посреди первозданной природы, отличной от безводной пустыни Сонора.

– Сегодня мы обсудим важнейший вопрос магии, – внезапно сказал дон Хуан, – и начнем с разговора об *энергетическом теле*.

Он рассказывал мне об *энергетическом теле* бессчетное количество раз, говоря, что оно представляет собой конгломерат энергетических полей, зеркальное отражение того конгломерата энергетических полей, которые составляют физическое тело, *видимое* как поток энергии во Вселенной. Он говорил, что оно меньше, компактнее и выглядит более плотным, чем светящаяся сфера физического тела.

Дон Хуан объяснял, что тело и *энергетическое тело* – это два конгломерата энергетических полей, сжатых воедино некоей необычной связующей силой. Он всячески подчеркивал, что сила, объединяющая эти сгустки энергетических полей, является, согласно открытиям магов Древней Мексики, самой загадочной силой во Вселенной. Его собственное мнение заключалось в том, что она является самой сущностью Космоса, суммой всего, что в нем есть.

Он утверждал, что физическое и *энергетическое* тела являются единственными взаимодополняющими энергетическими конфигурациями в сфере человеческого бытия. Таким образом, он не признавал никакого другого дуализма, кроме того, что имеет место между этими двумя. Противоречия между телом и разумом, духовным и физическим он полагал лишь игрой воображения, не имеющей под собой никакого энергетического основания.

Дон Хуан говорил, что с помощью дисциплины каждый может сблизить *энергетическое тело* с физическим. Их различие, вообще говоря, является ненормальным положением вещей. Коль скоро *энергетическое тело* пребывает в каких-то рамках, которые для каждого из нас индивидуальны, то любой человек с помощью обучения может превратить его в точную копию своего физического тела, то есть в трехмерную, плотную структуру. Отсюда проистекает идея магов о *другом*, или *двойнике*. Кроме того, с помощью такого же процесса обучения любой человек способен превратить свое трехмерное, плотное физическое тело в точную копию своего *энергетического тела* – то есть в эфирный заряд энергии, невидимый человеческому глазу, как и любая энергия.

Когда дон Хуан рассказал мне все это, первой моей реакцией было спросить, не говорит ли он о некоем фантастическом предположении. Он ответил, что в рассказах о магах нет ничего фантастического. Маги были практичными людьми, и все, о чем они говорили, было вполне здравым и реалистическим. По словам дона Хуана, выходило, что кажущаяся невероятность того, что делали маги, объясняется тем, что они исходили из иной *когнитивной системы*.

В день, когда мы сидели во дворе его дома в Центральной Мексике, дон Хуан сказал, что *энергетическое тело* имеет ключевое значение для всего происходящего в моей жизни. Он *видел,* что мое *энергетическое тело* вместо того, чтобы, как это бывает обычно, двигаться от меня, с огромной скоростью приближается ко мне. По его словам, это было *энергетическим фактом.*

– Что же означает то, что оно ко мне приближается, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что некая сила собирается вышибить из тебя дух, – улыбаясь, ответил он. – Могущественная сила собирается войти в твою жизнь, и это не твоя сила. Это контроль *энергетического тела*.

– Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мною будет управлять некая внешняя сила?

– Существует множество внешних сил, управляющих тобой в этот самый миг, – ответил дон Хуан. – Контроль, о котором я говорю, это нечто, не выразимое языком. Это одновременно и твой контроль, и не твой. Его нельзя классифицировать, но, несомненно, можно пережить на опыте. И прежде всего, им, несомненно, можно управлять. Запомни: весьма полезно управлять им, но, опять-таки, полезно не тебе, а твоему *энергетическому телу*. Но *энергетическое тело* – это ты, так что, пытаясь описать все это, тут можно продолжать до бесконечности, подобно собаке, кусающей себя за хвост. Язык непригоден для этого. Все это выходит за пределы его возможностей.

Быстро стемнело, и листва деревьев, которая еще недавно становилась все более зеленой, казалась теперь густо-черной. Дон Хуан сказал, что если я пристально всмотрюсь в ее черноту, но не фокусируясь, а особым образом посмотрев уголками глаз, то увижу быструю тень, пересекающую поле моего зрения.

– Теперь подходящее время суток, чтобы сделать то, о чем я тебя прошу, – сказал он. – Для этого требуется на одно мгновение напрячь внимание. Не прекращай, пока не заметишь эту быструю черную тень.

Я действительно увидел некую странную черную тень, которая легла на листву деревьев. Это была то ли одна тень, двигавшаяся туда-сюда, то ли множество быстрых теней, двигавшихся то слева направо, то справа налево, то вертикально вверх. Они напоминали мне необыкновенных толстых черных рыб, как будто в воздухе летала гигантская рыба-меч. Зрелище захватило меня. Но конце концов оно меня испугало. Стемнело настолько, что листва перестала быть различима, но быстрые черные тени я все еще мог видеть.

– Что это, дон Хуан? – спросил я. – Я вижу быстрые черные тени, заполнившие все вокруг.

– А это Вселенная во всей ее красе, – ответил он, – несоизмеримая, нелинейная, невыразимая словами реальность синтаксиса. Маги Древней Мексики были первыми, кто увидел эти быстрые тени, которые всюду следовали за ними. Они видели их так, как их видишь ты, и они *видели* их как потоки энергии во Вселенной. И они обнаружили нечто необычайное.

Он замолчал и посмотрел на меня. Его паузы всегда были исключительно своевременны. Он всегда умолкал, когда у меня с языка был готов сорваться вопрос.

– Что же они обнаружили, дон Хуан? – спросил я.

– Они обнаружили, что у нас есть компаньон по жизни, – сказал он, чеканя слова. – У нас есть хищник, вышедший из глубин Космоса и захвативший власть над нашими жизнями. Люди – его пленники. Этот хищник – наш господин и хозяин. Он сделал нас покорными и беспомощными. Если мы бунтуем, он подавляет наш бунт. Если мы пытаемся действовать независимо, он приказывает нам не делать этого.

Вокруг нас была непроглядная тьма, и это, казалось, обуздывало мою реакцию. Будь сейчас день, я смеялся бы от всего сердца, в темноте же я был совершенно подавлен.

– Вокруг нас черным-черно, – сказал дон Хуан, – но если ты взглянешь уголком глаза, то все равно увидишь, как быстрые тени носятся вокруг тебя.

Он был прав. Я все еще мог их видеть. Их пляска вызывала у меня головокружение. Дон Хуан включил свет, и это, казалось, обратило их в бегство.

– Благодаря лишь собственным усилиям ты достиг того, что шаманы Древней Мексики называли «вопросом вопросов», – сказал он. – Я окольными путями подводил тебя к тому, что нечто держит нас в плену. Мы их пленники! Для магов Древней Мексики это было *энергетическим фактом*.

– Почему же этот хищник «захватил власть», как ты об этом говоришь, дон Хуан? – спросил я. – Этому должно быть логическое объяснение.

– Этому есть объяснение, – ответил дон Хуан, – и самое простое. Они взяли верх, потому что мы для них пища, и они безжалостно подавляют нас, поддерживая свое существование. Ну, вроде того, как мы разводим цыплят в курятнике, они разводят людей в «человечниках». Таким образом, они всегда имеют пищу.

Я почувствовал, что моя голова болтается из стороны в сторону. Я не мог выразить свое недовольство и огорчение, но дрожь моего тела выдавала их. Я трясся с головы до пят безо всяких усилий со своей стороны.

– Нет, нет, нет, – услышал я свой голос. – Это ерунда какая-то, дон Хуан. То, что ты говоришь, – это кошмар какой-то. Это просто не может быть правдой – ни для магов, ни для обычных людей – ни для кого.

– Почему? – тихо спросил дон Хуан. – Почему? Потому, что это приводит тебя в ярость?

– Да, это приводит меня в ярость, – отрезал я. – Твои утверждения чудовищны!

– Ну, – сказал он, – ты еще не слышал всех утверждений. Подожди немного, посмотрим, каково тебе будет. Я собираюсь ошеломить тебя. Иначе говоря, я собираюсь подвергнуть твой рассудок массированной атаке, и ты не сможешь встать и уйти, ибо ты пойман. Не потому, что я держу тебя в плену, а потому, что нечто в твоей воле препятствует твоему уходу, в то время как другая часть тебя собирается прийти в настоящее неистовство. Так что возьми себя в руки!

Что-то во мне, как я чувствовал, жаждало сурового обращения. Он был прав. Я не покинул бы его дом ни за что на свете. Но все же мне совсем не понравилась та чушь, которую он нес.

– Я хочу воззвать к твоему аналитическому уму, – сказал дон Хуан. – Задумайся на мгновение и скажи, как ты можешь объяснить противоречие между образованностью инженера, глупостью его убеждений и противоречивостью его поведения? Маги верят, что нашу систему убеждений, наши представления о добре и зле, нравы нашего общества дали нам хищники. Именно они породили наши надежды, ожидания и мечты по поводу успехов и неудач. Им мы обязаны алчностью и трусостью. Именно хищники сделали нас самодовольными, косными и эгоцентричными.

– Но как же они сделали это, дон Хуан? – спросил я, несколько раздраженный его словами. – Они что, нашептали нам все это во сне?

– Нет, конечно, они действовали другим методом, не настолько по-идиотски, – с улыбкой сказал дон Хуан. – Куда более эффективно и организованно. Чтобы держать нас в кротости и покорности, они прибегли к изумительному маневру – разумеется, изумительному с точки зрения воина-стратега. С точки же зрения того, против кого он направлен, этот маневр ужасен. Они дали нам свой разум! Ты слышишь? Хищники дали нам свой разум, ставший нашим собственным разумом. Разум хищника изощрен, противоречив, замкнут и переполнен страхом того, что в любую минуту может быть раскрыт.

– Я знаю, что, хотя ты никогда не голодал, – продолжал он, – ты беспокоишься о хлебе насущном. Это не что иное, как страх хищника, который боится, что его трюк в любое мгновение может быть раскрыт и еда может исчезнуть. Через посредство разума, который в конечном счете является их разумом, они вносят в жизнь человека то, что удобно хищникам. И таким образом они в какой-то мере обеспечивают свою безопасность и смягчают свои собственные страхи.

– Не то чтобы я не мог принять все это за чистую монету, дон Хуан, – сказал я. – Все может быть, но в этом есть нечто настолько гнусное, что не может не вызывать во мне отвращения. Мне просто необходимо возражать! Если правда то, что они питаются нами, то как они это делают?

Лицо дона Хуана озарилось широкой улыбкой. Он был доволен, как ребенок. Он объяснил, что маги *видят* человеческих детей как причудливые светящиеся шары энергии, целиком покрытые сияющей оболочкой, чем-то вроде пластикового покрытия, плотно облегающего их энергетический кокон. Он сказал, что хищники поедают именно эту *светящуюся оболочку осознания* и что, когда человек достигает зрелости, от нее остается лишь узкая каемка от земли до кончиков пальцев ног. Эта каемка позволяет людям продолжать жить, но не более того.

Будто сквозь сон до меня доносились слова дона Хуана Матуса о том, что, насколько ему известно, лишь люди обладают такой *светящейся оболочкой осознания* вне светящегося кокона. Поэтому они становятся легкой добычей для осознания иного порядка – в частности, для мрачного осознания хищника.

Затем он сделал наиболее обескураживающее заявление из всех сделанных им до сих пор. Он сказал, что эта узкая каемка осознания является эпицентром саморефлексии, от которой человек совершенно неизлечим. Играя на нашей саморефлексии, являющейся единственным доступным нам видом осознания, хищники провоцируют вспышки осознания, после чего пожирают уже их, безжалостно и жадно. Они подбрасывают нам бессмысленные проблемы, стимулирующие эти вспышки осознания, и таким образом оставляют нас в живых, чтобы иметь возможность питаться энергетическими вспышками наших мнимых неурядиц.

Очевидно, в словах дона Хуана было что-то столь опустошительное, что в этот момент меня в буквальном смысле стошнило.

Выдержав паузу, достаточную для того, чтобы прийти в себя, я спросил дона Хуана:

– Но почему же маги Древней Мексики, да и все сегодняшние маги, хотя и *видят* хищников, никак с ними не борются?

– Ни ты, ни я не можем ничего с ними поделать, – сказал дон Хуан трагически-печальным голосом. – Все, что мы можем сделать, – это дисциплинировать себя настолько, чтобы они нас не трогали. Но как ты предложишь своим собратьям пройти через все связанные с этим трудности? Да они посмеются над тобой, а наиболее агрессивные всыплют тебе по первое число. И не потому, что они не поверят тебе. В глубинах каждого человека кроется наследственное, интуитивное знание о существовании этих хищников.

Мой аналитический ум напоминал йо-йо, шарик на резинке. Он то покидал меня, то возвращался, то покидал опять и снова возвращался. Все, что говорил дон Хуан, было нелепым, невероятным. И в то же время это было вполне разумным, и таким простым. Это объясняло все противоречия, приходившие мне в голову. Но как можно было относиться ко всему этому серьезно? Дон Хуан толкал меня под лавину, которая грозила навсегда похоронить меня.

Меня захлестнула очередная волна ощущения угрозы. Она не исходила от меня, а касалась меня. Дон Хуан проделывал со мной нечто таинственно-позитивное и в то же время ужасающе-негативное. Я ощущал это как попытку обрезать приклеенную ко мне тонкую пленку. Его немигающие глаза смотрели на меня, не отрываясь. Наконец он отвел их и заговорил, не глядя больше в мою сторону.

– Как только сомнения овладеют тобой до опасного предела, – сказал он, – сделай с этим что-нибудь осмысленное. Выключи свет. Проникни во тьму; рассмотри все, что сможешь увидеть.

Он встал, чтобы выключить свет. Я остановил его.

– Нет, нет, дон Хуан, – сказал я, – не выключай свет. Со мной все в порядке.

Меня обуяло совершенно необычное для меня чувство – страх темноты. Одна мысль о ней стискивала мне горло. Я определенно знал о чем-то в самой своей глубине, но я ни за что на свете не коснулся бы этого знания и не извлек бы его наружу.

– Ты видел быстрые тени на фоне деревьев, – сказал дон Хуан, развернувшись в кресле. – Это прекрасно. Я хотел бы, чтобы ты увидел их в этой комнате. Ты ничего не *видишь*. Ты лишь улавливаешь мечущиеся картинки. Для этого у тебя хватит энергии.

Я боялся, что дон Хуан может встать и выключить свет. Он так и сделал. Две секунды спустя я расхохотался. Я не только уловил эти мечущиеся картинки, но и услышал, как они жужжат мне на ухо. Дон Хуан рассмеялся вместе со мной и включил свет.

– Что за темпераментный парень! – воскликнул он. – С одной стороны, ни во что не верящий, а с другой – совершеннейший прагматик. Тебе следовало бы разобраться с этой твоей внутренней борьбой. Не то ты надуешься, как большая жаба, и лопнешь.

Дон Хуан продолжал уязвлять меня все глубже и глубже.

– Маги Древней Мексики, – говорил он, – *видели* хищника. Они называли его *летуном*, поскольку он носится в воздухе. Это не слишком забавное зрелище. Это большая тень, мечущаяся в воздухе, непроницаемо черная тень, которая прыгает сквозь воздух. Затем она плашмя опускается на землю. Маги Древней Мексики сели в лужу насчет того, откуда они взялись на Земле. Они полагали, что человек должен быть целостным существом, обладать глубокой проницательностью, творить чудеса осознания, что сегодня звучит всего лишь как красивая легенда. Но все это, по-видимому, ушло, и мы имеем теперь человека трезвомыслящего.

Мне захотелось рассердиться, назвать его параноиком, но мое всегда готовое взять на себя управление здравомыслие вдруг куда-то исчезло. Что-то во мне мешало задать себе мой любимый вопрос: а что, если все это правда? В ту ночь, когда он говорил мне это, я нутром чуял: все, что он говорит, – правда, и одновременно с такой же силой чувствовал, что все им сказанное – просто абсурд.

– Что ты такое говоришь, дон Хуан? – еле смог вымолвить я.

Мне стиснуло гортань, и я с трудом мог дышать.

– Я говорю, против нас выступает не простой хищник. Он весьма ловок и изощрен. Он последовательно и методично делает нас никуда не годными. Человек, которому предназначено быть магическим существом, уже не является таковым. Теперь он простой кусок мяса. Его мечты – больше не мечты человека. Это мечты заурядного, косного и глупого куска мяса.

Слова дона Хуана вызывали странную телесную реакцию, напоминавшую тошноту. Меня словно бы вновь потянуло на рвоту. Но тошнота эта исходила из самых глубин моего естества, чуть ли не из мозга костей. Я скорчился в судороге. Дон Хуан решительно встряхнул меня за плечи. Я почувствовал, как моя голова болтается из стороны в сторону. Это сразу успокоило меня. Я более или менее обрел над собой контроль.

– Этот хищник, – сказал дон Хуан, – который, разумеется, является *неорганическим существом*, в отличие от других *неорганических существ*, совершенно не видим для нас. Я думаю, что, будучи детьми, мы все-таки видели его, но он кажется нам столь пугающим, что мы предпочитаем о нем не думать. Дети, конечно, могут сосредоточить на нем свое внимание, но окружающие убеждают их не делать этого.

– Все, что остается людям, – это *дисциплина*, – продолжал он. – Лишь дисциплина способна отпугнуть его. Но под дисциплиной я не подразумеваю суровый распорядок дня. Я не имею в виду, что нужно ежедневно вставать в полшестого и до посинения обливаться холодной водой. Маги понимают под дисциплиной способность спокойно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не входящим в наши расчеты. Для них дисциплина – это искусство, искусство встать лицом к лицу с *бесконечностью* – не потому, что ты силен и несгибаем, а потому, что исполнен благоговения.

– И каким же образом дисциплина магов может стать для хищника сдерживающим фактором? – спросил я.

– Маги говорят, что дисциплина делает *светящуюся оболочку осознания* невкусной для *летуна*, – сказал дон Хуан, внимательно всматриваясь в мое лицо и как будто стараясь разглядеть в нем какие-либо признаки недоверия. – В результате хищники оказываются сбиты с толку. Несъедобность нашей *светящейся оболочки*, как мне кажется, оказывается выше их понимания. После этого им не остается ничего, как только оставить свое гнусное занятие.

– Когда же хищники на какое-то время перестают поедать нашу *светящуюся оболочку осознания*, – продолжал он, – она начинает расти. Говоря упрощенно, маги отпугивают хищников на время, достаточное для того, чтобы их *оболочка осознания* выросла выше уровня пальцев ног. Когда это происходит, она возвращается к своему естественному размеру. Маги Древней Мексики говорили, что *светящаяся оболочка осознания* подобна дереву. Если ее не подрезать, она вырастает до своих естественных размеров. Когда же осознание поднимается выше пальцев ног, само собой разумеющимся становятся все чудеса восприятия.

– Величайшим трюком этих древних магов, – продолжал дон Хуан, – было обременение *разума летуна* дисциплиной. Они обнаружили, что если нагрузить его *внутренним безмолвием,* то *чужеродное устройство* улетучивается, благодаря чему тот, кто практикует безмолвие, полностью убеждается в инородности разума, который, разумеется, возвращается, но уже не настолько сильным, после чего отстранение *разума летуна* становится привычным делом. Так происходит до тех пор, пока однажды он не улетучивается навсегда. О, это поистине печальный день! С этого дня тебе приходится полагаться лишь на свои приборы, стрелки которых оказываются практически на нуле. Никто не подскажет тебе, что делать. Чужеродного разума, диктующего столь привычные тебе глупости, больше нет.

– Мой учитель, нагваль Хулиан, предупреждал всех своих учеников, – продолжал дон Хуан, – что это самый тяжелый день в жизни мага, ведь тогда наш реальный разум, вся совокупность нашего опыта, тяготевшая над нами всю жизнь, становится робкой, неверной и зыбкой. Мне кажется, настоящее сражение начинается для мага именно в этот момент. Все, что было прежде, было лишь подготовкой.

Меня охватило неподдельное волнение. Я хотел узнать об этом больше, но что-то во мне настойчиво требовало, чтобы я остановился. Оно наводило на мысли о неприятных последствиях и расплате; это было что-то вроде Божьего гнева, обрушившегося на меня за мое вмешательство в нечто, сокрытое самим Богом. Я сделал титаническое усилие, чтобы позволить своему любопытству взять верх.

– Ч-ч-что ты подразумеваешь под «нагрузкой *разума летуна»*? – услышал я свой голос.

– Дисциплина чрезмерно напрягает чужеродный разум, – ответил он. – Таким образом, маги подавляют *чужеродное устройство* с помощью своей дисциплины.

Утверждения дона Хуана сбили меня с толку. Я решил, что он либо явно ненормален, либо говорит нечто столь устрашающее, что у меня внутри все похолодело. Вместе с тем я заметил, насколько быстро я вновь обрел способность отвергать его утверждения. После мгновенного замешательства я рассмеялся, как будто дон Хуан рассказал мне анекдот. Я даже слышал свой голос, говоривший: «Дон Хуан, дон Хуан, ты неисправим!»

Дон Хуан, казалось, понимал все, что со мной происходит. Он качал головой и возводил очи горе в шутливом жесте отчаяния.

– Я настолько неисправим, – сказал он, – что собираюсь нанести по *разуму летуна*, который ты в себе носишь, еще один удар. Я хочу открыть тебе одну из самых необычных тайн магии. Я расскажу тебе об открытии, на подверждение которого магам потребовались тысячелетия.

Он взглянул на меня и ухмыльнулся.

– *Разум летуна* улетучивается навсегда, – сказал он, – когда магу удается подчинить себе вибрирующую силу, удерживающую нас в виде конгломерата энергетических полей. Если маг достаточно долго будет сдерживать это давление, *разум летуна* будет побежден. И это как раз то, что ты собираешься сделать, – обуздать энергию, удерживающую тебя как целое.

Я отреагировал на это в высшей степени необъяснимым образом. Что-то во мне буквально вздрогнуло, как будто получив удар. Меня охватил необъяснимый страх, который я тут же связал со своим религиозным воспитанием.

Дон Хуан смерил меня взглядом от головы до туфель.

– Ты испугался Божьего гнева, не так ли? – спросил он. – Успокойся. Это не твой страх; это страх *летуна*, ведь он знает, что ты поступишь в точности так, как я тебе говорю.

Его слова отнюдь не успокоили меня. Я почувствовал себя хуже. Судорога буквально корежила меня, и я ничего не мог с ней поделать.

– Не волнуйся, – мягко сказал дон Хуан. – Я точно знаю, что эти приступы пройдут очень быстро. *Разум летуна* не столь силен.

Как и предсказывал дон Хуан, через какое-то мгновение все закончилось. Сказать, что я был сбит с толку в который уже раз, значило бы не сказать ничего. Со мной впервые – будь то в связи с доном Хуаном или нет – было так, что я буквально не мог понять, где верх, а где низ. Я хотел встать с кресла и пройтись, но был насмерть перепуган. Меня переполняли разумные суждения и одновременно детские страхи. Меня прошиб холодный пот, и я глубоко задышал. Откуда-то всплыла душераздирающая картина: мечущиеся черные тени, заполонившие все вокруг меня.

Я закрыл глаза и опустил голову на подлокотник кресла.

– Не знаю, что и делать, дон Хуан, – сказал я. – Ты сегодня просто разбил меня наголову.

– Тебя терзает внутренняя борьба, – сказал дон Хуан. – В глубине души ты согласен, что не в силах спорить с тем, что неотъемлемая часть тебя, твоя *сияющая оболочка осознания*, готова служить непостижимым источником питания для столь же непостижимых существ. Другая же часть тебя всеми силами восстает против этого.

– Подход магов, – продолжал он, – коренным образом отличается тем, что они не чтут договоренности, в достижении которой не принимали участия. Никто никогда не спрашивал меня, согласен ли я с тем, что мною будут питаться существа с иным осознанием. Родители просто ввели меня в этот мир в качестве пищи – такой же, как они сами, вот и все.

Дон Хуан встал с кресла и потянулся:

– Мы сидим здесь уже четыре часа. Пора в дом. Я собираюсь поесть. Не присоединишься ли ты ко мне?

Я отказался. В желудке у меня клокотало.

– Думаю, что тебе лучше было бы лечь спать, – сказал он. – Эта битва истощила тебя.

Меня не пришлось долго упрашивать. Я рухнул в кровать и уснул как мертвый.

Когда я спустя какое-то время вернулся домой, идея *летунов* стала одной из наиболее навязчивых в моей жизни. Я пришел к пониманию, что дон Хуан был совершенно прав насчет них. Как я ни пытался, я не мог опровергнуть его логику. Чем больше я об этом думал и чем больше разговаривал с окружавшими меня людьми и наблюдал за ними, тем сильнее крепло во мне убеждение, что есть нечто, делающее нас неспособными ни на какую деятельность, ни на какую мысль, в центре которой не находилось бы наше «я». Меня, да и всех, кого я знал и с кем разговаривал, заботило только оно. Не будучи в состоянии как-либо объяснить такое единообразие, я уверился, что ход мыслей дона Хуана наилучшим образом соответствовал происходящему.

Я углубился в литературу о мифах и легендах. Это занятие породило во мне никогда прежде не испытанное ощущение: каждая из прочитанных мною книг была интерпретацией мифов и легенд. В каждой из них обнаруживалось присутствие одного и того же склада ума. Книги отличались стилистикой, но скрытая за словами тенденция была в точности одной и той же; при том даже, что темой этих книг были столь отвлеченные вещи, как мифы и легенды, авторы всегда ухитрялись вставить словечко о себе. Эта характерная для всех книг тенденция не объяснялась сходством их тематики; это было услужение самому себе. Прежде у меня никогда не было такого ощущения.

Я приписал свою реакцию влиянию дона Хуана. Передо мной неизбежно возникал вопрос: то ли это он так на меня повлиял, то ли действительно всеми нашими поступками управляет некий инородный разум. И вновь я невольно стал склоняться к тому, чтобы отверг-

нуть эту мысль. Я болезненно заметался, то соглашаясь с ней, то опять отвергая. Что-то во мне знало: все, о чем говорил дон Хуан, было *энергетическим фактом,* но в то же время что-то не менее значительное было убеждено, что все это чушь. Результатом этой моей внутренней борьбы стало дурное предчувствие – ощущение, что на меня надвигается некая опасность.

Я предпринял обширное антропологическое исследование вопроса о *летунах* в других культурах, но нигде не нашел ничего подобного. Дон Хуан представлялся мне единственным источником информации по этому поводу. Когда я вновь встретился с ним, то тут же перевел беседу на *летунов*.

– Я изо всех сил пытался быть рассудительным в этом вопросе, – сказал я, – но у меня ничего не вышло. Время от времени я чувствую, что полностью согласен с тобой насчет этих хищников.

– Сконцентрируй свое внимание на тех мечущихся тенях, что ты видел, – улыбаясь, сказал дон Хуан.

Я сказал дону Хуану, что эти мечущиеся тени собираются положить конец моей рациональной жизни. Я видел их повсюду. С тех пор, как я покинул этот дом, я не мог уснуть в темноте. Свет совершенно не мешал мне спать, но, как только я щелкал выключателем, все вокруг меня начинало прыгать. Я никогда не видел устойчивых фигур и очертаний – одни лишь мечущиеся черные тени.

– *Разум хищника* еще не покинул тебя, – сказал дон Хуан. – Но он был серьезно уязвлен. Всеми своими силами он стремится восстановить с тобой прежние взаимоотношения. Однако что-то в тебе навсегда отрезано. *Летун* знает об этом. И настоящая опасность заключается в том, что *разум летуна* может взять верх, измотав тебя и заставив отступить, играя на противоречии между тем, что говорит он, и тем, что говорю я.

– Видишь ли, у *разума летуна* нет соперников, – продолжал дон Хуан. – Когда он утверждает что-либо, то соглашается с собственным утверждением и заставляет тебя поверить, что ты сделал что-то не так. *Разум летуна* скажет, что все, что говорит тебе Хуан Матус, – полная чепуха, затем тот же разум согласится со своим собственным утверждением: «Да, конечно, это чепуха», – скажешь ты. Вот так они нас и побеждают.

– Летуны – необходимая часть Вселенной, – продолжал он. – И их нужно принимать за то, чем они действительно являются, – за внушающих ужас монстров. Но на самом деле они являются средством, с помощью которого Вселенная экзаменует нас.

– Мы – энергетический зонд, созданный Вселенной, – сказал он таким тоном, как если бы говорил нечто, давно мне известное. – И мы владеем энергией, данной нам для того, чтобы Вселенная могла осознавать самую себя. Летуны – это безжалостный вызов. Их нельзя принимать ни за что другое. Если мы преуспеем в этом, Вселенная позволит нам продолжать [16].

Мне хотелось, чтобы дон Хуан продолжил. Но он лишь сказал:

– Несмотря на то что атака завершилась еще в твой предыдущий приезд, ты только и говоришь что о *летунах*. Настало время для маневра несколько иного рода.

Этой ночью мне не спалось. Неглубокий сон овладел мною лишь под утро, но дон Хуан вытащил меня из постели и повел на прогулку в горы. Ландшафт той местности, где он жил, сильно отличался от пустыни Соноры, но он велел мне не увлекаться сравнениями, ведь после того, как пройдешь четыре мили, все места в мире становятся совершенно одинаковыми.

– Осмотр видов – для автомобилистов, – сказал он. – Они несутся с бешеной скоростью безо всяких усилий со своей стороны. Это занятие не для пешеходов. Так, когда ты едешь на автомобиле, ты можешь увидеть огромную гору, вид которой поразит тебя своим великоле-

[16] Два выделенных абзаца присланы нам К. Кастанедой уже после выхода нашего первого издания «Активной стороны бесконечности». Мы выделяем этот отрывок по той же причине, по которой К. К. прислал нам этот текст, – из-за его невероятной важности. – *Прим. ред.*

пием. Тот же вид уже не поразит тебя точно так же, если ты будешь идти пешком; он поразит тебя совсем по-другому, особенно если тебе придется на нее карабкаться или обходить ее.

Утро было очень жарким. Мы шли вдоль пересохшего русла реки. Единственное, что было общим у этой местности с Сонорой, так это тучи насекомых. Комары и мухи напоминали пикирующие бомбардировщики, целившие мне в ноздри, уши и глаза. Дон Хуан посоветовал мне не обращать на их гул внимания.

– Не пытайся от них отмахнуться, – твердо произнес он. – *Вознамерь* их прочь. Установи вокруг себя энергетический барьер. Будь *безмолвным*, и этот барьер воздвигнется из твоего *безмолвия*. Никто не знает, как это получается. Это одна из тех вещей, которые древние маги называли *энергетическими фактами*. Останови свой внутренний диалог – вот все, что требуется.

– Я хочу предложить тебе одну необычную идею, – продолжал дон Хуан, шагая впереди меня.

Мне пришлось подналечь, чтобы приблизиться к нему настолько, чтобы не пропустить ничего из его слов.

– Должен подчеркнуть, что идея эта настолько необычна, что вызовет у тебя резкий отпор, – сказал он. – Заранее предупреждаю, что тебе будет нелегко принять ее. Но ее необычность не должна тебя отпугнуть. Ты ведь занимаешься социальной наукой, так что твой ум всегда открыт для исследований, не так ли?

Дон Хуан откровенно насмехался надо мной. Я знал об этом, но это меня не беспокоило. Он шел настолько быстро, что мне приходилось лезть из кожи вон, чтобы поспевать за ним, – его сарказм отскакивал от меня и вместо того, чтобы злить, только смешил. Мое внимание было безраздельно сосредоточено на его словах, и насекомые перестали докучать мне – то ли потому, что я *вознамерил* вокруг себя энергетический барьер, то ли я был настолько поглощен словами дона Хуана, что не обращал на их гул никакого внимания.

– Необычная идея, – проговорил он с расстановкой, оценивая производимый его словами эффект, – состоит в том, что каждый человек на этой Земле обладает, по-видимому, одними и теми же реакциями, теми же мыслями, теми же чувствами. По всей вероятности, все люди более или менее одинаково откликаются на одинаковые раздражители. Язык, на котором они говорят, несколько вуалирует это, но, приоткрыв эту вуаль, мы обнаружим, что всех людей на Земле беспокоят одни и те же проблемы. Мне бы хотелось, чтобы ты заинтересовался этим – разумеется, как ученый – и сказал, можешь ли ты найти формальное объяснение такому единообразию.

Дон Хуан собрал небольшую коллекцию растений. Некоторые из них было трудно рассмотреть; они скорее относились ко мхам или лишайникам. Я молча раскрыл перед ним его сумку. Набрав достаточно растений, он повернул к дому и зашагал так быстро, как только мог. Он сказал, что торопится разобрать их и развесить должным образом, прежде чем они засохнут.

Я глубоко задумался над задачей, которую он мне обрисовал. Начал я с того, что попытался извлечь из своей памяти какие-нибудь статьи по этому вопросу. Я решил, что возьмусь за такое исследование и прежде всего перечитаю все доступные мне работы по «национальному характеру». Тема пробудила во мне энтузиазм, и мне захотелось тут же отправиться домой, чтобы погрузиться в нее, но по дороге к своему дому дон Хуан присел на высокий выступ и обвел взглядом долину. Какое-то время он не произносил ни слова. Не похоже было, чтобы он запыхался, и я не мог понять, с чего бы вдруг ему вздумалось сделать эту остановку.

– Главная задача для тебя сегодня, – внезапно проговорил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, – это одна из наиболее таинственных в магии вещей, нечто недоступное для объяснений, невыразимое словами. Сегодня мы отправились на прогулку, мы беседовали, потому что тайны магии в повседневной жизни следует обходить молчанием. Они должны воз-

никать из ничего и вновь возвращаться в ничто. В этом искусство *воина-странника* – проходить сквозь игольное ушко незамеченным. Так что хорошенько обопрись об эту скалу; я буду рядом на случай, если ты упадешь в обморок.

– Что ты собираешься делать, дон Хуан? – спросил я со столь явной тревогой, что заметил это и понизил голос.

– Я хочу, чтобы ты скрестил ноги и вошел во *внутреннее безмолвие*, – сказал он. – Предположим, ты решил выяснить, какие статьи ты можешь привести в доказательство или же в опровержение того, чем я просил тебя заняться в твоей научной среде. Войди во *внутреннее безмолвие*, но не засыпай. Это не путешествие по *темному морю осознания*. Это видение из *внутреннего безмолвия*.

Мне было довольно трудно войти во *внутреннее безмолвие*, не уснув. Желание уснуть было почти неодолимым. Однако я совладал с ним и обнаружил, что всматриваюсь в дно долины из окружающей меня непроглядной тьмы. И тут я *увидел* нечто, от чего меня пробрал холод до мозга костей. Я *увидел* огромную тень, футов, наверное, пятнадцати в поперечнике, которая металась в воздухе и с глухим стуком падала на землю. Стук этот я не услышал, а ощутил своим телом.

– Они действительно тяжелые, – проговорил дон Хуан мне на ухо.

Он держал меня за левую руку так крепко, как только мог.

Я *увидел* что-то, напоминавшее грязную тень, которая ерзала по земле, затем совершала очередной гигантский прыжок, футов, наверное, на пятьдесят, после чего опускалась на землю все с тем же зловещим глухим стуком. Я старался не утратить своей сосредоточенности. Мною овладел страх, не поддающийся никакому рациональному описанию. Взгляд мой был прикован к прыгающей по дну долины тени. Затем я услышал в высшей степени своеобразное гудение – смесь хлопанья крыльев со свистом плохо настроенного радиоприемника. Последовавший же за этим стук был чем-то незабываемым. Он потряс нас с доном Хуаном до глубины души – гигантская грязно-черная тень приземлилась прямо у наших ног.

– Не бойся, – властно проговорил дон Хуан. – Сохраняй свое *внутреннее безмолвие*, и она исчезнет.

Меня трясло с головы до пят. Я твердо знал, что, если не сохраню свое *внутреннее безмолвие*, грязная тень накроет меня, подобно одеялу, и задушит. Не рассеивая тьмы вокруг себя, я издал вопль во всю мощь своего голоса. Никогда я не чувствовал себя таким разозленным и в высшей степени расстроенным. Грязная тень совершила очередной прыжок, прямиком на дно долины. Я продолжал вопить, дрыгая ногами. Мне хотелось отшвырнуть от себя все, что могло прийти и проглотить меня, чем бы оно ни было. Я был столь взвинчен, что потерял счет времени. Вероятно, я потерял сознание.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в своей постели в доме дона Хуана. На моем лбу лежало полотенце, смоченное ледяной водой. Меня лихорадило. Одна из женщин-магов из группы дона Хуана растирала мне спину, грудь и лоб спиртовым настоем, но это не принесло мне облегчения. Огонь, который жег меня, исходил изнутри. Его порождали гнев и бессилие.

Дон Хуан смеялся так, как будто на свете не было ничего смешнее того, что со мной произошло. Взрывам его хохота, казалось, не будет конца.

– Никогда бы не подумал, что ты примешь *видение летуна* так близко к сердцу, – сказал он.

Он взял меня за руку и повел на задний двор, где полностью одетого, в обуви, с часами на руке и всем прочим окунул в огромную лохань с водой.

– Часы, мои часы! – вскричал я.

Дон Хуан зашелся смехом.

– Тебе не следовало надевать часы, отправляясь ко мне, – сказал он. – Теперь им крышка!

Я снял часы и положил их на край лохани. Я знал, что они водонепроницаемы и с ними ничего не может случиться. Купание очень помогло мне. Когда дон Хуан вытащил меня из ледяной воды, я уже немного овладел собой.

– Совершенно нелепое зрелище! – твердил я, не в силах сказать ничего более.

Хищник, которого описывал мне дон Хуан, отнюдь не был добродушным существом. Он был чрезвычайно тяжелым, огромным и равнодушным. Я ощутил его презрение к нам. Несомненно, он сокрушил нас много веков назад, сделав, как и говорил дон Хуан, слабыми, уязвимыми и покорными. Я снял с себя мокрую одежду, завернулся в пончо, присел на кровать и буквально разревелся. Но мне было жаль не себя. У меня были моя ярость, мое *несгибаемое намерение*, которые не позволят им пожирать меня. Я плакал о своих собратьях, особенно о своем отце. До этого мгновения я никогда не отдавал себе отчета в том, что до такой степени люблю его.

– Ему никогда не везло, – услышал я свой голос, вновь и вновь твердящий эту фразу, как будто повторяя чьи-то слова. Мой бедный отец, самое мягкое существо, которое я когда-либо знал, такой нежный, такой добрый и такой беспомощный.

Часть IV. Начало окончательного путешествия

Глава 16. Прыжок в бездну

На плато столовой горы вела только одна тропа. Когда мы взобрались на него, я увидел, что оно не столь обширно, как представлялось снизу. Растительность на плато не отличалась от той, что была у его подножия: поникший зеленый древовидный кустарник.

Поначалу я не разглядел пропасти. Лишь когда дон Хуан подвел меня к ней, я увидел, что плато заканчивалось обрывом. Плато было круглым; с восточной и южной сторон склоны его были изъедены выветриванием, с севера же и запада оно казалось обрезанным ножом. Стоя на краю обрыва, я мог видеть дно ущелья, лежавшее примерно в шестистах футах подо мной. Оно было покрыто все тем же древовидным кустарником.

Я обошел плато и обнаружил, что оно не было в прямом смысле плато, а просто плоской вершиной внушительных размеров горы. Частокол более низких гор к северу и югу от вершины явственно указывал на то, что они составляли стены гигантского каньона, прорезанного миллионы лет назад не существующей более рекой. Гребни каньона были изъедены эрозией. Кое-где они были сглажены слоем почвы. Она не добралась лишь до того места, где я стоял.

– Это твердая порода, – сказал дон Хуан, будто прочитав мои мысли. Он указал подбородком в сторону дна ущелья. – Все, что упадет с этого гребня, разлетится там внизу на кусочки.

Это были первые слова, которыми мы, стоя на вершине, обменялись с доном Хуаном в этот день. Перед тем как отправиться туда, он сказал мне, что его время на этой Земле подошло к концу. Он отправляется в свое *окончательное путешествие*. Его заявление потрясло меня. Я в буквальном смысле опустил руки и впал в то блаженное состояние фрагментированности, которое, вероятно, испытывает человек, когда сходит с ума. Лишь некая сердцевина меня сохраняла свою целостность – то, что было во мне от ребенка. Все прочее было смутным и неопределенным. Я столь долго был фрагментирован, что единственным выходом для меня было вновь разъединиться.

Наиболее же специфическое взаимодействие уровней моего осознания произошло позже. Дон Хуан, его сподвижник дон Хенаро, я и двое его учеников, Паблито и Нестор, взобрались на это плато. Паблито, Нестор и я пришли сюда затем, чтобы выполнить свое последнее задание в роли учеников – прыгнуть в пропасть. Это было в высшей степени таинственным делом, о котором дон Хуан рассказывал мне на самых разных уровнях моего осознания, но которое, тем не менее, до этого дня оставалось для меня загадкой.

Дон Хуан пошутил, что мне следовало бы достать свой блокнот и приняться описывать наше последнее совместное времяпрепровождение. Он легонько ткнул меня под ребра и, сдерживая смех, уверил, что именно так будет лучше всего, поскольку свой *путь воина-странника* я начал как раз с блокнота.

Дон Хенаро сказал, что до нас на этой же плоской вершине горы стояли другие *воины-странники*, собираясь отправиться в странствие по *неизвестному*. Дон Хуан повернулся ко мне и мягким голосом сказал, что скоро я войду в *бесконечность* при помощи своей личной силы и что они с доном Хенаро здесь лишь затем, чтобы со мной попрощаться. Дон Хенаро вмешался опять и сказал, что я тоже здесь для того, чтоб попрощаться с ними.

– Когда ты войдешь в *бесконечность,* – сказал дон Хуан, – ты не сможешь полагаться на то, что мы поможем тебе вернуться обратно. Здесь нужно твое решение. Лишь ты сможешь решить, возвращаться или нет. Должен также предупредить тебя, что немногие из *воинов-странников* оставались в этой жизни после такой встречи с *бесконечностью. Бесконечность* невероятно привлекательна. *Воин-странник* обнаруживает, что возвращение в мир

беспорядка, принуждения, шума и боли не слишком его прельщает. Ты должен знать, что твое решение остаться или вернуться – не предмет разумного выбора, это предмет *намеревания*.

– Если ты выберешь не возвращаться, – продолжал он, – то исчезнешь, как будто земля поглотила тебя. Но, выбрав обратный путь, ты должен затянуть свой ремень и подождать, как подобает истинному *воину-странни*ку, пока твое задание не подойдет к концу – будь то успех или неудача.

Что-то стало едва уловимо меняться. В моей памяти стали всплывать лица людей, но я не был уверен, что когда-либо встречал их; в мозгу нарастало болезненное ощущение. Голос дона Хуана перестал быть слышен. Меня потянуло к этим людям, относительно которых я совершенно не был уверен в том, что вообще когда-либо встречал их. Я вдруг ощутил совершенно невыносимую привязанность к ним, кто бы они ни были. Чувства, которые я к ним испытывал, были неизъяснимы, и все же я не мог сказать, кто они. Я лишь ощущал их присутствие, как будто прожил прежде еще одну жизнь или же общался с ними во сне. Я почувствовал, что их очертания сместились; сначала они стали высокими, затем совсем маленькими. Сущность же их, та самая сущность, что порождала мою невыносимую к ним привязанность, осталась прежней.

Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал:

– Соглашение состоит в том, чтобы ты сохранял осознание обычного мира. – Его голос был резким и властным. – Сегодня ты отправляешься выполнять конкретное задание, – продолжал он, – последнее звено длинной цепи; и тебе необходимо подойти к нему в высшей степени рассудительно.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан разговаривал со мной таким тоном. В этот момент он был совсем другим человеком, и все же совершенно привычным для меня. Я кротко подчинился ему и вернулся к осознанию мира повседневной жизни, не отдавая себе в этом отчета. В тот день мне казалось, что я уступил дону Хуану из страха и почтения.

Затем дон Хуан обратился ко мне в привычном тоне. Его слова также были вполне привычными. Он сказал, что сущность *воина-странника* – это скромность и эффективность, что он должен действовать, не ожидая ничего в награду, и устоять перед любым препятствием, что окажется на его пути.

К этому моменту уровень моего осознания вновь сдвинулся. Разум мой сосредоточился на мыслях о страдании. Я понял, что заключил с некими людьми договор умереть вместе с ними, хотя и не знал, кто они. Без тени сомнения я чувствовал, что было бы неправильно умереть в одиночку. Тоска моя стала невыносимой.

Дон Хуан обратился ко мне.

– Мы одиноки, – сказал он. – Это наше условие. Но умереть одному не значит умереть в одиночестве.

Я сделал несколько больших глотков воздуха, чтобы снять напряжение. По мере того как я вздыхал полной грудью, рассудок мой прояснялся.

– Величайшая проблема для нас, мужчин, – это наша уязвимость. Когда наше осознание начинает расти, оно вырастает, подобно стволу, прямо из центра нашей светящейся сущности, снизу вверх. Этот ствол должен вырасти до значительной высоты, прежде чем мы сможем на него опереться. В этот период твоей жизни мага ты легко можешь утратить власть над своим новым осознанием. И тогда ты забудешь все, что делал и *видел* на пути *воина-странника,* потому что твой ум вернется к повседневному осознанию. Я уже объяснял тебе, что каждый маг-мужчина, находясь на новых уровнях осознания, должен использовать все то, что делал и *видел* на пути *воина-странника*. Проблема каждого мага-мужчины в том, что он легко все забывает, поскольку его осознание утрачивает свой новый уровень.

– Я прекрасно понимаю все, что ты говоришь, дон Хуан, – сказал я. – Пожалуй, впервые я полностью осознал, почему все забываю и почему потом все вспоминаю. Я всегда был уверен,

что мои сдвиги обусловлены болезненными личными обстоятельствами; теперь я знаю, отчего происходят эти изменения, но не могу выразить свое знание словами.

– Не беспокойся о словах, – сказал дон Хуан. – Ты найдешь их в свое время. Сегодня ты должен действовать на основании своего *внутреннего безмолвия*, того, что ты знаешь не зная. Ты прекрасно знаешь, что ты должен делать, но это знание еще не вполне оформилось в твоих мыслях.

Все, чем я обладал на уровне конкретных мыслей, было смутным ощущением знания чего-то, что не было частью моего рассудка. Вместе с тем у меня было совершенно четкое ощущение, что я сделал огромный шаг вниз; во мне, казалось, что-то упало. Я почти физически ощутил удар. Я знал, что в этот миг перешел на новый уровень осознания.

Затем дон Хуан сказал мне, что *воин-странник* обязательно должен попрощаться со всеми людьми, которые остаются у него за спиной. Он должен произнести слова прощания громко и четко, так, чтобы его голос и чувства навсегда запечатлелись в этих горах.

Я долго колебался, но не из-за застенчивости, а потому, что не знал, кого именно мне следует благодарить. Я полностью проникся концепцией магов, что *воин-странник* не может никому ничего быть должен.

Дон Хуан обучил меня аксиоме магов: «*Воины-странники* непринужденно, щедро и с необычайной легкостью воздают за любое оказанное им расположение, за любую услугу. Таким образом, они снимают с себя ношу невыполненного долга».

Я воздал, или же все еще воздавал, всем, кто почтил меня своей заботой или участием. Я *перепросмотрел* всю свою жизнь настолько подробно, что не обошел вниманием даже мельчайшие ее эпизоды. Я был совершенно уверен тогда, что никому ничего не задолжал. Своей уверенностью и сомнениями я поделился с доном Хуаном.

Дон Хуан сказал, что я действительно тщательно *вспомнил* свою жизнь, но добавил, что я далек от того, чтобы быть свободным от долгов.

– А как насчет твоих призраков? – продолжал он. – Тех, с кем ты уже не можешь соприкоснуться?

Он знал, о чем говорит. Во время своего *перепросмотра* я пересказал ему каждый эпизод своей жизни. Из всего того, о чем я ему поведал, он выделил три случая в качестве образцов задолженности, которую я приобрел в весьма раннем возрасте, и добавил к этому мою задолженность перед человеком, благодаря которому я с ним встретился. Я горячо поблагодарил своего друга и почувствовал, что моя благодарность была каким-то образом принята. Три же первых случая остались на моей совести.

Один из них был связан с человеком, которого я знал, будучи совсем ребенком. Его звали Леандро Акоста. Он был заклятым врагом моего деда, его настоящей напастью. Дед постоянно обвинял этого человека в том, что тот крал цыплят из его курятника. Акоста не был бродягой, просто не имел определенных, постоянных занятий. Он был своего рода перекати-полем, брался за разную работу, был подсобным рабочим, знахарем, охотником, поставщиком трав и насекомых для местных лекарей, а также всякого рода живности для чучельников и торговцев.

Люди считали, что он гребет деньги лопатой, но не может ни сберечь их, ни толково ими распорядиться. И друзья его, и недруги в один голос твердили, что он мог бы преуспевать на зависть всей округе, если бы занялся тем, в чем разбирался лучше всего, – сбором трав и охотой. Но он страдает странной душевной болезнью, делающей его беспокойным и неспособным остановиться на каком-нибудь занятии на сколько-нибудь продолжительное время.

Однажды, прогуливаясь на окраине фермы своего деда, я заметил, что за мной кто-то наблюдает из кустов на краю леса. Это был Акоста. Он сидел на корточках в самой гуще кустарника, и если бы не мои зоркие глаза восьмилетнего мальчишки, был бы совершенно незаметен.

Не удивительно, что дед думает, будто он приходит воровать цыплят, подумал я. Я был уверен, что никто, кроме меня, не смог бы его разглядеть; благодаря своей неподвижности

он был прекрасно замаскирован. Я скорее почувствовал различие между кустарником и его силуэтом, чем увидел его. Я приблизился к нему. То, что люди или яростно его ненавидели, или же горячо любили, весьма меня интриговало.

– Что вы здесь делаете, сеньор Акоста? – бесстрашно спросил я.

– Я справляю большую нужду, одновременно разглядывая ферму твоего деда, – ответил он, – так что лучше отвали, пока я не встал, если не любишь нюхать дерьмо.

Я немного отошел. Мне было любопытно, действительно ли он занимался тем, о чем говорил. Я убедился, что он говорил правду. Он встал, и я решил, что он выйдет из кустов и направится в сторону владений моего деда, чтобы выйти на дорогу, но я ошибся. Он двинулся вглубь зарослей.

– Эй, сеньор Акоста! – закричал я. – Можно мне с вами?

Я заметил, что он остановился; кусты были столь густыми, что это вновь получилось у меня скорее благодаря чувству, чем зрению.

– Конечно, можно, если ты найдешь лазейку в кустарнике, – ответил он.

Это не составило мне труда. Давным-давно я отметил вход в кустарник большим камнем. Методом бесконечных проб и ошибок я обнаружил там узкий лаз, который через три-четыре ярда становился настоящей тропой, по которой я мог двигаться в полный рост.

Сеньор Акоста подошел ко мне и сказал:

– Браво, малыш, молодчина! Хорошо, идем со мной, если тебе так хочется.

Так началась наша дружба с Леандро Акостой. Каждый день мы совершали охотничьи вылазки. Из-за того, что я пропадал из дому неизвестно куда с рассвета до заката, близость наша стала столь очевидной, что в конце концов дед сурово отчитал меня.

– Тебе следовало бы быть более разборчивым в знакомствах, – сказал он, – если не хочешь закончить тем же, что и он. Я не потерплю, чтобы этот человек как-либо влиял на тебя. Ты легко можешь стать таким же беспутным непоседой. Обещаю тебе, что, если ты не положишь этому конец, я сделаю это сам. Я пожалуюсь властям, что он ворует моих цыплят. Ты ведь прекрасно знаешь, что это его рук дело.

Я пытался убедить деда в полной абсурдности его обвинений. Акосте не было нужды воровать цыплят – ведь у него был его огромный лес, где он мог добыть все, что хотел. Но мои доводы еще больше разозлили деда. Я понял, что ему была втайне ненавистна свобода Акосты, и благодаря этому пониманию последний превратился для меня из просто охотника в высшее проявление чего-то запретного и в то же время желанного.

Я решил не встречаться с Акостой так часто, но соблазн был слишком велик. Однажды Акоста и трое его друзей предложили мне сделать то, что еще ни разу ему не удавалось, – поймать живым и невредимым грифа. Он объяснил, что тело грифов нашей местности – огромных птиц, размах крыльев которых составлял пять-шесть футов, – содержит семь различных типов мяса, каждый из которых применяется для тех или иных лечебных целей. Он сказал, что желательно, чтобы тело грифа не было повреждено. Его нужно поймать не силой, а хитростью. Подстрелить-то его легко, но в этом случае мясо утратит свои лечебные свойства. Так что вся штука в том, чтобы поймать его живьем, а вот это не удавалось ему ни разу. Однако, сказал он, с моей помощью и с помощью трех его друзей он с этим справится. Он заверил меня, что это естественный вывод, к которому он пришел после того, как раз сто наблюдал за поведением грифов.

– Для этого нам понадобится дохлый осел, – с энтузиазмом провозгласил он, – и осел у нас есть.

Он посмотрел на меня, ожидая вопроса о том, что же мы станем делать с дохлым ослом. Но поскольку вопрос не прозвучал, он продолжил:

– Мы удалим у него внутренности и вставим несколько палочек, чтобы туша сохраняла форму.

– У грифов всем заправляет вожак; он крупней и умней остальных, – продолжал он. – Никто не может сравниться с ним в остроте зрения. Это и делает его вожаком. Именно он обнаружит дохлого осла и подлетит к нему. Он сядет с подветренной стороны, чтобы обнюхать его и убедиться, что он действительно издох. Кишки и прочие внутренности, которые мы извлечем из туши осла, мы сложим возле его задней части. Это будет похоже на следы трапезы дикого кота. Затем гриф не торопясь приблизится к ослу. Спешить ему некуда. Он станет прыгать вокруг туши и, наконец, опустится на ее круп и начнет ее раскачивать. Не воткни мы в землю четыре палочки, он мог бы ее перевернуть. На какое-то время он замрет, сидя на ослином крупе; это будет сигналом остальным грифам опуститься поблизости. И лишь когда рядом с вожаком окажутся три или четыре других грифа, он примется за дело.

– А какова же моя роль во всем этом, господин Акоста? – спросил я.

– Ты спрячешься внутри туши, – сказал он с невозмутимым видом. – Не бойся, я дам тебе пару специальных кожаных перчаток, и ты будешь сидеть там и ждать, пока гриф-вожак разорвет своим мощным клювом задний проход осла и просунет туда голову, чтобы начать есть. Тогда ты крепко схватишь его за шею обеими руками.

– Я и трое моих друзей спрячемся в глубоком овраге, – продолжал он. – Я буду следить за всем в бинокль. Когда я увижу, что ты схватил грифа за шею, мы прискачем во весь опор, бросимся на птицу сверху и поймаем ее.

– А осилите ли вы грифа, сеньор Акоста? – спросил я. Не то чтобы я сомневался в нем, просто хотел быть уверен.

– Конечно! – сказал он со всей возможной уверенностью. – Мы все наденем перчатки и кожаные гамаши. У грифов очень сильные когти. Они могут переломить голень, как хворостинку.

У меня не было выхода. Меня охватило сильнейшее возбуждение. Мое восхищение Леандро Акостой не знало в этот момент границ. В моих глазах он был настоящим охотником – находчивым, хитрым и знающим.

– Прекрасно, давайте так и сделаем! – сказал я.

– Вот это как раз тот парень, который мне нужен! – сказал Акоста. – Я верил в тебя!

Он приладил позади своего седла толстое одеяло, и один из его друзей легко поднял меня и посадил на лошадь.

– Держись за седло, – сказал Акоста, – и одновременно придерживай одеяло.

Мы поскакали плавным галопом. Спустя примерно час мы оказались на какой-то сухой и безлюдной равнине. Остановились под навесом, напоминавшим палатку продавца на рынке. Его плоский верх служил защитой от солнца. Под навесом лежал дохлый бурый осел. Не похоже было, что он умер от старости – выглядел он совсем молодым.

Ни Акоста, ни его друзья не сказали мне, убили ли они осла или нашли издохшим. Я ждал, что они объяснят мне это, но спрашивать не собирался. Совершая необходимые приготовления, Акоста сообщил, что навес нужен потому, что грифы всегда начеку, и хотя они кружат высоко и сами не видны, несомненно, они могут следить за всем происходящим.

– Эти твари способны только видеть, – сказал Акоста. – Их уши никуда не годятся, да и нюх у них не так хорош, как зрение. Мы должны заделать в туше каждую дырку. Я не хочу, чтобы ты выглядывал откуда-нибудь, потому что они увидят твой глаз и ни за что не приземлятся. Они не должны ничего видеть.

Они установили внутри ослиной туши несколько палочек крест-накрест, оставив достаточное пространство, чтобы я мог забраться внутрь. В какой-то момент я решился задать вопрос, мучивший меня все это время.

– Скажите, сеньор Акоста, ведь этот осел издох от болезни, не так ли? Как вы думаете, я не могу ею заразиться?

Акоста закатил глаза.

– Ну-ну, не говори глупостей. Ослиные болезни людям не передаются. Давай займемся делом и не будем забивать себе голову всякой ерундой. Будь я поменьше ростом, я сам влез бы в брюхо этого осла. Знаешь ли ты, что такое поймать вожака грифов?

Я поверил ему. Что-то в нем располагало меня к ни с чем не сравнимому доверию. Я не собирался праздновать труса и пропустить величайшее в своей жизни приключение.

Страшней всего было в тот момент, когда Акоста запихнул меня внутрь ослиной туши. Затем они натянули шкуру на каркас и стали зашивать ее. Все же они оставили снизу, у земли, довольно большое отверстие, чтобы мне было чем дышать. Ужас обуял меня, когда шкура наконец сомкнулась надо мной, подобно захлопнувшейся крышке гроба. Я тяжело задышал, думая лишь о том, как здорово будет схватить грифа-вожака за шею.

Акоста дал мне последние наставления. Он сказал, что избавит меня от лишних волнений, дав знать свистом, похожим на птичий, когда гриф-вожак закружит поблизости и станет садиться. Затем я услышал, как они снимают навес; потом до меня донесся удаляющийся стук копыт их лошадей. Хорошо, что они не оставили в шкуре ни одной дырочки, не то я обязательно выглянул бы. Искушение взглянуть на происходящее было почти неодолимым.

Прошло много времени; я сидел, ни о чем не думая. Вдруг я услышал свист Акосты и решил, что гриф кружит вокруг меня. Я совершенно в этом уверился, когда услышал хлопанье мощных крыльев, после чего ослиная туша вдруг закачалась так, будто на нее наехал грузовик, во всяком случае, так мне показалось. Затем я почувствовал, что гриф сел на тушу и замер. Я мог ощущать его вес. Послышалось хлопанье других крыльев, и вдалеке раздался свист Акосты. Тогда я приготовился к неизбежному. Ослиная туша затряслась, и что-то стало разрывать шкуру.

Вдруг внутрь туши влезла огромная безобразная голова с красным гребнем и чудовищным клювом; широко раскрытый глаз пронзил меня своим взглядом. Я закричал от страха и схватился обеими руками за шею. Мне показалось, что гриф на миг оцепенел, поскольку никак не отреагировал, что дало мне возможность крепче обхватить его шею. Затем же последовала настоящая карусель. Гриф пришел в себя и потянул с такой силой, что чуть не размазал меня по ослиной шкуре. В следующее мгновение я оказался наполовину снаружи, изо всех сил держась за птичью шею.

Я услышал вдали стук копыт лошади Акосты. До меня донесся его крик:

– Отпусти его, отпусти, он собирается улететь вместе с тобой!

Гриф действительно собирался или улететь со мной, или же оторвать меня от себя когтями. Добраться до меня ему мешало то, что его голова была частично погружена вовнутрь туши. Его когти скользили по выпущенным ослиным кишкам и ни разу толком меня не коснулись. Также меня спасло то, что гриф изо всех сил старался освободить шею от моей хватки и не мог выставить когти достаточно вперед, чтобы по-настоящему нанести мне вред. В следующее мгновение Акоста рухнул на грифа, как раз в тот момент, когда кожаные перчатки слетели с моих рук. Акоста был вне себя от радости.

– Получилось, получилось, малыш! – воскликнул он. – В следующий раз мы вобьем в землю палки подлиннее, чтобы гриф не смог их вырвать, и привяжем тебя ко всему сооружению.

Мы были дружны с Акостой довольно долгое время, пока я не помог ему поймать грифа. После этого же мой интерес к нему угас столь же таинственным образом, как и появился, и мне ни разу не представился случай поблагодарить его за все, чему он меня научил.

Дон Хуан сказал, что он научил меня охотничьему терпению в лучшее для таких уроков время и, прежде всего, научил находить в уединении то спокойствие, которое необходимо охотнику.

– Ты не должен путать одиночество и уединение, – сразу пояснил дон Хуан. – Одиночество для меня понятие психологическое, душевное, уединенность же – физическое. Первое отупляет, второе успокаивает.

За все это, сказал дон Хуан, я навсегда останусь в долгу перед сеньором Акостой, понимаю ли я долги так, как их понимают *воины-странники*, или нет.

Вторым человеком, перед которым я, по мнению дона Хуана, был в долгу, был десятилетний мальчик, с которым мы вместе росли. Его звали Армандо Велец. Подобно своему имени, он был чрезвычайно серьезным, чопорным, таким себе юным стариком. Я очень любил его за решительный и вместе с тем чрезвычайно дружелюбный характер. Он был из тех, кого не так-то просто было запугать. Драку он мог затеять в любой момент, но вовсе не был забиякой.

Нам с ним нравилось ходить на рыбалку. Ловили мы обитавших под камнями очень маленьких рыбок, которых нужно было доставать оттуда руками. Мы раскладывали пойманных рыбок сушиться на солнце и поедали их сырыми, иногда занимаясь этим целый день.

Мне также нравилось, что он был очень изобретательным, умным и одинаково хорошо владел обеими руками. Левой рукой он мог бросить камень даже дальше, чем правой. Мы постоянно в чем-нибудь состязались, и, к моему величайшему огорчению, он всегда выигрывал. Он как бы извинялся передо мной за это, говоря:

– Если я поддамся и дам тебе выиграть, ты возненавидишь меня. Это оскорбит твое мужское достоинство. Так что старайся!

Из-за его чопорности мы называли его «Сеньор Велец», но по обычаю той части Южной Америки, откуда я родом, сокращали «сеньор» до «шо».

Однажды Шо Велец предложил мне нечто довольно необычное. Начал он, естественно, с подначки.

– Ставлю что угодно, – сказал он, – что я знаю такую вещь, на которую ты не отважишься.

– О чем это ты, Шо Велец?

– Ты не отважишься сплавиться по реке на плоту.

– С чего бы это? Я сплавлялся по ней даже в половодье. Через восемь дней меня прибило к острову, и мне сплавляли туда еду.

Это была правда. Еще одним моим лучшим другом был мальчик по прозвищу Сумасшедший Пастух. Как-то нас в половодье прибило к острову, с которого мы никак не могли выбраться. Жители нашего городка думали, что прибывающая вода зальет остров и мы оба утонем. Они сплавляли по реке корзины с едой в надежде, что их вынесет на остров, как оно и вышло. Благодаря этому мы благополучно дожили до того момента, когда вода спала настолько, что они смогли подплыть к нам на плоту и перевезти нас на берег.

– Нет, я имею в виду другое, – сказал Шо Велец своим тоном эрудита. – Речь идет о том, чтобы сплавиться по подземной реке.

Он обратил мое внимание на то, что на большом участке своего течения наша река протекает под горой. Этот подземный участок всегда чрезвычайно привлекал меня. Местом, где река исчезала под землей, была зловещего вида пещера значительных размеров, всегда изобиловавшая летучими мышами и пропахшая аммиаком. Из-за сернистых испарений, жара и зловония местные дети считали ее входом в преисподнюю.

– Можешь ставить хоть свою чертову голову, Шо Велец, что я никогда в жизни и близко не подойду к этой реке! – вскричал я. – Проживи я хоть десять жизней! Надо быть совсем идиотом, чтобы сделать что-то подобное.

Серьезное лицо Шо Велеца сделалось еще более торжественным.

– О, – сказал он, – тогда мне придется сделать это одному. Мне показалось на минуту, что я смогу подбить тебя на это. Я был неправ. Признаю свою ошибку.

– Эй, Шо Велец, что с тобой? Какого черта ты полезешь в это пекло?

– Я должен, – сказал он своим хриплым мальчишеским голосом. – Видишь ли, мой отец такой же чокнутый, как и ты, за тем исключением, что он отец и муж. Шесть человек зависят от него. В противном случае он был бы сумасшедшим, как козел. Две моих сестры, два моих брата, моя мать и я зависим от него. Он для нас все.

Я не знал, кем был отец Шо Велеца. Я даже ни разу его не видел. Я не знал, чем он зарабатывает на жизнь. Шо Велец рассказал, что он был бизнесменом и все, чем он владел, так сказать, умещалось на столе.

– Мой отец построил плот и хочет плыть, – продолжал Шо Велец. – Он хочет предпринять эту экспедицию. Мать говорит, что он перебесится, но я в это не верю. Я видел в его глазах твой сумасшедший взгляд. На днях он отправится, и я уверен, что он погибнет. Так что я собираюсь взять его плот и сплавиться по этой реке сам. Я знаю, что умру, но мой отец останется жив.

Меня как будто пронзило электрическим током в шею, и я услышал свой голос, произносящий в таком возбуждении, какое только можно себе представить: «Я согласен, Шо Велец, я согласен! Да, да, это будет здорово! Я плыву с тобой!»

Шо Велец ухмыльнулся. Ухмылка эта показалась мне счастливой улыбкой по поводу того, что он будет не один, а не того, что ему удалось меня соблазнить. Это чувство он продемонстрировал последовавшей за этим фразой:

– Я уверен, что, если ты будешь со мной, я останусь жив.

Я не беспокоился о том, останется в живых Шо Велец или нет. Меня заражала его смелость. Я знал, что Шо Велеца хватит на то, чтобы осуществить задуманное. Они с Сумасшедшим Пастухом были единственными отчаянными мальчишками в городе. Они обладали тем качеством, которое я считал чем-то немыслимым и неповторимым, – отвагой. Никто другой в нашем городе не мог похвастаться ничем подобным. Я испытал их всех. По моему мнению, все они были вялыми, включая и человека, которого я любил всю свою жизнь, – моего деда. Уже в десятилетнем возрасте у меня не было и тени сомнения на этот счет. Смелость Шо Велеца ошеломила меня. Мне захотелось быть с ним до конца.

Мы договорились встретиться на рассвете. Утром мы понесли легкий плот отца Шо Велеца за три или четыре мили от города, к пещере в зеленых холмах, где река уходила под землю. От запаха помета летучих мышей не было спасения. Мы взобрались на плот и оттолкнулись от берега. Плот был оборудован сигнальными фонарями, которые нам пришлось тут же включить. Под толщей горы было темным-темно, влажно и жарко. Река была достаточно глубокой для плота и довольно быстрой, так что грести нам не приходилось.

Сигнальные огни создавали причудливые тени. Шо Велец шепнул мне на ухо, что лучше вообще не смотреть вокруг, потому что обстановка будет более чем пугающей. Он был прав; она была тошнотворной, угнетающей. Огни вспугивали летучих мышей, и они летали, беспорядочно хлопая вокруг нас крыльями. Когда же мы углубились в пещеру, исчезли даже они, остался лишь затхлый воздух, такой густой, что им было трудно дышать. Спустя какое-то время – как мне показалось, через несколько часов – нас вынесло во что-то вроде озерца, довольно глубокого и почти неподвижного. Ситуация выглядела так, как будто русло было перегорожено.

– Мы застряли, – вновь прошептал мне на ухо Шо Велец. – Плот не пройдет здесь, и назад мы вернуться не сможем.

Течение в реке было настолько быстрым, что нечего было и думать о том, чтобы пуститься в обратный путь. Мы решили поискать выход наружу. Я увидел, что если встать на доски плота, то можно достать до потолка пещеры, что означало, что вода дальше доставала до самого ее потолка. У входа пещера была сводчатой, около пятидесяти футов высотой. Напрашивался единственно возможный вывод, что мы находились в верхней части озера, глубина которого составляла около пятидесяти футов.

Мы привязали плот к скале и нырнули, пытаясь уловить какое-нибудь движение воды. На поверхности было влажно и жарко, в нескольких же футах ниже было очень холодно. Мое

тело ощутило перемену температуры, и я испытал страх, удивительный животный страх, какого никогда не испытывал. Я вынырнул. Шо Велец, должно быть, испытывал то же самое, потому что мы столкнулись с ним на поверхности.

– Думаю, что мы близки к смерти, – мрачно сказал он.

Я не разделял ни его мрачности, ни желания умереть и отчаянно искал выход. Глыбы, образовавшие затор, должны были быть принесены течением. Я обнаружил отверстие, достаточное для того, чтобы мое мальчишеское тело могло в него протиснуться. Заставив Шо Велеца нырнуть, я показал отверстие ему. Плот ни за что не смог бы в него пройти. Мы забрали с плота одежду, связали ее в тугой узел и, нырнув, вновь нащупали отверстие и протиснулись в него.

Мы оказались в крутом желобе, вроде тех водяных горок, что бывают в парках аттракционов. Лишайник и мох, покрывавшие его дно, позволили нам довольно долго скользить по нему без особого вреда. Затем мы попали в огромный сводчатый зал, где вода вновь текла и была нам по пояс. Мы увидели дневной свет у выхода из пещеры и побрели наружу. Глубина была недостаточной для того, чтобы плыть; сплавиться по-собачьи тоже было нельзя из-за слабого течения. Не сказав ни слова, мы расстелили свою одежду и положили ее сушиться на солнце, после чего направили свои стопы в сторону города. Шо Велец был почти безутешен из-за потери отцовского плота.

– Мой отец погиб бы там, – признал он наконец. – Он ни за что бы не протиснулся в то отверстие, в которое пролезли мы. Он слишком велик для этого. Мой отец толстяк, – сказал он, – но, может, у него могло бы хватить сил на то, чтобы вернуться вброд.

Я усомнился в этом. Насколько я помнил, из-за большой крутизны русла течение до озера было удивительно быстрым. Все же я согласился, что взрослый человек, подгоняемый отчаянием, смог бы в конце концов выбраться наружу с помощью веревок и титанических усилий.

Мы так и не разрешили вопрос, погиб бы отец Шо Велеца в пещере или нет, но меня это не беспокоило. Меня беспокоило то, что впервые в жизни я ощутил жгучую зависть. Шо Велец был единственным человеком, которому я когда-либо завидовал. У него было за что умереть, и он доказал мне, что способен на это; у меня не было ничего подобного, и я не доказал себе ровным счетом ничего.

В каком-то смысле, я отдал Шо Велецу первенство. Его торжество было полным. Я склонил перед ним голову. Ему теперь принадлежал город, люди, и он был, как мне казалось, лучшим среди них. Когда мы расставались в этот день, я произнес банальную и вместе с тем глубокую истину:

– Ты их король, Шо Велец. Ты – лучший.

Я никогда больше с ним не разговаривал, осознанно прекратив нашу дружбу. Я почувствовал, что лишь таким образом могу показать, насколько глубокое впечатление он на меня произвел.

Дон Хуан считал, что я в неоплатном долгу перед Шо Велецом, так как он был тем человеком, кто научил меня: *чтобы человек понял, что ему есть для чего жить, у него должно быть то, за что стоит умереть.*

– Если тебе не за что умирать, – как-то сказал мне дон Хуан, – как ты можешь утверждать, что тебе есть для чего жить? Две эти вещи идут рука об руку, и смерть – главная в этой паре.

Третьим человеком, которому я, по мнению дона Хуана, был в высшей степени обязан, была моя бабка по матери. В своей слепой привязанности к деду, мужчине, я забыл о действительной опоре этого дома, своей весьма эксцентричной бабушке.

За много лет до того, как я попал в ее дом, она спасла от линчевания местного индейца. Его обвиняли в колдовстве. Некие разгневанные молодые люди уже готовы были вздернуть его на ветке дерева, росшего на территории владений моей бабушки. Она подоспела в разгар линчевания и остановила его. Все линчеватели были, по-моему, ее крестниками, так что не

дерзнули ей возражать. Она опустила несчастного на землю и забрала в дом, чтобы выходить. Веревка успела оставить на его шее глубокий след.

Он поправился, но так и не оставил моей бабки. Он заявил, что его жизнь кончилась в день линчевания, новая же жизнь не принадлежит ему; она принадлежит ей. Будучи человеком слова, он посвятил свою жизнь служению моей бабке. Он был ее слугой, дворецким и советником. Мои тетки говорили, что именно он посоветовал бабке усыновить новорожденного сироту; они же жестоко негодовали по этому поводу.

Когда я появился в доме своих деда и бабки, ее приемному сыну было уже под сорок. Она отправила его учиться во Францию. Однажды утром возле дома совершенно неожиданно остановилось такси, из которого вышел в высшей степени элегантно одетый крепко сложенный мужчина. Водитель занес его чемоданы во внутренний дворик. Мужчина щедро расплатился с ним. С первого же взгляда я заметил, что внешность мужчины была весьма примечательной. У него были длинные вьющиеся волосы и длинные ресницы. Он, вовсе не будучи красив, был чрезвычайно привлекателен. Лучшей его чертой была лучезарная, открытая улыбка, которую он тут же обратил ко мне.

– Могу ли я поинтересоваться вашим именем, молодой человек? – спросил он таким приятным, хорошо поставленным голосом, какой мне вряд ли доводилось когда-либо слышать.

То, что он назвал меня «молодым человеком», мгновенно подкупило меня.

– Мое имя Карлос Арана, сударь, – ответил я. – Могу ли я в свою очередь поинтересоваться вашим?

Он изобразил на лице удивление, широко раскрыл глаза и отскочил в сторону, как будто на него кто-то напал. Затем он шумно расхохотался. На его смех из внутреннего дворика вышла бабушка. Увидев его, она взвизгнула, как девчонка, и заключила его в нежнейшие объятия. Он приподнял ее, как будто она ничего не весила, и закружил. Я заметил, что он был очень высок. Крепость его телосложения скрывала его рост. У него в прямом смысле было тело профессионального борца. Будто заметив, что я его рассматриваю, он согнул бицепс.

– В свое время я немного занимался боксом, сударь, – сказал он, ничуть не заблуждаясь относительно моих мыслей.

Бабушка представила его мне, сказав, что это ее сын Антуан, ее дорогой мальчик. Она сказала, что он драматург, режиссер, писатель и поэт.

Его атлетическое сложение поднимало его в моих глазах. Я не понял сразу, что он был приемышем, однако заметил, что он не похож на остальных членов семьи. Те все напоминали ходячие трупы, в нем же жизнь бурлила через край. В этом мы были чрезвычайно похожи. Мне нравилось, что он ежедневно тренируется, используя мешок в качестве боксерской груши. Особенно мне нравилось, что он не только боксировал, но и пинал мешок ногами, совмещая одно с другим совершенно поразительным образом. Тело его было крепким, как камень.

Однажды Антуан поведал мне, что единственным его страстным желанием было стать выдающимся писателем.

– У меня есть все, – сказал он. – Жизнь была ко мне весьма благосклонна. У меня нет лишь того единственного, что я хочу иметь, – таланта. Музы не любят меня. Я высоко ценю то, что читаю, но не могу создать ничего такого, что мне самому хотелось бы читать. В этом источник моих мук; чтобы соблазнить муз, мне недостает то ли усидчивости, то ли обаяния, поэтому жизнь моя пуста настолько, насколько это вообще возможно.

Затем Антуан стал говорить, что единственным его подлинным достоянием является его мать. Он назвал мою бабку своим оплотом, своей опорой, своим вторым «я». Наконец он произнес слова, которые в высшей степени взволновали меня.

– Не будь у меня моей матери, – сказал он, – я не жил бы.

Я понял тогда, насколько глубоко он был привязан к моей бабушке. Мне вдруг живо вспомнились все те леденящие душу истории об испорченном ребенке Антуане, которые рас-

сказывали мне мои тетки. Бабушка действительно донельзя избаловала его. Однако им, казалось, было хорошо вместе. Я видел, как они сидели часами, она держала его голову на коленях, как будто он все еще был ребенком. Я не видел, чтобы моя бабушка общалась с кем-либо так долго.

Настал день, когда Антуан вдруг стал много писать. Он принялся за постановку пьесы в местном театре, пьесы, автором которой был он сам. Когда представление состоялось, оно имело шумный успех. Местные газеты печатали его стихи. Было похоже на то, что он попал в полосу вдохновения. Но спустя всего несколько месяцев этому пришел конец. Редактор местной газеты публично обвинил его в плагиате и опубликовал статью в подтверждение вины Антуана.

Моя бабушка, естественно, не хотела и слышать о недостойном поведении своего сына. Она объясняла происходящее проявлением глубокой зависти. Все жители этого города завидовали элегантности ее сына, его блеску. Они завидовали его темпераменту и уму. Бесспорно, он был воплощением элегантности и хороших манер. Но он определенно был плагиатором, в этом не было никакого сомнения.

Антуан никогда ни перед кем не объяснялся в своем поведении. Я слишком любил его, чтобы спрашивать об этом. У меня просто недоставало смелости. Мне кажется, у него были на то свои причины. Но что-то, казалось, прорвалось; с того момента мы жили, если можно так выразиться, галопом. День ото дня в доме происходили столь разительные перемены, что я уже привык чего-то ждать – то ли хорошего, то ли плохого. Однажды вечером моя бабушка внезапно вошла в комнату Антуана. В ее взгляде была такая суровость, какой я никогда за ней не замечал. Когда она говорила, губы ее дрожали.

– Случилось нечто ужасное, Антуан, – начала она.

Антуан остановил ее. Он попросил ее дать ему возможность объясниться. Она резко оборвала его.

– Нет, Антуан, нет, – сказала она твердо. – Это не связано с тобой. Это касается лишь меня. В столь трудное для тебя время случилось нечто более важное. Антуан, сынок, мое время кончилось.

– Я хочу, чтобы ты понял, что это неизбежно, – продолжала она. – Я должна уйти, а ты должен остаться. Ты – итог всего, что я сделала в этой жизни. Хороший ли, плохой, Антуан, ты – вся моя суть. Дай этому возможность показать себя. Как бы то ни было, мы в конце концов будем вместе. А ты действуй, Антуан, действуй. Делай, как знаешь, не важно что, делай, пока можешь.

Я увидел, как Антуана мучительно передернуло. Он весь сжался, все мышцы его тела как будто исчезли, куда-то ушла вся его сила. Его проблемы были рекой, теперь же его, по-видимому, вынесло в океан.

– Обещай мне, что не умрешь, пока не придет твой срок! – прокричала она ему.

Антуан кивнул.

На следующий день бабушка по совету своего советника-мага продала все свои земли, бывшие весьма обширными, и передала деньги своему сыну Антуану. Последовавшим за этим утром я стал свидетелем сцены, удивительней которой я не наблюдал за все десять лет своей жизни: Антуан прощался со своей матерью. Сцена была нереальной, как кинофильм, нереальной в том смысле, что казалась придуманной, написанной неким писателем и поставленной неким режиссером.

В роли декораций выступал внутренний дворик дедовского дома. Главным героем был Антуан, его мать играла ведущую женскую роль. В этот день Антуан уезжал. Он направлялся в порт, где собирался успеть на итальянский лайнер и отправиться в увеселительный трансатлантический круиз в Европу. Он был, как всегда, элегантен. У дома его ожидало такси, водитель которого беспокойно сигналил.

Я был свидетелем последнего лихорадочного вечера Антуана, когда он отчаянно пытался сочинить стихотворение, посвященное своей матери.

– Чепуха, – сказал он мне. – Все, что я пишу, – чепуха. Я ничто.

Я уверил его – хотя кто я был такой, чтобы уверять его в этом, – что все, что он пишет, великолепно. В какой-то момент меня понесло, и я перешел границы, которых никогда прежде не переходил.

– Перестань, Антуан, – закричал я. – Я куда большее ничтожество! У тебя есть мать, у меня же нет ничего. Все, что ты пишешь, прекрасно!

Очень вежливо он попросил меня покинуть его комнату. Я выставил его глупцом, советующимся с никчемным мальчишкой, и горько сожалел о взрыве своих чувств. Мне хотелось, чтобы он остался моим другом.

На Антуане было его элегантное пальто, наброшенное на правое плечо. Одет он был в прекрасный зеленый костюм английского кашемира.

Тут заговорила моя бабушка.

– Тебе нужно торопиться, дорогой, – сказала она. – Время дорого. Тебе пора. Если ты не уедешь, эти люди убьют тебя ради денег.

Она имела в виду своих дочерей и их мужей, пришедших в ярость, обнаружив, что мать практически лишила их наследства, а этот отвратительный Антуан, их заклятый враг, собирается уехать со всем, что по праву им принадлежало.

– Прости, что я заставляю тебя пройти через все это, – извиняющимся тоном проговорила бабушка, – но, как тебе известно, время не считается с нашими желаниями.

Антуан заговорил своим чеканным, хорошо поставленным голосом. Больше чем когда-либо он был похож на актера.

– Одну минуту, мама, – сказал он. – Я хочу прочесть кое-что, написанное для тебя.

Это было благодарственное стихотворение. Закончив чтение, он умолк. Воздух, казалось, дрожал от переполненности чувствами.

– Это было прекрасно, Антуан, – вздохнула бабушка. – Ты выразил все, что хотел сказать. Все, что я хотела услышать.

На какое-то мгновение она приумолкла. Затем ее губы раздвинулись в тонкой улыбке.

– Плагиат, Антуан? – спросила она.

Улыбка, которой Антуан ответил матери, была столь же лучезарной.

– Разумеется, мама, – ответил он. – Разумеется.

Они обнялись, плача. Гудение рожка такси, казалось, стало еще более нетерпеливым. Антуан взглянул на меня, прячущегося под лестницей. Он легонько кивнул мне, как бы говоря: «До свидания. Будь внимателен». Затем он развернулся и, не взглянув более на мать, побежал к двери. Ему было тридцать семь, но выглядел он на все шестьдесят, казалось, он несет на своих плечах огромную тяжесть. Не дойдя до двери, он остановился, услышав голос матери, в последний раз напутствовавшей его.

– Не оглядывайся, Антуан, – сказала она. – Никогда не оглядывайся. Будь счастлив и действуй. Действуй! В этом все дело. Действуй!

Та сцена наполнила меня странной грустью, не ушедшей и по сей день, – в высшей степени неизъяснимой меланхолией, которую дон Хуан объяснил тем, что тогда я в первый раз узнал, что наше время когда-нибудь закончится.

На следующий день моя бабушка отправилась со своим советником, слугой и камердинером в путешествие к таинственному месту, называвшемуся Рондонией, где ее советник-маг собирался найти для нее лекарство. Бабушка была неизлечимо больна, а я даже не знал об этом. Она так и не вернулась, и дон Хуан объяснил, что продажа всего своего имущества и передача денег Антуану была величайшим магическим актом, предпринятым ее советником, чтобы избавить ее от забот о членах своей семьи. Они были так разозлены на мать за ее посту-

пок, что их не заботило, вернется она или нет. У меня было чувство, что они даже понимали, что больше не увидят ее.

Стоя на этой плоской горной вершине, я *вспомнил* эти три случая своей жизни так, как будто они произошли всего мгновение назад. Поблагодарив этих троих, я преуспел в возвращении их в мою жизнь на эту вершину. Когда я закончил кричать, мое одиночество стало невыносимым. Я заплакал.

Дон Хуан терпеливо объяснил мне, что одиночество неприемлемо для воина. Он сказал, что *воины-странники* могут положиться на то, на что обращают всю свою любовь, всю свою заботу, – на эту чудесную Землю, нашу мать, являющуюся основой, эпицентром всего того, что мы собой представляем, и всех наших дел, той самой сущностью, к которой все мы возвращаемся, той самой, что позволяет *воинам-странникам* отправиться в свое *окончательное путешествие*.

Затем дон Хенаро стал совершать акт магического *намерения* в поддержку моего предприятия. Он выполнил серию удивительных движений, лежа на животе. Он превратился в светящуюся каплю, которая, казалось, плыла по земле, как по воде. Дон Хуан сказал, что таким образом дон Хенаро обнимает огромную Землю и что, несмотря на разницу в размерах, Земля ощутила его объятия.

Действия дона Хенаро и объяснения дона Хуана способствовали тому, что на смену моему одиночеству пришла огромная радость.

– Я не могу смириться с мыслью о твоем уходе, дон Хуан, – услышал я свой голос.

Звук моего голоса и сказанные мной слова привели меня в замешательство. Еще большее огорчение я почувствовал, когда начал непроизвольно всхлипывать, побуждаемый жалостью к самому себе.

– Что со мной, дон Хуан? – пробормотал я. – Я никогда не знал такого состояния.

– С тобой происходит то, что твое осознание вновь достигло пальцев твоих ног, – ответил он, смеясь.

Я совершенно утратил контроль над собой и полностью отдался чувствам подавленности и отчаяния.

– Я хочу остаться один, – пронзительно вскрикнул я. – Что со мной происходит? Во что я превращаюсь?

– Пусть все идет своим чередом, – мягко сказал дон Хуан. – Чтобы покинуть этот мир и предстать перед неведомым, мне понадобится вся моя сила, все мое терпение, вся моя удача. Но прежде всего мне будет нужна вся стальная выдержка *воина-странника*. Тебе же, чтобы остаться и продолжить путь, как подобает *воину-страннику*, понадобится все то же, что и мне. Путь, в который мы отправляемся, нелегок, но остаться ничуть не легче.

Чувства захлестнули меня, и я поцеловал ему руку.

– Ну-ну-ну! – сказал он. – Ты еще башмаки мне почисть!

Охватившая меня мука из жалости к себе превратилась в чувство ни с чем не сравнимой утраты.

– Ты уходишь! – пробормотал я. – Боже мой! Навсегда!

В этот момент дон Хуан проделал со мной то, что постоянно проделывал, начиная с первого дня нашего знакомства. Он надул щеки, как будто задержав дыхание после глубокого вдоха, хлопнул меня по спине левой рукой и сказал:

– Встань на цыпочки! Поднимись!

В следующее мгновение я вновь обрел над собой полный контроль. Я понял, чего от меня ждут. Я больше не колебался и перестал беспокоиться о себе. Меня не заботило, что произойдет со мной после того, как дон Хуан покинет меня. Я знал, что его уход неизбежен. Он посмотрел на меня, и его глаза сказали мне все.

– Мы больше никогда не будем вместе, – мягко сказал он. – Тебе больше не нужна моя помощь, да я и не хочу тебе ее предлагать, поскольку ты достоин того, чтобы называться *воином-странником,* и ты плюнешь мне в глаза, если я предложу ее тебе. С определенного момента единственной отрадой для *воина-странника* становится его уединение. Точно так же я не хотел бы, чтобы ты пытался помочь мне. Раз уж я должен уйти, я ухожу. Не думай обо мне, ведь и я не буду думать о тебе. Если ты настоящий *воин-странник*, будь безупречен! Заботься о своем мире. Почитай его, защищай его даже ценой собственной жизни!

Он двинулся прочь от меня. Этот момент был выше жалости к себе, слез, счастья. Он кивнул головой, то ли прощаясь, то ли давая знать, что понимает мои чувства.

– Забудь о себе, и ты не будешь бояться ничего, на каком бы уровне осознания ты ни оказался, – сказал он.

В порыве легкомыслия ему хотелось поддразнивать меня до самого конца. Он делал это в последний раз в этом мире. Он протянул ко мне ладони и растопырил пальцы, как ребенок. Затем он вновь сжал их.

– Чао! – сказал он.

Я знал, что выражать печаль и сожалеть о чем-либо бессмысленно, но мне было нелегко стоять просто так, когда дону Хуану пришло время уходить. Мы оба вовлечены в необратимый энергетический процесс, который никто из нас не в силах остановить. С другой стороны, мне хотелось присоединиться к дону Хуану, идти с ним куда угодно. Мой разум пронзила мысль, что, если я умру, он возьмет меня к себе.

Затем я *увидел*, как дон Хуан Матус, Нагваль, уводит за собой пятнадцать других *видящих,* своих компаньонов, своих подопечных, своих друзей, и они исчезают в дымке с северной стороны горы. Я *видел*, как каждый из них превращается в светящуюся сферу и они все вместе возносятся над горой и плывут над ней, подобно призрачным огням. Как и предсказывал дон Хуан, они сделали круг над горой, в последний раз охватив эту удивительную землю доступным лишь им взглядом. Затем они исчезли.

Я знал, что мне следует делать. Мое время кончилось. Со всех ног я бросился к обрыву и прыгнул в пропасть. На мгновение мое лицо обдало ветром, после чего милосердная тьма поглотила меня, подобно величавой подземной реке.

Глава 17. Возвращение

Я смутно ощутил громкий звук мотора; казалось, газовали на месте. Я подумал, что служители загоняют машину на стоянку, расположенную позади дома, где у меня была служебная квартира. Шум стал таким громким, что в конце концов заставил меня проснуться. Я выругал про себя парней, решивших припарковаться как раз под окнами моей спальни. Мне было жарко, я вспотел и чувствовал себя вымотанным. Я сел на краю кровати и, ощутив сильнейшую судорогу в икрах, тут же их растер. Судорога была очень сильной, и я испугался, что у меня будут огромные синяки. Как автомат, я двинулся в ванную поискать какую-нибудь мазь. Я не мог идти, у меня кружилась голова. Я упал, чего со мной никогда прежде не случалось. Когда я немного пришел в себя, то почувствовал, что синяки на икрах совершенно перестали меня волновать. Я всегда был немного ипохондриком. Необычная боль в икрах, вроде той, что я чувствовал сейчас, легко могла ввергнуть меня в душевное расстройство.

Я подошел к окну, чтобы закрыть его, хотя больше не слышал шума. И увидел, что окно заперто и снаружи темно. Была ночь! В комнате было душно. Я отворил окна, не понимая, зачем закрыл их. Ночной воздух был прохладным и свежим. На автостоянке никого не было. Мне пришло в голову, что шум мог быть вызван автомобилем, газовавшим на аллее. Перестав ломать себе над этим голову, я пошел досыпать. Я лег поперек кровати, свесив ноги на пол. Мне хотелось уснуть в таком положении, чтобы восстановить кровообращение в болевших икрах, но я не помнил, что лучше – опустить их или же приподнять, положив на подушку.

Когда я собрался устроиться поудобнее и снова уснуть, мое сознание пронзила мысль, заставившая меня непроизвольно вскочить. Я же прыгнул в пропасть в Мексике! Следующая мысль была похожа на развитие логической цепочки: коль скоро я сознательно прыгнул в пропасть, чтобы умереть, я должен быть теперь призраком. Как странно, подумал я, что мне довелось после смерти вернуться в облике привидения в свою служебную квартиру на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд в Лос-Анджелесе. Не удивительно, что мои ощущения были совсем другими. Но если я призрак, думал я, то почему ощущаю дуновение свежего воздуха и боль в икрах?

Я потрогал простыни на своей кровати. Они показались мне совершенно реальными. То же было и с ее металлической сеткой. Я прошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Взглянув на меня, можно было легко решить, что я призрак. Выглядел я ужасно. Глаза мои запали, под ними проступали огромные черные круги. Я был то ли иссушен, то ли мертв. Инстинктивно я стал пить воду прямо из-под крана. Я вполне мог ее глотать и делал глоток за глотком, как будто не пил несколько дней. Я почувствовал, что глубоко дышу. Я был жив! Ей-богу, я был жив! У меня не осталось ни тени сомнения на этот счет, но это почему-то не улучшило моего настроения. Неожиданная мысль молнией вспыхнула в моем уме: я умер и вновь воскрес. Я отнесся к ней равнодушно – она ничего для меня не значила. Отчетливость этой мысли казалась полузнакомой. Это была псевдопамять, не имевшая ничего общего с ситуациями, в которых моя жизнь подвергалась опасности. Скорее, это было глубинное знание о чем-то таком, что никогда не происходило и не имело оснований приходить мне в голову.

У меня не было сомнений насчет того, что я прыгнул в пропасть в Мексике. Сейчас же я находился в своей квартире в Лос-Анджелесе, более чем за три тысячи миль от этого места, и ничего не помнил о своем возвращении. Действуя автоматически, я налил воды в ванну и уселся в нее. Теплоты воды я не почувствовал; я продрог до костей. Дон Хуан учил меня, что в кризисные моменты вроде этого нужно использовать в качестве очистительного фактора проточную воду. Вспомнив об этом, я забрался под душ. Больше часа я лил на себя теплую воду.

Мне захотелось спокойно и рассудительно разобраться в том, что со мной произошло, но мне это не удавалось. Мысли, казалось, улетучились из моей головы. Думать я не мог, но был переполнен ощущениями, непостижимым образом возникавшими в моем теле. Я мог лишь чувствовать их приливы и пропускать их сквозь себя. Единственное осознанное действие, на которое я оказался способен, – это одеться и выйти на улицу. Я отправился позавтракать – на это я был способен в любое время дня и ночи – в ресторан Шипа на улице Уилшир, расположенный через дом от меня.

Я так часто ходил от своего дома к Шипу, что на этом пути был мне знаком каждый шаг. В этот раз дорога была для меня совершенно внове. Я не ощущал своих шагов. Ноги как будто были окутаны ватой, или же тротуар был застелен ковром. Я почти скользил. Внезапно я очутился у дверей ресторана, сделав, как мне показалось, всего два или три шага. Я знал, что смогу проглотить пищу, так как смог пить воду в квартире. Я также знал, что смогу разговаривать, поскольку, моясь под душем, прочистил горло и чертыхался все то время, пока на меня лилась вода. Я, как обычно, вошел в ресторан и сел у стойки. Ко мне подошла знакомая официантка.

– Ты неважно выглядишь сегодня, дорогой, – сказала она. – Ты часом не подхватил грипп?

– Нет, – ответил я, стараясь придать голосу бодрость. – Я слишком много работал. Я не спал круглые сутки, писал статью для студентов. Кстати, какой сегодня день?

Она посмотрела на часы и сообщила мне дату, объяснив, что это специальные часы с календарем, подарок дочери. Она также сказала мне время – было четверть четвертого утра.

Я заказал бифштекс и яичницу, жареный картофель и хлеб с маслом. Когда официантка отправилась выполнять заказ, на меня нахлынула новая волна страха: а не привиделось ли мне, что я прыгнул в пропасть в Мексике в сумерках минувшего дня? Но пусть даже прыжок был галлюцинацией, как смог я вернуться в Лос-Анджелес из такой дали всего за десять часов? Я что, проспал эти десять часов? Или же в течение этого времени я летел, скользил, плыл – или что-нибудь еще – в Лос-Анджелес? О путешествии обычными средствами от места, где я прыгнул в пропасть, до Лос-Анджелеса не могло быть и речи, так как только на то, чтобы добраться оттуда до Мехико, ушло бы два дня.

Еще одна странная мысль посетила меня. Она обладала той же ясностью, что и моя псевдопамять о том, что я умер и воскрес, и была столь же мне чуждой: *моя непрерывность теперь необратимо сломана*. Я действительно умер, тем или иным образом, на дне этого ущелья. Мне не под силу было постичь, каким образом я жив и завтракаю у Шипа. Было невозможно мысленно вернуться в свое прошлое и проследить непрерывную последовательность событий так, как ее обычно прослеживает человек, вглядываясь в свое прошлое.

Единственное объяснение, пришедшее мне в голову, состояло в том, что я последовал указаниям дона Хуана; я сдвинул свою *точку сборки* в положение, предотвратившее мою смерть, и вернулся в Л-А из своего *внутреннего безмолвия*. Ничего другого я придумать не смог. Впервые в жизни такой ход мыслей оказался для меня целиком приемлемым и совершенно удовлетворительным. Он ничего не объяснял, но определенно указывал на прагматический процесс, уже пережитый мною прежде в менее критических обстоятельствах, и эта, казалось бы, нелепая мысль совершенно успокоила все мое существо.

В моем уме появилось несколько очень ясных мыслей. Они удивительным образом прояснили запутанные вопросы. Первая из них была связана с тем, что тревожило меня все это время. Дон Хуан сказал, что для магов-мужчин вполне характерна неспособность запоминать события, происходящие в состоянии *повышенного осознания*.

Дон Хуан описывал состояние *повышенного осознания* как кратковременное смещение *точки сборки*, которое он всякий раз вызывал у меня, сильно ударяя меня по спине. Этим смещением он помогал мне охватить энергетические поля, обычно находившиеся на периферии моего осознания. Иными словами, энергетические поля, обычно находившиеся на краю

моей *точки сборки*, на время этого смещения оказывались в ее центре. Такого рода сдвиг имел для меня два последствия – чрезвычайное обострение мыслей и восприятия и неспособность вспомнить, вернувшись к нормальному осознанию, что же происходило, пока я был в таком измененном состоянии.

Мои взаимоотношения с моим отрядом магов являли собой пример обоих этих последствий. У меня были спутники, товарищи по *окончательному путешествию*. Я взаимодействовал с ними только в состоянии *повышенного осознания*. Четкость и границы нашего взаимодействия были потрясающими. Расплачиваться же за это приходилось тем, что в повседневной жизни от них оставались лишь болезненные псевдовоспоминания, приводившие меня в отчаяние и вызывавшие беспокойные ожидания неизвестно чего. Можно сказать, что в обычной жизни я жил в постоянном ожидании кого-то, кто должен был внезапно возникнуть передо мной, то ли появившись из административного здания, то ли наскочив на меня из-за угла. Куда бы я ни направлялся, мой взор поневоле рыскал повсюду в поисках несуществующих людей, которые, однако, существовали как никто другой.

Пока я сидел в то утро у Шипа, все, что происходило со мной в состоянии *повышенного осознания* за все годы, проведенные с доном Хуаном, вплоть до мельчайших деталей, вновь превратилось в непрерывную последовательность событий. Дон Хуан сокрушался, что мужчина-маг, являющийся Нагвалем, из-за размеров своей энергетической массы волей-неволей оказывается разделен на части. Он говорил, что каждый такой фрагмент занимает особую часть общего поля восприятия, и события, которые он переживал в каждом таком фрагменте, должны были однажды воссоединиться в целостную, осознанную картину всего, что происходило в течение его жизни.

Глядя мне в глаза, он сказал, что для такого объединения требуются годы, и ему известны случаи, когда Нагвали так и не достигали полного сознательного охвата своей деятельности и жили разделенными.

То, что я пережил в это утро у Шипа, превосходило все, что могло привидеться мне в самых буйных фантазиях. Дон Хуан время от времени говорил мне, что мир магов не является неизменным, где каждое слово окончательно и бесповоротно, но представляет собой мир непрекращающихся флуктуаций, где ничто не должно приниматься как данность. Прыжок в пропасть настолько изменил мою когнитивную способность, что я смог допускать возможности, казавшиеся прежде удивительными и неописуемыми.

Но все, что я мог сказать об объединении своих познающих фрагментов, было лишь приближением к реальности. В то роковое утро у Шипа я пережил нечто бесконечно более мощное, чем в день, когда впервые *увидел* течение энергии во Вселенной, в день, который закончился для меня тем, что я перенесся из университетского городка в свою постель, не добираясь домой так, как того требовала моя привычная система познания, чтобы все событие представлялось реальным. У Шипа я воссоединил все фрагменты своей сущности. В каждом из них я действовал в высшей степени уверенно и последовательно и все же не имел ни малейшего представления о том, как мне это удавалось. Это была, по существу, гигантская головоломка, и установка на место каждого ее фрагмента производила невыразимый эффект.

Я сидел у стойки ресторана Шипа, исходил потом, безрезультатно раздумывал и настойчиво задавал себе вопросы, на которые не существовало ответов. Как все это было возможно? Как я мог быть разделен таким образом? Кто мы на самом деле? Вне сомнения, мы не те, кем большинство из нас себя считают. Я – во всяком случае, некая сердцевина меня – обладал воспоминаниями о событиях, никогда не происходивших. Я не мог даже плакать.

– Маг плачет, когда он фрагментирован, – как-то сказал мне дон Хуан. – В целостном состоянии его охватывает столь сильная дрожь, что может даже убить его.

Меня охватила именно такая дрожь! Я сомневался, что когда-либо встречусь со своими спутниками. Мне казалось, что все они остались с доном Хуаном. Я был один. Мне хотелось

думать об этом, оплакивать эту утрату, погрузиться в облегчающую душу печаль, как я всегда поступал. Но я не мог. Мне нечего было оплакивать, не о чем печалиться. Ничто не имело значения. Все мы были *воинами-странниками*, и всех нас поглотила *бесконечность*.

Все это время я внимательно прислушивался к тому, что дон Хуан говорил о *воинах-странниках*. Мне чрезвычайно нравилась эта метафора, и я соглашался с ней, но лишь на чисто эмоциональном уровне. Но я никогда не понимал, что он на самом деле под ней подразумевает, хотя он множество раз объяснял мне ее смысл. В ту ночь, у стойки ресторана Шипа, я понял, о чем говорил дон Хуан. Я был *воином-странником*. Лишь *энергетические факты* были важны для меня. Все остальное было приправой к ним, – приправой, не имевшей никакого значения.

В ту ночь, пока я сидел в ожидании заказа, в моем уме вспыхнула еще одна отчетливая мысль. Я ощутил, как на меня накатывает волна сопереживания, волна отождествления с основами учения дона Хуана. Я наконец достиг поставленной им цели: я был заодно с ним так, как никогда прежде. Дело ни в коем случае не было в том, что я чуть ли не воевал с доном Хуаном и его представлениями, которые были слишком для меня революционными, поскольку не удовлетворяли мое линейное мышление западного человека. Скорее, причиной было то, что последовательность, с которой дон Хуан излагал свое учение, всегда пугала меня до полусмерти. Его подготовленность представлялась мне догматизмом. Именно это впечатление заставляло меня искать объяснений и выполнять все так, как будто я был вынужденным приверженцем.

Да, я прыгнул в пропасть, сказал я себе, и не погиб, потому что, прежде чем достигнуть дна ущелья, я позволил *темному морю осознания* поглотить себя. Я подчинился ему без страха и сожаления. И это *темное море* снабдило меня всем необходимым для того, чтобы не умереть, а очутиться в своей постели в Л-А. Еще два дня назад такое объяснение ничего бы не значило для меня. В три часа ночи в ресторане Шипа оно было для меня всем.

Я стукнул рукой по столу так, как будто был в зале один. Люди смотрели на меня и понимающе улыбались. Я не обращал на них внимания. Мое сознание мучилось неразрешимой дилеммой: я был жив, несмотря на то, что десять часов назад прыгнул в пропасть, чтобы погибнуть. Я знал, что такого рода дилемму мне ни за что не разрешить. Мое обычное сознание требовало линейного объяснения, линейные же объяснения были невозможны. Проблема была в нарушении непрерывности. Дон Хуан говорил, что это нарушение магическое. Я знал это теперь со всей возможной определенностью. Как прав был дон Хуан, когда говорил, что, для того чтобы остаться, мне понадобятся вся моя сила, все мое терпение и, прежде всего, стальная выдержка *воина-странника*.

Мне хотелось думать о доне Хуане, но я не мог. Кроме того, я совсем о нем не беспокоился. Казалось, между нами был гигантский барьер. Я искренне верил в тот момент, что чуждая мне мысль, подбиравшаяся ко мне с самого момента моего пробуждения, была правильной: я был чем-то еще. Перемена произошла со мной в момент прыжка. В противном случае я наслаждался бы мыслями о доне Хуане, тосковал бы о нем. Я ощутил бы даже что-то вроде негодования из-за того, что он не взял меня с собой. Это было бы моим нормальным «я». Мысль эта крепла, пока не заполонила собой всю мою сущность. После этого от моего прежнего «я» не осталось и следа.

Мною овладело новое настроение. Я был один! Дон Хуан оставил меня внутри сна как своего агента-провокатора. Я почувствовал, как мое тело начинает утрачивать свою жесткость; оно постепенно становилось гибким, и наконец я смог дышать глубоко и свободно. Я громко рассмеялся. Меня не заботило, что люди пялятся на меня, уже не улыбаясь. Я был один и ничего не мог с этим поделать!

Я физически ощутил, как вхожу в переход, – переход, обладавший собственной силой. Этим переходом был дон Хуан, безмолвный и необъятный. В этот раз я впервые почувствовал,

что в доне Хуане не было ничего физического. Для сентиментальности и страстей не оставалось места. Я никоим образом не мог ощутить его отсутствия, так как он был здесь, он был обезличенным чувством, завлекшим меня внутрь.

Переход был вызовом. Я почувствовал воодушевление, легкость. Да, я мог двигаться по нему, один или в компании, пожалуй, вечно. И это не было для меня ни обязанностью, ни развлечением. Это было чем-то большим, чем *окончательное путешествие*: неизбежный удел *воина-странника* – это было началом новой эры. Я мог бы разрыдаться от осознания того, что я нашел этот переход, но этого не произошло. Я стоял перед лицом *вечности,* находясь в ресторане Шипа! Как необычно! Я ощутил холодок в спине и услышал голос дона Хуана, который говорил, что Вселенная поистине непостижима.

В этот момент задняя дверь ресторана, ведущая к автостоянке, открылась, и вошел странный тип: мужчина, пожалуй, немного старше сорока, растрепанный и изнуренный, но с довольно приятными чертами. Я уже много лет подряд встречал его бродящим вокруг Лос-анджелесского университета среди толпящихся студентов. Кто-то сказал мне, что он находится на амбулаторном лечении в расположенном неподалеку Госпитале Ветеранов. Он казался слегка не в себе. Время от времени я видел его у Шипа, съежившимся, всегда у одного и того же края стойки с чашкой кофе. Я также видел, как он ждет снаружи, заглядывая в окно, когда освободится его любимое место.

Войдя в ресторан, он сел на свое обычное место и взглянул на меня. Наши взгляды встретились. Вслед за этим он испустил ужасный вопль, от которого меня и всех присутствующих пробрало холодом до костей. Все смотрели на меня, широко раскрыв глаза, некоторые застыли с непережеванной пищей во рту. Очевидно, они подумали, что это кричал я. Я дал им повод так думать, стукнув по стойке и затем громко расхохотавшись. Мужчина вскочил со своего сиденья и бросился вон из ресторана, оборачиваясь в мою сторону и возбужденно жестикулируя над головой.

Поддавшись инстинктивному побуждению, я побежал за ним. Я хотел узнать у него, что такого он увидел во мне, что заставило его закричать. Я догнал его на автостоянке и попросил объяснить, почему он кричал. Он закрыл глаза и вновь закричал, еще громче. Он напоминал ребенка, напуганного ночным кошмаром, кричащего во всю мощь своих легких. Я оставил его и вернулся в ресторан.

– Что с тобой случилось, дорогой? – спросила официантка, озабоченно глядя на меня. – Я подумала, не сбежал ли ты от меня.

– Я только вышел повидать друга, – сказал я.

Официантка посмотрела на меня, изобразив на лице досаду и удивление.

– Этот парень – твой друг? – спросила она.

– Единственный в мире, – ответил я, и это была правда, если мне позволительно называть другом того, кто видит сквозь скрывающую вас личину и знает, откуда вы явились на самом деле.